

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

11

Выпуск (892)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2024

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

11
Issue (892)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2024

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 11 (892)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Горожанов
Алексей Иванович

Ответственный секретарь
Фурсова
Дарья Аветисовна

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Толкачев Сергей Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Минский государственный лингвистический университет (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 11 (892)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov
Alexey Ivanovich

Executive Secretary
Fursova
Daria Avetisovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Ilinichna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osmirina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Tolkachev Sergey Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Minsk State Linguistic University (Minsk)
Cenki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Анализ семантических и функциональных особенностей перевода единиц лексико-фразеологического поля «футбол» в испанском языке АЛЬВАРЕС СОЛЕР А. А., ДИГАЛЕВ Н. В.	9
Реалии в монгольском романе Г. Аюурзаны «Шугден» и их перевод на русский язык ВАСИЛЬЕВА Д. Н.-Д.	17
Архитектура сбалансированного лингвистического корпуса, полученного автоматическим путем (опыт Московского государственного лингвистического университета) ГОРОЖАНОВ А. И.	24
Понятийный компонент концепта «АРМИЯ» в китайской лингвокультуре как основа формирования имиджа Народно-освободительной армии Китая КАЛИНИН О. И., РАДУС Л. А.	31
Средства создания образа «Я – чужой» в медийном дискурсе (на материале интервью британского принца Генри американскому телеканалу) КОСИЧЕНКО Е. Ф.	38
Когнитивный аспект лексической категоризации китайских глаголов одевания (на примере ядерных глаголов 穿 и 戴) КРАСИКОВА Е. А., ШАХАЕВА А. А.	46
Семантика стательного перфекта: сопоставительный и переводческий аспекты (на материале болгарского языка) ЛУЧАЕВ Д. И.	53
Социолингвистические особенности функционирования английского языка в Республике Корея МОЗОЛЬ Т. С.	60
Концептуальные конфигурации аддитивных структур ОВСЕЙЧИК Ю. В.	67
Репрезентация сферы «культура и искусство» в корпусе современных средств массовой информации ФРГ ПИСАРИК О. И.	76
Применение модели усилий Даниэля Жилиа к исследованию синхронного перевода в языковой паре «турецкий – русский» с целью выработки продуктивных переводческих стратегий САРКИСЯН А. А.	83
Аллюзии и другие проявления интертекстуальности в локализации игр СЕМЕНОВА М. О.	90
Оценка документационного обеспечения международных мероприятий (переводческий аспект) СОЛНЦЕВ Е. М., ЗИНОВЬЕВА Е. В.	97

СОДЕРЖАНИЕ

Культурно-семиотический подход к анализу новостного политического нарратива ТАМЕРЬЯН Т. Ю., ШАИПОВА А. М.	105
Понятие «человек» в испанской лексикографии XVII–XVIII веков ФЕДОСОВА О. В., ИЩЕНКО А. Д.	112
Метафорическое пространство метаязыка трактата «Хуан Ди Нэй Цзин» ЧЖАО ХАНЬЦИН, ТЯНЬ АЙСЯ, ШАТАЛОВА Н. С.	120
Идеологический компонент в общественно-политическом дискурсе современной Германии ЮКЛЯЕВА Е. А.	127

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Оппозиция мужского и женского начал в романе П. М. Андреевского «Пырей» (1980) ГАВРИЛОВА П. Д.	134
От литературы травмы к хилинг-романам МАВЛЕЕВА Д. В., ПОХОЛКОВА Е. А.	141
Вавилонская башня vs розовый домик: проблема аутентичности в лингвофилософском пространстве романов Л. А. Юзефовича «Клуб “Эсперо”» (1990) и «Казароза» (2002) МУ ЧУНХУАЙ, НИКОЛАЕВА Н. В.	147

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Валоризация республиканских символов Франции на Олимпийских играх 2024 года АВДОНИНА М. Ю., ЖАБО Н. И., ШАФИКОВА Е. С.	154
Подходы к охране нематериального культурного наследия в государственной политике России и в деятельности ЮНЕСКО: сходства и различия САЗОНОВА В. А.	161

LINGUISTICS

Analysis of Semantic and Functional Features of Translation of Units of the Lexical and Phraseological Field “Football” in the Spanish Language ALVARES SOLER A. A., DIGALEV N. V.	9
Realities in the Mongolian Novel “Shugden” by G. Ayurzana and Their Translation into Russian VASILEVA D. N.-D.	17
Architecture of a Balanced Linguistic Corpus Built Automatically (experience of Moscow State Linguistic University) GOROZHANOV A. I.	24
The Conceptual Component of the Army Cognitive Frame in Chinese Linguistic Culture as the Basis of the PLA Image Formation KALININ O. I., RADUS L. A.	31
Means of Creating the I-Am-A-Stranger Image in Media Discourse (analysis of an Interview with British Prince Henry on American TV) KOSICHENKO E. F.	38
The Cognitive Aspect of the Lexical Categorization of Chinese Dressing Verbs (using the example of the nuclear verbs 穿 and 戴) KRASIKOVA E. A., SHAKHAEVA A. A.	46
Semantics of the Stative Perfect: Comparative and Translation Aspects (on the Bulgarian language material) LUCHAEV D. I.	53
Sociolinguistic Aspects of English Language Functioning in the Republic of Korea MOZOL T. S.	60
Conceptual Configurations of Additive Structures AUSEICHYK YU. V.	67
Representation of the Sphere “Culture and Arts” in the Corpus of Modern Germany Media PISARIK O. I.	76
The Application of Daniel Gile’s Effort Model to the Research of Simultaneous Interpretation in the Turkish – Russian Language Combination with a view to Work out Productive Interpreting Strategies SARKISYAN A. A.	83
Allusions and Other Manifestations of Intertextuality in Game Localization SEMENOVA M. O.	90
Evaluation of Documentation Support for International Events (Translation and Interpreting Issues) SOLNTSEV E. M., ZINOVYEVA E. V.	97

CONTENTS

Cultural and Semiotic Approach to Political News Narrative Analysis TAMERYAN T. YU., SHAIPOVA A. M.	104
The Concept of “Man” in the Spanish Lexicography of the XVII–XVIII Centuries FEDOSOVA O. V., ISHCENKO A. D.	112
The Metaphorical Space of the Metalanguage of the Treatise “Huang Di Nei Jing” ZHAO HANQING, TIAN AYIXIA, SHATALOVA N. S.	120
Ideological Component in Socio-Political Discourse of Modern Germany YUKLYAEVA E. A.	127

LITERARY STUDIES

The Opposites of Masculine and Feminine Principles in the Novel by P. M. Andreevsky “Wheatgrass” (1980) GAVRILOVA P. D.	134
From Trauma Literature to Healing Novels MAVLEEVA D. V., POKHOLKOVA E. A.	141
Tower of Babel vs Pink House: the Problem of Authenticity in the Linguophilosophical Space of L. A. Yuzefovich’s Novels “Espero Club” (1990) and “Casaroza” (2002) MU CHONGHUAI, NIKOLAEVA N. V.	147

CULTUROLOGY

Valorization of Republican Symbols of France at the Olympic Games Paris 2024 AVDONINA M. YU., ZHABO N. I., SHAFIKOVA E. S.	154
Approaches to the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage in Russian State Policy and UNESCO Activities: Similarities and Differences SAZONOVA V. A.	161

Анализ семантических и функциональных особенностей перевода единиц лексико-фразеологического поля «футбол» в испанском языке

А. А. Альварес Солер¹, Н. В. Дигалев²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹anna.alvaressoler@gmail.com

²nikodigal@gmail.com

Аннотация. В настоящей работе рассмотрены методы и средства анализа семантических и функциональных особенностей аудиовизуального перевода и определены наиболее подходящие из них для изучения лексико-фразеологического поля «футбол» в испанском языке. Исследованы лингвистические и экстралингвистические аспекты перевода актуальных фразеологических сочетаний на примере документального кино о футболе. Показано, что важнейшими требованиями для качественного аудиовизуального перевода футбольной тематики являются наличие фоновых знаний, сохранение эмоциональной составляющей и темпа речи комментаторов, учет значительных отличий произношения слов и фраз в нормативном испанском языке. Целью работы является анализ и исследование особенностей перевода испаноязычных документальных фильмов о футболе.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, футбольная тематика, спортивная терминология, документальное кино, перевод под субтитры

Для цитирования: Альварес Солер А. А., Дигалев Н. В. Анализ семантических и функциональных особенностей перевода единиц лексико-фразеологического поля «футбол» в испанском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 9–16.

Original article

Analysis of Semantic and Functional Features of Translation of Units of the Lexical and Phraseological Field “Football” in the Spanish Language

Anna A. Alvares Soler¹, Nikolay V. Digalev²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹anna.alvaressoler@gmail.com

²nikodigal@gmail.com

Abstract. In this paper, we consider the existing methods and tools for analyzing the semantic and functional features of audiovisual translation and identify the most suitable ones for studying the lexical and phraseological field “Football” in the Spanish language. The linguistic and extralinguistic aspects of the translation of actual phraseological combinations are studied on the example of a documentary film about football. It is shown that the most important requirements for high-quality audiovisual

translation of football topics are the availability of background knowledge, the preservation of the emotional component and the pace of commentators' speech, taking into account significant differences in the pronunciation of words and phrases in the normative Spanish language. The aim of the work is to identify, analyze and study the features of the ways of translating Spanish-language football documentaries.

Keywords: audio-visual translation, football topics, sports terminology, documentary, subtitled translation

For citation: Alvares Soler, A. A., Digalev, N. V. (2024). Analysis of semantic and functional features of translation of units of the lexical and phraseological field "Football" in the Spanish language. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(892), 9–16. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Аудиовизуальный перевод является актуальным в настоящее время, так как с появлением Интернета и технологий мультимедийных форматов необходимость в качественном переводе видео- и аудиоматериалов становится всё более востребованной. Это связано с тем, что контент, создаваемый на других языках, имеет потенциал донести свое содержание до массовой иноязычной аудитории через аудиовизуальный перевод в процессе производства и распространения. Кроме того, аудиовизуальный перевод обеспечивает сохранность и обмен культурными ценностями, так как реализация идеи оригинального контента исходит именно от идеологических и культурных представлений его создателей.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала нами был проанализирован документальный мини-сериал «"Реал Мадрид": вместе до конца» (2023) о победе «Реала» в Лиге чемпионов 2021 / 2022, предназначенный для максимально широкой аудитории и переведенный на русский язык под субтитры. В нашей статье мы, используя методы интерпретативного и контекстуального анализа, исследуем способы передачи содержания спортивной тематики, эмоциональных выражений и особенности речи спортивных комментаторов.

МЕТОДЫ И СРЕДСТВА АНАЛИЗА СЕМАНТИЧЕСКИХ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

История мирового кинематографа и телевидения тесно связана с развитием аудиовизуального перевода. Со временем дублирование, закадровый перевод и перевод под субтитры стали широко популярными методами киноперевода.

Главная цель киноперевода заключается в передаче аудиовизуального материала с максимальной точностью, сохраняя языковые и стилистические особенности оригинальной версии. Первостепенная цель киноперевода состоит в преобразовании аудиовизуального контента, сохраняя при этом как лингвистические, так и стилистические характеристики оригинальной версии в максимальной степени точности.

Согласно Л. Л. Нелюбину, аудиовизуальный перевод, одним из видов которого является киноперевод, объединяет в себе элементы устного, письменного и синхронного перевода, преобладающий элемент которого зависит от типа работы [Нелюбин, 2009]. Каждый вид аудиовизуального перевода имеет своих сторонников и противников, перевод под субтитры не является исключением. Например, советский режиссер В. И. Пудовкин высказывал мнение о том, что использование субтитров приводит к нарушению интегрального восприятия аудиовизуального материала.

Основные критерии перевода под субтитры – сохранение смысловой и эмоциональной составляющей оригинального видеоряда, а также удобство для восприятия широкой аудиторией. В. Е. Горшкова охарактеризовала субтитры как сокращенный до диалогов и реплик перевод кинофильма, который отражает его основное содержание [Горшкова, 2006]. Согласно Е. Д. Маленовой, существует четыре вида ограничений, с которыми может столкнуться аудиовизуальный переводчик при работе с субтитрами: физиологические, персональные, социальные и нормативные. Среди физиологических ограничений важно учитывать способность аудитории воспринимать информацию, а среди социальных ограничений – их культурные, этические и моральные ценности. Переводчик также сталкивается с персональными ограничениями, связанными с его собственными фоновыми знаниями, а также с нормативными ограничениями, такими как необходимость достичь эффекта, идентичного оригинальной версии, в переведенном продукте [Malenova, 2015].

При переводе кинофильмов на субтитры часто приходится сокращать длительные реплики персонажей, что требует использования различных переводческих трансформаций. В. Н. Комиссаров выделяет лексические, грамматические и лексико-грамматические переводческие трансформации. Среди лексических трансформаций наиболее распространены такие методы, как транскрипция, калькирование, транслитерация, конкретизация, генерализация и смысловое развитие. Грамматические трансформации включают в себя транспозицию, дословный перевод и членение предложений. В лексико-грамматических трансформациях наиболее распространены описательный и антонимический перевод [Комиссаров, 1990].

Из-за большого количества специальной терминологии, футбольная тематика может вызывать определенные сложности при работе как с текстами, так и с аудиовизуальными материалами. Согласно Н. И. Зелинской, можно выделить спортивную лексику и спортивную терминологию. Комментаторы и СМИ активно используют спортивную лексику во время трансляций и при освещении спортивных новостей. Спортивная терминология, в свою очередь, часто используется в специальных документах и среди экспертов, имеющих глубокие знания в области спорта [Зелинская, 1974]. Ф. П. Сороколетов отметил, что спортивная лексика специфична и применима только в спорте, и невозможность использования этих слов в других областях делает их уникальными [Сороколетов, 1978].

Е. И. Гуреева предложила классификацию спортивной терминологии на несколько групп: первая – включает названия видов спорта; вторая – термины, связанные с участниками спорта, такими как футболисты и тренеры; третья группа – спортивные приемы, которые включают различные игровые движения и тактические элементы [Гуреева, 2007].

Ден Бланк рассмотрел термины, относящиеся к футболу, которые входят в третью группу. Эти термины, такие как *пас в больницу* и *игра в стенку*, обозначают тактические приемы, которые футболисты и тренеры применяют во время матча. В футбольной терминологии большое количество заимствований из разных языков, например из английского. Однако важно отметить, что некоторые слова в британском и американском английском имеют разные значения. Самый яркий пример – слова *football* и *soccer*. В британском английском *football* обозначает именно американский футбол, а *soccer* – обозначает самый популярный вид спорта в мире. В американском английском *soccer* используется как альтернативное название для футбола, чтобы отличать его от американского футбола.

В испанском языке существуют определенные различия в терминологии футбола между Испанией и странами Латинской Америки. Слово *вратарь* в Испании обычно переводится как *portero*, в то время как в большинстве стран Латинской Америки более распространенным вариантом является слово *arquero*¹.

Это всего лишь один пример. Такие различия в терминах футбола могут быть и в других аспектах игры. Это связано с историческими, культурными и лингвистическими отличиями между Испанией и странами Латинской Америки. Необходимо отметить и различия в региональных вариантах языка в Испании. Кроме того, национальные варианты испанского языка в странах Латинской Америки также имеют свои как лексические, так и фразеологические особенности.

Важно отметить, что одним из важнейших требований для работы над переводом футбольной тематики являются фоновые знания. Для перевода многих наименований, в том числе и названий команд, известных преимущественно среди болельщиков, требуется дополнительное изучение контекста. В документальном сериале «Реал Мадрид»: вместе до конца» встречаются и определенные выражения, которые использовались исключительно конкретными личностями из мира футбола.

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ФУТБОЛ» В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Рассмотрим некоторые примеры.

1. El balón de Rodri. Rodri para Cancelo. ***¡Cancelo va a meter la rosca!***² – Родри – Канселу. ***Канселу бьет по воротам!***

В данном примере выражение *meter la rosca* придает реплике особый стилизованный оттенок. Это фразеологическое сочетание используется в метафорическом смысле. Здесь слово *rosca* относится к удару по воротам, который изменяет траекторию полета мяча (например, знаменитый гол Роберто Карлоса в матче с Францией в 1998 году).

¹Rubio, Ruben Conde. Vocabulario futbolístico: diferencias entre España y Latinoamérica. 2018.

²«Реал Мадрид»: вместе до конца». URL: <https://tv.apple.com/ru/show/%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB-%D0%BC%D0%B0%D0%B4%D1%80%D0%B8%D0%B4-%D0%B2%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B5-%D0%B4%D0%BE-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B0/umc.cmc.39sq1w84s2idx8xyrpxrl89a>

В переводе применяется наиболее понятная формулировка *бьет по воротам*. Помимо этого, можно использовать вариант *крученный удар*.

2. ¡Vamos, mírale! ¡Que va, que va, que va! ¡Venga, que no hay fuera de juego! Vinicius. Vinicius. Se le mete Marquinhos. ¡El rechace...! ¡Gol!¹ – Вперед. Посмотрите на него. Винисиус. Всё еще Винисиус. Маркиньос отбивает. Гол!

Комментатор в конце этой фразы использует слово *rechace*, что можно перевести как «вынос мяча». Это действие показано в видеокadre. Чтобы сократить длинную фразу комментатора в переводе, мы используем компрессию. Однако данный эпизод требует более эмоционального перевода, поэтому хотели бы предложить альтернативный вариант:

– Вперед! Посмотрите на него! Давай, давай! Офсайд нет, бег! Винисиус! Маркиньос выносит мяч... Гол!

3. Pita el inicio del partido. Ahí está Mariano. *Que buen taconazo*. La pelota para Vinicius. Vinicius dentro del área. ¡Gol! ¡Dentro! ¡Vamos!² – Он дает стартовый свисток. Вот Мариано. *Вот это пас пяткой*. И мяч у Винисиуса. Он приближается к воротам. Гол!

Испаноязычные комментаторы часто используют лексические единицы, имеющие значение преувеличения. Важно отметить, что испаноязычные комментаторы являются одними из самых эмоциональных в мире. Этот стиль комментирования матчей характерен как для Испании, так и для стран Латинской Америки. В испанском языке часто используется суффикс *-azo* для передачи значения преувеличения. Однако при переводе лексических единиц с таким значением возникает проблема, поскольку они не всегда имеют эквивалентные выражения в других языках. Чтобы грамотно передать реплику, необходимо тщательно подобрать оптимальные варианты перевода, которые соответствовали бы данному стилю. В данном примере, комментатор использует слово *taconazo*, что означает *красивый пас пяткой* (от слова *tacón*). В субтитрах был использован вариант перевода *вот это пас пяткой*, чтобы передать как смысловую, так и эмоциональную составляющую этого выражения.

¹«Реал Мадрид»: вместе до конца». URL: <https://tv.apple.com/ru/show/%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB-%D0%BC%D0%B0%D0%B4%D1%80%D0%B8%D0%B4-%D0%B2%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B5-%D0%B4%D0%BE-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B0/umc.cmc.39sq1w84s2idx8xyurxrl89a>

²Там же.

4. Vini, Vini, Vini. Se va a meter dentro del área. **Busca un hueco. ¡Vini, Vini! ¡Karim! ¡Gol! ¡Gol, gol, gol, gol gol...!** – Вيني входит в штрафную. **Бьет и забивает! Гол!**

Одним из самых распространенных приемов при переводе под субтитры является компрессия. Испаноязычные комментаторы часто быстро повторяют определенные слова несколько раз. Для сравнения: русскоязычные комментаторы практически не используют такие повторы при быстрой речи. При оформлении субтитров необходимо сокращать реплики, чтобы они соответствовали видеоряду и были понятны для всех зрителей.

5. El balón que le va a llegar a Benzema. **Benzema para Cristiano** dentro del área. **Se da la vuelta Cristiano... ¡Golazo, golazo, golazo!**³ – Мяч у Бензема! Он пасует Криштиану в штрафную... Гол!

В данном примере мы можем увидеть, как в языке оригинала комментатор опускает глаголы. В оригинале звучит фраза *Benzema para Cristiano*, что означает *отдает передачу*. Однако глагол в этой реплике пропущен. В переводе же употреблен глагол *пасует*. В данном случае неуместно отказываться от использования глагола в переводе, так как они здесь необходимы. Также важно учесть эмоциональную составляющую. Комментатор многократно использует слово *golazo*, в то время как в субтитрах лишь один раз используется слово *гол*.

6. Son muy rápidos **en la contra**. Son muy verticales. Todos tenemos que tener en cuenta esto. Lo hemos tenido en cuenta. No es que... No es que lleguemos al partido y no sabemos qué hacer. Intentamos hacer algo que le pueda crear daño⁴. – Они быстро **выходят из обороны в атаку**. Играют вертикально. Всё это надо учитывать. И мы должны... Не то чтобы... Не то чтобы мы не знаем, что делать. Мы постараемся найти их уязвимые места.

Пояснительный перевод является распространенным при работе со спортивной тематикой. Это обусловлено тем, что многие понятия могут быть незнакомы широкой аудитории, что становится причиной для дополнительного пояснения. В данном случае, главный тренер использует выражение *en la contra*. В субтитрах используется прием пояснительного перевода. Выражение *выходят из обороны в атаку* является более доступным для понимания аудиторией, поскольку в данном

³Там же

⁴Там же.

случае действие, осуществляемое игроками на поле, излагается более подробно. Данная реплика была произнесена тренером команды, о которой был снят сериал. Для специалистов данной сферы с многолетним опытом характерно употребление специальной лексики в большом количестве.

7. Cuidado. **Se va a meter** dentro del área. Le intentan tapar. El balón atrás. Dest... **¡Arriba!**¹ – Осторожно. Он приближается к воротам. Попытка заблокировать его! Мяч возвращается... и уходит в «молоко»!

Существуют определенные общеупотребительные лексические единицы, которые со временем становятся частью спортивной терминологии. Они переходят в футбольную тематику, образуя устойчивые выражения. В данном примере встречается выражение *¡Arriba!*, которое, в соответствии с видеорядом, означает удар, который был нанесен выше ворот команды соперника. В переводе же присутствует выражение *уходит в молоко*. Словосочетание *удар в молоко* часто используется русскоязычными футбольными комментаторами и означает удар, при нанесении которого мяч пролетает на два или более метра выше ворот. Использование данного словосочетания уместно, поскольку оно является знакомым русскоязычной аудитории, увлекающейся футболом.

8. El cambio del **míster** me está ayudando y me ha dado la confianza que necesito, y pude contribuir bastante desde el principio de la temporada.² – Новый **тренер** помог мне набраться необходимой уверенности. Я смог внести ощутимый вклад с начала сезона.

Для аудиовизуальных материалов футбольной тематики характерны понятия, которые используются исключительно в окружении определенного коллектива или команды. Грамотная передача данных лексических единиц с языка оригинала на язык перевода представляет особую сложность. В данном случае ключевым фактором выступает наличие у переводчика фоновых знаний. В примере используется слово *míster*, которое в кругу футболистов используется для обозначения наставника команды. В переведенном тексте используется слово *тренер*, полностью раскрывающее смысл реплики.

9. Finalmente está Karim Benzema en **el once**³. – Наконец Бензема в **стартовом составе**.

В данном примере мы видим числительное *once*. В субтитрах используется вариант *стартовый состав*, что является оптимальным решением, поскольку в данном случае подразумевается именно это значение. Числительное используется в языке оригинала, поскольку в стартовом составе на футбольное поле выходят одиннадцать игроков.

10. No funciona **el centro del campo**, no funcionan **arriba** tampoco⁴. – **Защита** не работает, как и **нападение**.

В данном примере слово *arriba* относится к линии нападения команды. Это можно объяснить тем, что атакующие игроки всегда расположены впереди, независимо от выбранной главным тренером команды схемы. В субтитрах используется слово *нападение*, что является наиболее оптимальным вариантом перевода. Тем не менее в оригинале используется и словосочетание *el centro del campo*. Оно обозначает линию полузащиты команды и могло бы быть переведено дословно как *центр поля*. Однако в переводе присутствует вариант *защита*. Помимо этого, в данном случае дословный перевод глагола *funcionar* не является оптимальным решением. Мы хотели бы предложить альтернативный вариант перевода данной реплики:

У полузащиты игра не идет, у нападения тоже.

11. Tenía **el gol** de Ronaldo Nazario. Y luego era capaz de **ordenar a toda la delantera**, como hacía Zinedine Zidane⁵. – Он умел **забивать голы**, как Роналдо Назарио. Он также умел **разбираться с бомбардирами на передней линии**, как Зинедин Зидан.

Для перевода данной реплики был использован прием транспозиции: существительное *el gol* было передано как *забивать голы*. Данный вариант перевода наиболее точно раскрывает смысл фразы. Тем не менее выражение *разбираться с бомбардирами на передней линии*, используемое в конце реплики, не полностью передает смысл выражения *ordenar a toda la delantera*, используемого в оригинале. Игрок, о котором идет речь, выступал на позиции, главной функцией которой является создание опасных моментов в атаке. Мы хотели бы предложить альтернативный вариант перевода:

Он умел забивать голы, как Роналдо Назарио. Он также умел управлять игрой в атаке, как Зинедин Зидан.

¹Там же.

²Там же.

³Там же.

⁴Там же.

⁵Там же.

12. El Sevilla en *el Pizjuán* es muy difícil. Siempre nos están apretando, siempre hay una tensión muy grande¹. – На *их стадионе* играть с «Севильей» очень сложно. Они всегда очень собраны и напористы.

Часто в аудиовизуальных материалах футбольной тематики встречаются имена собственные, которые могут быть неизвестны широкой аудитории. В данном примере употреблено слово *el Pizjuán*, обозначающее домашний стадион футбольного клуба «Севилья»: Рамон Санчес Писхуан. Оптимальным вариантом для перевода стало обобщение: в субтитрах используется словосочетание *на их стадионе*. Возможность опустить некоторые имена собственные допускается с целью облегчения понимания переведенного материала.

13. Presiona Karim Benzema. ¡Donnaruma, Donnaruma! ¡Ahí está! ¡*Dásela atrás, dásela atrás, dásela atrás!* ¡Karim! ¡Gol! ¡*Nos metemos, nos metemos en el partido!* ¡Venga, venga!² – Карим Бензема прессует вратаря. *Пас назад! Назад!* Гол! Играем дальше! Ну же!

Фактор ограниченного перевода играет важнейшую роль при работе с субтитрами. Переведенный текст должен соответствовать установленным стандартам. В данном примере мы можем наблюдать длинную реплику комментатора, которая сокращена до доступного для восприятия аудиторией варианта перевода. Выражения *dásela atrás* и *nos metemos* в переводе используются один раз, в отличие от оригинала. Кроме того, в оригинале упоминается фамилия вратаря команды соперников. В переводе же можно заметить только упоминание позиции данного футболиста.

14. El balón *no les quema*. Con 0 – 3, a los jugadores *les quema el balón*, pero a ellos no³. – Мяч *их не пугает*. Другие команды, проигрывая 3:0, *боятся мяча*. Но не они.

Как было упомянуто ранее, в спортивной тематике присутствуют устойчивые выражения, которые не используются в других сферах. Использование таких выражений характерно для многих представителей мира футбола. В данном примере

таким выражением является *les quema el balón*. Данные выражения в оригинальной версии продукта требуют от переводчика поиска подходящих эквивалентов в языке перевода, но часто не представляется возможным найти нужный эквивалент в словарях. Однако такие выражения понимаются носителями и воспринимаются как устойчивые и относятся исключительно к данной тематике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ известных методов и средств аудиовизуального перевода позволил определить наиболее подходящие из них для исследования семантических и функциональных особенностей лексико-фразеологического поля «Футбол» в испанском языке. Проведенные исследования указывают на необходимость фоновых знаний у переводчика, поскольку существуют определенные выражения, которые требуют использования объяснений, так как они не доступны для широкой аудитории. В то же время некоторые словосочетания являются распространенными и уже знакомы аудитории в русскоязычной футбольной терминологии. Для передачи имен собственных на язык перевода обычно применяется метод обобщения. Одной из основных сложностей, связанных с футбольной тематикой, считается сохранение эмоциональной составляющей. Особую роль играет использование суффиксов со значением преувеличения, для которых подбирается соответствующий вариант перевода, не нарушающий речевой регистр. Кроме того, в фильме встречаются и выражения, для которых не существует эквивалентов на языке перевода. Для носителей языка они понятны и устойчивы.

Говоря об экстралингвистических аспектах, важно отметить, что видеоряд должен быть соотнесен с переводом. Особенно сложно работать с футбольной тематикой из-за быстрого темпа речи комментаторов, что создает трудности для перевода субтитров. Испаноязычные комментаторы говорят очень быстро, и это вынуждает переводчика использовать особые трансформации, такие как компрессия. Кроме того, важную роль в создании субтитров играет ограничение на количество слов в переводе. Поэтому необходимо находить способы сокращения переведенного текста, чтобы соответствовать установленным стандартам оформления субтитров.

Очевидно, что выявленные особенности аудиовизуального перевода лексико-фразеологического поля «Футбол» требуют дальнейших детальных исследований как соответствующих фоновых знаний и способов сохранения эмоциональной составляющей при переводе, так и дифференциации слов и фраз в национальных вариантах испанского языка.

¹«Реал Мадрид»: вместе до конца». URL: <https://tv.apple.com/ru/show/%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB-%D0%BC%D0%B0%D0%B4%D1%80%D0%B8%D0%B4-%D0%B2%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B5-%D0%B4%D0%BE-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B0/umc.cmc.39sq1w84s2idx8xyrpxrl89a>

²Там же.

³Там же.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода: учебное пособие. М.: Флинта, 2009. ISBN: 978-5-9765-0788-3.
2. Караганов А. В. Всеволод Пудовкин. М.: Искусство, 1983.
3. Горшкова В. Е. Теоретические основы процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога: на материале современного французского кино: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2006.
4. Malenova E. D. Translating subtitles – translating cultures // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. Vol. 8 (12). P. 2891–2900. URL: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/19977/10_Malenova.pdf?sequence=1
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для институтов и факультетов иностранного языка. М.: Высшая школа, 1990. ISBN: 5-06-001057-0.
6. Зелинская Н. И. Словообразование в спортивной терминологии (на материале легкоатлетической) // Очерки по русскому языку и стилистике. Кишинев: Штиинца, 1974. С. 79–87.
7. Сороколетов Ф. П. Лексико-семантическая система и словарь национального языка. Санкт-Петербург: Наука, 2011. ISBN 978-5-02-038264-0.
8. Гуреева Е. И. Спортивная терминология в лингвокогнитивном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.

REFERENCES

1. Nelubin, L. L. (2009). Vvedenie v teyniku perevoda = An introduction to translation techniques. Moscow: Flinta, 2009. ISBN: 978-5-9765-0788-3. (In Russ.)
2. Karaganov, A. V. (1983). Vsevolod Pudovkin. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
3. Gorshkova, V. E. (2006). Teoreticheskie osnovi protsesoorientirovannogo podjoda k perevodu kinodialoga: na materiale sovremennogo frantsuzskogo kino: abstract of Senior Doctorate in Philology. Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
4. Malenova, E. D. (2015). Translating subtitles – translating cultures. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 8(12), 2891–2900. https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/19977/10_Malenova.pdf?sequence=1
5. Komissarov, V. N. (1990). Teoria perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Translation theory (linguistic aspects): textbook for foreign language institutes and faculties. Moscow: Vysshaya shkola. ISBN: 5-06-001057-0. (In Russ.)
6. Zelinskaya, N. I. (1974). Slovoobrazovanie v sportivnoy terminologii (na materiale legkoatleticheskoy). In Ocherki po russkomu yaziku i stilistike (pp. 79–87). Chisinau: Shtiinza. (In Russ.)
7. Sorokoletov, F. P. (2011). Leksiko-semanticheskaya sistema i slovar natsionalnogo yazika = Lexical-semantic system and vocabulary of the national language. St.Petersburg: Nauka. (In Russ.)
8. Gureeva, E. I. (2007). Sportivnaya terminologiya v linvokognitivnom aspekte: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Альварес Солер Анна Александровна

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой испанского языка и перевода
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Дигалев Николай Владимирович

аспирант кафедры испанского языка и перевода
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alvares Soler Anna Aleksandrovna

PhD (Philology), Associate Professor
 Head of the Department of the Spanish language and Translation
 Faculty of Translation and Interpreting
 Moscow State Linguistic University

Digalev Nikolay Vladimirovich

Postgraduate Student
 Department of the Spanish language and Translation
 Faculty of Translation and Interpreting
 Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	05.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	02.08.2024	
	06.08.2024	

Реалии в монгольском романе Г. Аюурзаны «Шугден» и их перевод на русский язык

Д. Н.-Д. Васильева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
dug-vema@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется межъязыковое преобразование реалий романа монгольского писателя Г. Аюурзаны «Шугден», вызвавшего большой интерес среди читателей и всколыхнувшего весь монгольский мир. Также анализируются свыше 50 общих и религиозных реалий романа и особенности их перевода на русский язык. При переводе монгольских и тибетских реалий предлагаются устоявшиеся варианты из научной и справочной литературы, в других случаях использован метод адаптации. Для передачи китайских названий и имен за основу взята транскрипционная система Палладия. В работе предложена классификация рассматриваемой лексики и даются рекомендации по их переводу.

Ключевые слова: современная литература, монгольский роман, переводческий анализ, реалии романа, классификация реалий

Для цитирования: Васильева Д. Н.-Д. Реалии в монгольском романе Г. Аюурзаны «Шугден» и их перевод на русский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 17–23.

Original Article

Realities in the Mongolian Novel “Shugden” by G. Ayurzana and Their Translation into Russian

Dugvema N.-D. Vasileva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
dug-vema@mail.ru

Abstract. The article investigates the interlingual transformation of the realities of the novel “Shugden” by the Mongolian writer G. Ayurzana, which aroused great interest among readers and stirred the whole Mongolian world. Over 50 general and religious realities of the novel and their translation into Russian are also analyzed. Established variants from scientific and reference literature on language and Buddhism are proposed for the translation of Mongolian and Tibetan realities, while the method of adaptation is used in other cases. For the transmission of Chinese names and titles, the Palladius transcription system is used as a basis. The work proposes a classification of the considered vocabulary and provides recommendations for their translation.

Keywords: modern literature, Mongolian novel, translation analysis, realities of the novel, classification of realities

For citation: Vasileva, D. N.-D. (2024). Realities in the Mongolian novel “Shugden” by G. Ayurzana and their translation into Russian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 17–23. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Монгольская литература XXI века переживает необычайный подъем и отличается широким жанровым разнообразием. Л. Г. Скородумова считает: «мы становимся свидетелями процесса интенсивного обновления художественного опыта путем конвергенции национальной литературной традиции с мировой художественной культурой» [Скородумова, 2016, с. 170]. В период расцвета советско-монгольских отношений работали совместные комиссии по подготовке и изданию словарей, а также переводу научных трудов и художественных произведений. С начала 1990-х годов были изданы научные труды таких отечественных и монгольских ученых, как В. И. Рассадина, Д. Тумэртоого, Г. Ц. Пюрбеева, Л. Г. Скородумовой, А. Д. Цендиной, А. Г. Сазыкина, Д. Ёндона, Б. А. Бичеева и др. С начала 2020-х годов актуальными стали исследования в области переводоведения, текстологии новейшей «библиотеки», в картотеке которой содержатся различные по тематике и стилистике произведения монгольских поэтов и писателей.

Автор исследуемого романа Гун-Аажавын Аюурзана – представитель поколения литераторов Монголии XXI века, поэт, писатель и переводчик. Он родился в 1970 году, окончил Литературный институт им. М. Горького в 1994 году и в настоящее время стал одним из самых популярных монгольских писателей. Его первый роман «Магический мираж» (первый из трилогии) был издан в 2002 году и получил престижную национальную литературную премию «Алтан Өд» («Золотое перо»). Следующие два из данной трилогии – «Долг в десять снов» (переведен на русский язык) и «Рожденные эхом» – увидели свет в 2005 и 2007 годах.

В 2010 году вышел роман «Бөөгийн домог» («Легенда о шамане»), который прочитала почти вся Монголия. Роман получил несколько национальных премий и был переведен на корейский, китайский, итальянский, французский, английский и русский языки. В 2012 году Г. Аюурзана опубликовал роман «Шугден» («Шүгдэн»).

В цикл входят романы «Мистерия священно-го Хангая» (2017), «Встретимся вчера, или Монолог покойника» (2020) и «Формула духа» (2019), «Биение пульса» (2015), «Белое, черное, красное» (2014), «Их тени длиннее нашей души» (2022).

В статье рассматривается роман «Шугден» – одно из самых известных произведений писателя. Действие романа разворачивается на территории многонационального Китая в провинции Цинхай и автономном районе Внутренняя Монголия. Сюжет романа детективный. Персонажи живут в мире, в котором религия – важное мерило деяний мирян,

также повествуется об интригах и тайных культах, и между строк чувствуется то, как в традиционном обществе «большой» язык поглощает «малый».

Новизна исследования заключается в том, что данный роман еще не переведен на русский язык и ранее не подвергался переводческому анализу. Предметом исследования стали монгольские реалии. В ходе исследования были поставлены следующие задачи:

- 1) выяснить, что есть перевод;
- 2) рассмотреть реалии в романе;
- 3) классифицировать реалии и предложить их перевод с монгольского языка в соответствии с языковыми и грамматическими нормами языка перевода.

Методы исследования включают контекстный и сопоставительный анализы. В ходе работы над текстом был применен метод сплошной выборки, а при написании статьи такие методы перевода, как буквальный и смысловой, метод адаптации, идиоматический и литературный переводы.

ЧТО ЕСТЬ ПЕРЕВОД?

Наше исследование основывается на взглядах и идеях признанных ученых-лингвистов. По мнению Л. С. Бархударова, перевод – межъязыковая трансформация (межъязыковое преобразование или трансформация текста на одном языке в текст на другом языке) [Бархударов, 1975].

Р. Якобсон, разделив перевод как выражение языкового знака в других знаках и величинах на три вида: внутриязыковой (например, использование синонимов), межъязыковой (интерпретация знака средствами другого языка или собственно перевод) и межсемиотический (например, экранизация литературного произведения), говорил о кодировании и перекодировании языковых знаков и языковых сообщений [Якобсон, 1978]. Он писал: «Мы различаем три способа интерпретации вербального знака: он может быть переведен в другие знаки того же языка, на другой язык, или же в другую, невербальную систему символов. Этим трем видам перевода можно дать следующие названия:

- 1) внутриязыковой перевод, или переименование – интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка;
- 2) межъязыковой перевод, или собственно перевод, – интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо другого языка;
- 3) межсемиотический перевод, или трансмутация, – интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем» [Якобсон, 1978, с. 16].

В нашей статье остановимся на межъязыковом преобразовании реалий романа Г. Аюурзаны «Шугден».

ЧТО ЕСТЬ РЕАЛИЯ?

«Реалия (от *позднелат. realis – вещественный*) – предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающееся у других народов»¹.

Реалии относятся к так называемой безэквивалентной лексике. Ими являются лексические единицы одного из языков, которые «не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [Бархударов, 1975, с. 93]. К ним он относит три категории лексических единиц:

- 1) имена собственные, географические названия, названия организаций, учреждений, изданий и т. д. К ним относятся не только имена обычных людей, но и мотивированные, так называемые *говорящие имена*, например, *Бор* – имя воина-телохранителя Ану хатан. В новелле «Ану хатан» Б. Ринчен использует данный прием, когда именует слуг и простых людей. Ср. в переводе х.-монг. *бор* «смуглый (о цвете лица); *перен.* невзрачный» [Дашибалова, Васильева, 2022, с. 123];
- 2) реалии;
- 3) «случайные лакуны» – лексические единицы одного из языков, которым по каким-то причинам нет соответствий в лексическом составе другого языка.

Согласно В. С. Виноградову, реалии делятся на бытовые, этнографические, ономастические и ассоциативные, реалии мира природы, реалии на государственно-административного устройства и общественной жизни [Виноградов, 2001]. В рамках настоящего исследования мы будем рассматривать реалии в романе – лексику, обозначающую предметы и понятия, не имеющие эквивалентов в виде одного слова или устойчивого словосочетания в лексической системе переводящего языка. Реалии романа мы делим на общие и религиозные, внутри которых рассмотрим имена собственные, должности и обозначения лиц, обращения и титулы.

РЕЛИГИОЗНЫЕ РЕАЛИИ РОМАНА «ШУГДЕН»

К религиозным реалиям относятся божества, культы, имена собственные, связанные с религией, предметы культа, обращения и титулы.

Название романа «Шугден» представляет собой тибето-монгольскую религиозную реалию *Шүгдэн* культа Шугдена, где «Дордже Шугден – буддийское защитное божество, почитание которого по определенным причинам было ограничено Далай-ламой XIV»². Главный герой романа Сэржамц, следователь-кинолог, направляется в командировку в город Синин провинции Цинхай КНР для расследования убийства буддийского монаха. В ходе расследования становится известно, что убитый монах был последователем запрещенного культа Дордже-Шугдена. В буддийском мире культ почитания божества и его отрицания разделил верующих на ярых противников и столь же активных сторонников. В книге «Буддизм в истории и культуре бурят» приводится интервью с Добдон-ламой (на время выхода книги хуварак Гоман-дацана монастыря Дрепунг, штате Карнатака в Индии), в котором один из вопросов касался рассматриваемой нами реалии. На заданный вопрос он дает резкий ответ: «В Гомане у нас на 100 процентов нет последователей Шугдена. Мы все давали клятву, что не будем ему поклоняться... Считается, что Дордже Шугден нарушил свою клятву, поэтому считается опасным. Практический пример: тот, кто поклоняется Дордже Шугдену, могу сказать как очевидец, когда умирает, у него из носа, ушей и глаза течет кровь. Очень тяжело умирает. Такого я никогда не видел у людей, которые ему не поклоняются» [Буддизм в истории и культуре бурят, 2014, с. 371].

Буддолог Н. В. Цыремпиллов в своей публикации «Страсти вокруг Дордже-Шугдена: буддийский фундаментализм или диктатура Далай-ламы?» отмечает, что метафорическое имя Дордже-Шугден с тибетского переводится как «Исполненный мощью ваджры»³. Данная реалия передается через транскрипцию Шугден. В романе встречается несколько вариантов имени божества: *Шүгдэн*, *Шүгдэн сахиус*, *Доржшүгдэн сахиус*, где *сахиус* – защитник, покровитель божества, хранитель буддийской религии; *Доржшүгдэн*, *Доржэ Шүгдэн*, *Жачиншүгдэн*, *Жалцаншүгдэн* и *Шүгдэн шүтээн*, где с монг. *шүтээн* – *святыня, культ; верование*.

Шүгдэн сахиус хөшсөн хүзүүгээ шилгээн хөдөлгөж, ядрангуй гурван нүдээ нойрмогоор эргэлдүүлснээ... (Г. Аюурзана. Шугден). – Шугден-сахюусан покачал затекшей шеей и сонно закатил три усталых глаза...⁴

В переводе на ПЯ мы вводим через дефис устоявшийся среди последователей буддизма России и ученых-буддологов термин «сахюусан», который

¹Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978. Т. 6. 1971.

²URL: <https://iocs.hse.ru/news/438936422.html>

³URL: https://m.vk.com/wall-116264970_702

⁴Зд. и далее перевод наш. – Д. В.

обозначает гневное божество, защищающее учение Будды. На обложке романа Шугден изображен в виде монаха, объятый пламенем и имеющего три глаза, верхом на льве, в правой руке он держит меч, в левой – габалу. В изгибе правой руки божества сидит мангуст, изрыгающий драгоценный камень. Считается, что культ Шугдена приносит его адептам материальные блага. Согласно роману, убитый монах резко разбогател и тем самым вызывал подозрения среди своих:

Баян лам нар мэр сэр байдаг л даа. Гэхдээ түүний баяжсан нь нэг л сэжигтэй... (Г. Аюурзана, Шугдэн). — Иногда бывают, конечно же, и богатые ламы. Однако его обогащение было несколько подозрительно...

В данном примере реалию *лам* оставляем непереуведенной и передаем как «лама». Данная реалья характерна для культуры народов, исповедующих буддизм. Считаем, что в данном контексте «буддийский монах», одно из значений данной реалии, не подходит стилистически.

Кроме того, в тексте упоминаются и эпитеты-обращения к Шугдену, которые переводим посредством кальки и гибридов:

Очир эрхшээн баригч хүч, Сахиусны хаан, Дармаг хамгаалагч гэхчлэн олон янзаар өргөмжилдөг (Г. Аюурзана. Шугдэн). — Величают его по-разному: Сила, владеющая ваджрой, Главный защитник, Защитник Дхармы.

Монастырь Кумбум (*монг.* Гүмбум хийд) — следующая по значимости религиозная реалья, где Кумбум (*Гүмбум*) в переводе с тибетского означает «сто тысяч статуй Будды», а *хийд* в переводе с монгольского — *монастырь, скит*. Действие в романе происходит в этом монастыре, являющимся одним из главных буддийских святынь. При передаче названий монастырей (экклезионимов) на русский язык был использован способ гибридных образований — монгольское название *Гүмбум хийд* переводим как *монастырь Кумбум*:

Гүмбум хийдэд лам алагджээ... (Г. Аюурзана. Шугдэн). — В монастыре Кумбум убили монаха...

Данный способ в нашем примере представляет собой кальку «монастырь» и транскрипцию слова *Кумбум*. Если передача экклезионима *Кумбум* на русский не вызвала вопросов, то при переводе названий других монастырей, упоминающихся в тексте романа, выбрали варианты, чаще других встречающиеся в научной литературе и справочниках по буддизму. Например:

Гэлүгва ёсны гурван гол хийд Гандан, Сэра, Бэрээвэн гурвуулаа түүнийг хамбаараа сонгон өргөмжилж байсан нь түүхэнд дуулдаагүй явдал (Г. Аюурзана. Шугдэн). — Тот факт, что три главных монастыря традиции Гелугпа – Гандан, Сэра и Брэйбун выбрали его своим настоятелем, является беспрецедентным в истории.

Так, наряду с *Гандан* встречается вариант *Ганден*, а с *Сэра* дается и вариант *Сера*. В нашей работе был сделан выбор в пользу первого варианта, что продемонстрировано в нашем переводе.

Далее рассмотрим еще несколько религиозных реалий, таких как *гунжа*, *банди* и *буяны сав*:

Олай, манай Сэрдог гэгээний шавь шүү дээ, гунжа (туслах) нь сайн мэднэ дээ... Уг нь их сэргэлэн, даанч тэр ухаанаа номд гаргаагүй банди байгаа юм. Ном муу сурсандаа л буяныхаа савыг ийм эрт хөмөрчихлөө (Г. Аюурзана. Шугдэн). — Да, он ученик нашего Сэрдог-гэгэна, о чем его гунжа (помощник), знает очень хорошо... На самом деле, он был очень смышленным послушником, но не проявлял прилежности в учебе. И только из-за того, что плохо учился, так рано опрокинул свою чашу с благими деяниями.

Здесь монах, рассказчик, поясняет значение религиозного термина «гунжа», поэтому как и в тексте оригинала в переводе мы сохраняем оба варианта: *гунжа* и *помощник*. *Банди* — это послушник (в монастыре)¹, в настоящее время банди используется и в значении «мальчик». Согласно буддизму, совершение благих деяний помогает при следующем перерождении. При передаче сочетания *буяныхаа сав хөмөрчихлөө* (*опрокинул свою чашу с благими деяниями*) применялся метод идиоматического перевода, где осмысление написанного на ИЯ необходимо для точного понимания на ПЯ.

ПЕРЕВОД И ПЕРЕДАЧА ОБЩИХ РЕАЛИЙ РОМАНА

К общим реалиям романа мы относим:

- этнические общности и группы;
- предметы быта;
- антропонимы и топонимы, не связанные с религией;
- профессии, должности и обозначения персонажей.

По сюжету, главный герой полицейский-кинолог Сэржамц с безымянным начальником, который в романе несколько раз упоминается только по

¹Монгольско-русский словарь / под общ. ред. А. Лувсандэндэва. Около 22000 слов. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. С. 61.

своей должности старшего эксперта (*монг.* ахлах шинжээч) и двумя служебными собаками по кличке Хуанди и Пума приезжают в город Синин, где в монастыре Кумбум, расположенном недалеко от города, произошло убийство.

Среди имен героев романа можно выделить китайские и монгольские. Имя главного героя мы оставляем без графических изменений. Китайские имена мы переводим по системе Палладия. Китайское имя *Дунши*, мы передаем так же, как и написано в оригинале:

Дунши шиг олон таван үггүй, тэгсэн мөртлөө ер бусын хичээнгүй туслагчийг чухам Бурхан л Сэржамцад олж өгссөн мэт (*Г. Аюурзана. Шугдэн*). — Будто сам Бог нашел для Сэржамца такого помощника, как Дунши, молчаливого и вместе с тем необыкновенно трудолюбивого.

У любимой собаки главного героя Сэржамца китайское имя *Хуанди* (*кит.* 皇帝 huángdì). Оно относится к так называемым мотивированным, говорящим именам. Так, ниже идет описание его служебной собаки, с которой он больше десяти лет шел по следу преступников и раскрывал самые сложные дела:

Хуанди хэмээх феодал маягийн нэртэй, хэв галбир муутай, бас дээр нь байнгын ачааллаас болоод өтлөх янз орон байргашиж буй энэ бахим саарал нохой үнэхээр л алдартай амьтан (*Г. Аюурзана. Шугдэн*). — Эта большая серая собака с феодальным именем Хуанди была не очень хорошо сложена, и, вдобавок, начавшая еще и стареть из-за постоянных нагрузок. Однако она была по-настоящему знаменита.

Но через несколько дней после приезда собака неожиданно умирает. Сэржамц безутешен, он не находит себе места:

Эзэн хааныг минь алчихсан байна! (*Г. Аюурзана. Шугдэн*). — Моего Императора убили!

Сэржамц, этнический монгол, рефлексирующий и концентрирующийся на своих чувствах и переживаниях:

Ажил дээрээ ганцаархнаа монгол. Эмээ нь нас барснаас хойш монголоор ярих ганц боломж нь наход л болжээ (*Г. Аюурзана. Шугдэн*). — На работе он один монгол. После смерти бабушки лишь с собаками он мог говорить по-монгольски.

Потеря собаки становится для него ударом: его Император был для него другом и его собеседником, с которым он говорил на родном языке.

Далее автор намекает читателю, что в смерти собаки может быть причастно само божество, кончина которой так и останется для всех загадкой.

Роман насыщен реалиями, отражающими повседневную жизнь героев и участвующих в создании атмосферы произведения: *түвд дээл* (национальная одежда тибетцев), *сарлагийн мах* (мясо яка), *хөх тарианы чанга архи* (крепкая ржаная водка), *тэвэг өшиглөх* (играть в зоску), *оолай* (утвердительный ответ на тибетском) и др. Например:

- Гүмбумд энэ «оолай» гэдэг үгийг мөн ч их сонслоо. Ордосын зарим нутагт ч «оолай» гэх дуулддаг. Ингэхэд, түвд үг юм уу, хошууд аялга юм уу?
- Аа, зөвшөөрсөн утгатай түвд үг шүү дээ. Хөхнуурын монголчуудын аманд хэвшчихсэн болохоор тэднээс асууваал хошууд монгол үг гэх вий (*Г. Аюурзана. Шугдэн*).
- Я часто слышал это слово «оолай» в Кумбуме. В некоторых районах Ордоса «оолай» тоже говорят. Так это тибетское слово или слово на диалекте хошутов?
- А, это тибетское слово, которое означает согласие. Так как оно привычно для речи кукунорских монголов, если их спросить, то они скажут, что слово хошутское.

В романе множество реалий, обозначающих этнические общности и группы: *хятад хүн* (*китаец*), *өөр монгол хүн* (*увэр-монгол*), *манж* (*маньчжур*), *хошууд* (*хошут*), *түвд* (*тибетец*), *халх* (*халхасец*), *буриад* (*бурят*), *ойрад* (*ойрат*), *чахар* (*чахар*), *хорчин* (*хорчин*).

Отдельно следует рассмотреть топонимы, которых много в тексте в разных вариантах написания. Названия Китая: *Хятад улс* (*Китай*), *Дундад Улс* (*Срединное государство* – *монг.* калька с *кит.* 中国 zhōngguó):

Тэднийхэн шиг тийм ах дүү олуулаа хүмүүс Дундад Улсын хэмжээнд өөр байхгүй дэг ээ (*Г. Аюурзана. Шугдэн*). — Однако во всей Поднебесной не сыщешь еще одной такой семьи, имеющей столь многочисленную родню.

В данном контексте мы перевели *Дундад Улс* как *Поднебесная*.

Рассмотрим топоним *Хөхнуур муж*, где одно из значений слова *муж* – *провинция*. Топоним *Хөхнуур* на русский переводится двумя вариантами: *Кукунор* и *Цинхай*. Топоним *Хөхнуур* образован из двух лексем: *хөх* (*синий*) и *нуур* (*озеро*). Китайское название 青海 qīnghǎi (*букв.* 'синее море'). Название провинции происходит от названия озера Кукунор. От данного топонима происходит и название

этнической группы кукунорских монголов. При переводе на русский, исходя из контекста, использовались оба варианта рассматриваемого топонима. Например:

Хөхнуур муж дахь буддын шашны томоохон хийд Гүмбумд өчигдөр үүрээр нэг лам алагдсан байж (*Г. Аюурзана. Шугдэн*). – Вчера на рассвете в большом буддийском монастыре Гумбум провинции Цинхай был убит один монах.

В переводе одного из диалогов романа делаем выбор в пользу Кукунора:

- Та монгол хэл гэж яаж мэдсэн юм бэ?
- Би Хөхнуур мужид төрж өссөн хүн. Таамаглалгүй яахав (*Г. Аюурзана. Шугдэн*).
- Как вы узнали, что это монгольский?
- Я родился и вырос в Кукуноре. Как не знать.

Приведем еще один пример из текста оригинала. «Тэр өөрөө Алшаа аймгийн Эзнээ хошууных...» мы переводим «Сам он родом из аймака Алашань хошуна Эджэн-Хоро...». *Хошун* – уезд (в КНР, кроме Внутренней Монголии) обозначается иероглифом “旗” [qí]. На карте КНР топоним 伊金霍洛旗 [Yījīn Huòluòqí] – это транскрипция топонима монгольского происхождения *Эзнээ хошуу*. Автор ведет повествование от лица главного героя, в связи с чем

мы использовали вариант *Эджэн-Хоро*, принятый в русском языке, максимально эквивалентный оригиналу.

Таким образом, для передачи на русский язык китайских названий и имен за основу взята транскрипционная система Палладия. В отдельных случаях, в целях сохранения национального колорита и замысла автора, ввиду устоявшихся названий этнических групп, мы делаем выбор в пользу монгольских именований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования были изучены и переведены на русский язык реалии в романе Гун-Аажавын Аюурзаны «Шугден», а также рассмотрены различные классификации и способы перевода безэквивалентной лексики с учетом языковых и грамматических норм и традиций переводящего языка.

В ходе работы методом сплошной выборки были выписаны имена собственные и нарицательные на монгольском, китайском и тибетском языках, более 50 из которых были детально изучены в работе. В процессе перевода исследуемой лексики были применены такие способы передачи религиозных и бытовых реалий романа, как беспереводное заимствование, калькирование, транслитерация и смешанные переводческие трансформации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Скородумова Л. Г. Монгольская литература XIX–XX веков. Вопросы поэтики. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2016.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975.
3. Якобсон Р. О лингвистических аспектах теории перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.
4. Дашибалова Д. В., Васильева Д. Н.-Д. Антропонимикон исторической новеллы Б. Ринчена «Мужественная Ану» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 10 (865). С. 120–125. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_120.
5. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001.
6. Буддизм в истории и культуре бурят: коллективная монография / под ред. И. Р. Гарри. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014.

REFERENCES

1. Skorodumova, L. G. (2016). Mongol'skaya literatura XIX–XX vekov. Voprosy poetiki = Mongolian literature of XIX–XX centuries. Questions of poetics. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russ.)
2. Barkhudarov, L. S. (1975). Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda) = Language and translation (Issues of general and particular theory of translation). Moscow: Mezhdunarodnyje Otnoshenija. (In Russ.)

3. Jacobson, R. (1978). O lingvisticheskikh aspektakh teorii perevoda = On the linguistic aspects of the theory of translation. Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike (pp. 16–24). Moscow: Mezhdunarodnyje Otnoshenija. (In Russ.)
4. Dashibalova, D. V., Vasileva, D. N.-D. (2022). Antroponimikon istoricheskoy novelly B. Rinchena "Muzhestvennaya Anu" = Anthroponymicon of B. Rinchen's Historical Short Story "Courageous Anu". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 120–125. 10.52070/2542-2197_2022_10_865_120. (In Russ.)
5. Vinogradov, V. S. (2001). Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) = Introduction to translation studies (general and lexical issues). Moscow: Izdatel'stvo instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO. (In Russ.)
6. Garry, I. R. (Ed.). (2014). Buddizm v istorii i kul'ture buryat = Buddhism in the history and culture of Buryats. Ulan-Ude: Buryad-Mongol Nom. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильева Дугвэма Натар-Доржиевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры восточных языков
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasileva Dugvema Natar-Dorzhiyevna

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor at the Department of Oriental Languages
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.07.2024
31.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Архитектура сбалансированного лингвистического корпуса, полученного автоматическим путем (опыт Московского государственного лингвистического университета)

А. И. Горожанов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
a.gorozhanov@linguanet.ru

Аннотация. Цель настоящего прикладного исследования – продемонстрировать возможности современных программных решений построения сбалансированного лингвистического корпуса на основе процедур обработки естественного языка, применяемых в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета. В ходе работы применяются описательный метод, а также методы моделирования и прогнозирования. В качестве материала исследования выступает авторский программный комплекс «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер». В результате описаны новые функции программного комплекса и обозначена перспектива его развития в виде двух параллельных направлений.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, корпусная лингвистика, корпусный менеджер, сбалансированный лингвистический корпус, архитектура программного обеспечения, реляционная база данных, отечественное программное обеспечение, обработка естественного языка

Для цитирования: Горожанов А. И. Архитектура сбалансированного лингвистического корпуса, полученного автоматическим путем (опыт Московского государственного лингвистического университета) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 24–30.

Original article

Architecture of a Balanced Linguistic Corpus Built Automatically (experience of Moscow State Linguistic University)

Alexey I. Gorozhanov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
a.gorozhanov@linguanet.ru

Abstract. The purpose of this applied research is to demonstrate the capabilities of modern software solutions for constructing a balanced linguistic corpus based on natural language processing procedures used at the Laboratory for Fundamental and Applied Issues of Virtual Education at Moscow State Linguistic University. The descriptive method, as well as modeling and forecasting methods, are used during the study. The material of the research is the author's software package "Balanced Linguistic Corpus

Generator and Corpus Manager". As a result, new functions of the software package are described and the prospects for its development in the form of two parallel directions are outlined.

Keywords: applied linguistics, corpus linguistics, corpus manager, balanced linguistic corpus, software architecture, relational data base, domestic software, natural language processing

For citation: Gorozhanov, A. I. (2024). Architecture of a balanced linguistic corpus built automatically (experience of Moscow State Linguistic University). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 24–30. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В 2023 году в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета началась экспериментальная разработка программных продуктов для автоматической генерации и оперирования сбалансированными лингвистическими корпусами, которая завершилась регистрацией первой устойчивой версии программного комплекса¹.

Лаборатория показала себя как подразделение «полного цикла», т. е. она в полной мере участвует в планировании, разработке, апробации, регистрировании и коммерциализации программного продукта.

На сегодняшний день можно констатировать, что комплекс расширился дополнительными функциями, сохраняя при этом возможность полностью автоматической разметки исходного текста. Отсюда вытекает гипотеза нашего исследования, которая заключается в том, что на момент планирования разработчиком была выбрана удачная архитектура лингвистического корпуса, обладающая параметрами гибкости (возможность модификации в течение жизненного цикла) и расширяемости (добавления новых функций без изменения основных параметров).

Заметим, что под *архитектурой* мы понимаем здесь именно *архитектуру программного обеспечения*, т. е. набор ключевых решений об организации программной системы.

Задачами исследования являются следующие:

- указать основные параметры базы данных сбалансированного лингвистического корпуса в ее актуальном состоянии (описательный метод и метод моделирования);

- перечислить возможности текущей версии корпусного менеджера, оперирующего этой базой данных (описательный метод);
- обозначить перспективу развития программного комплекса, особенно варианты привлечения ручной и автоматизированной разметки (метод прогнозирования).

Актуальность исследования подтверждается стабильно высоким интересом к проблемам прикладной и корпусной лингвистики в научных публикациях, посвященных анализу публицистического дискурса [Бондарчук, 2024; Красикова, 2024; Степанова, 2023], юмористического дискурса [Гусейнова, Косиченко, 2024; Соколова, Голубкова, 2024], образовательного дискурса [Котюрова, Щеголева, 2024; Куприянов, Солнышкина, Лехницкая, 2023].

Новизна работы обусловлена тем, что впервые дается систематическое описание указанного программного комплекса в текущей версии.

С точки зрения фундаментальной науки работа вносит вклад в теорию проектирования программного обеспечения лингвистического назначения на основе элементов технологий искусственного интеллекта (обработки естественного языка).

Практическая ценность исследования заключается в том, что предложенное осмысление и прогнозирование конкретных программных решений позволит значительно улучшить текущую версию программного комплекса, что, в свою очередь, повысит достоверность результатов поисковых запросов и качество реализованных с его помощью экспериментов.

ПАРАМЕТРЫ БАЗЫ ДАННЫХ СБАЛАНСИРОВАННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОРПУСА

База данных, используемая в этом и многих других наших исследованиях, является реляционной и состоит из двух таблиц: таблицы токенов и таблицы предложений. Это позволяет получать в ходе поисковых запросов контексты на уровне предложений, в которых встречается то или иное языковое

¹Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023683209 Российская Федерация. «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер»: № 2023682269: заявл. 25.10.2023; опубл. 03.11.2023 / А. И. Горожанов; заявитель федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет». EDN JHFUXV.

Таблица 1

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ТАБЛИЦЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ЗАПОЛНЕННЫМИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ЯЧЕЙКАМИ

	id		sentnum	senttext	sentooption01		sentooption02		sentooption03		sentooption04		sentooption05	
	F...	Filter			Filter	Filter	Filter	Filter	Filter	Filter	Filter	Filter	Filter	Filter
1	1	1		It was a bright...	3		1		2		-1.0		3.0	
2	2	2		Winston Smith...	4		1		3		-2.0		4.0	
3	3	3		The hallway s...	2		0		2		-2.0		2.0	
4	4	4		At one end of i...	0		0		0		0.0		0.0	
5	5	5		It depicted si...	1		1		0		1.0		1.0	
6	6	6		Winston made...	0		0		0		0.0		0.0	
7	7	7		It was no use ...	0		0		0		0.0		0.0	
8	8	8		Even at the be...	2		2		0		2.0		2.0	
9	9	9		It was part of ...	0		0		0		0.0		0.0	
10	10	10		The flat was s...	2		1		1		0.0		2.0	
11	11	11		On each landin...	0		0		0		0.0		0.0	

Таблица 2

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ТАБЛИЦЫ ТОКЕНОВ
С ДВУМЯ ЗАПОЛНЕННЫМИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ЯЧЕЙКАМИ ИЗ ПЯТИ

	id	tokennum	sent_num	tokentext	tokenpos	tokenlemma	tokenattr	tokenoption01	tokenoption02	tokenoption03	tokenoption04	tokenoption05
		Filter...	Filter	Filter	Filter	Filter	Filter	Filter	Filter	Filter	Filter	Filter
1	1	0	1	It	PRON	it	Case=Nom ...	NULL	1	NULL	NULL	NULL
2	2	1	1	was	AUX	be	Mood=Ind ...	NULL	1	NULL	NULL	NULL
3	3	2	1	a	DET	a	Definite=In...	NULL	5	NULL	NULL	NULL
4	4	3	1	bright	ADJ	bright	Degree=Pos	1	5	NULL	NULL	NULL
5	5	4	1	cold	ADJ	cold	Degree=Pos	-1	5	NULL	NULL	NULL
6	6	5	1	day	NOUN	day	Number=Sing	NULL	1	NULL	NULL	NULL
7	7	6	1	in	ADP	in		NULL	5	NULL	NULL	NULL
8	8	7	1	April	PROPN	April	Number=Sing	NULL	6	NULL	NULL	NULL
9	9	8	1	,	PUNCT	,	PunctType=...	NULL	1	NULL	NULL	NULL
10	10	9	1	and	CCONJ	and	ConjType=C...	NULL	1	NULL	NULL	NULL
11	11	10	1	the	DET	the	Definite=De...	NULL	11	NULL	NULL	NULL
12	12	11	1	clocks	NOUN	clock	Number=Plur	NULL	13	NULL	NULL	NULL
13	13	12	1	were	AUX	be	Mood=Ind T...	NULL	13	NULL	NULL	NULL
14	14	13	1	striking	VERB	strike	Aspect=Pro...	-1	1	NULL	NULL	NULL
15	15	14	1	thirteen	NUM	thirteen	NumType=C...	NULL	13	NULL	NULL	NULL
16	16	15	1	.	PUNCT	.	PunctType=...	NULL	13	NULL	NULL	NULL

явление. Здесь мы можем соотнести употребляемые нами понятия «контекст» / «предложение» с понятием «конкорданс», распространенным в корпусной лингвистике [Гик, 2024; Бобунова, 2023].

Однако выбор предложения в качестве «старшего токена»¹ позволяет, по нашему мнению, работать

¹По отношению к «младшему токену» – словоформе, числу или знаку пунктуации.

не просто с последовательностью токенов, а со смысловой единицей [Ким, 2021].

Под сбалансированным лингвистическим корпусом мы понимаем лингвистический корпус, отличный от национального лингвистического корпуса и призванный отразить характер употребления языковых явлений, свойственных не национальному языку вообще, а языку отдельного человека, художественного произведения, новостного издания и пр. [Горожанов, Степанова, 2022].

Приведем примеры графического изображения обеих таблиц базы данных (см. табл. 1 и 2)¹. В приведенных выше вариантах в таблице токенов заполнены дополнительные колонки 1 и 2. В первой расположены данные тонального словаря, если токен имеет положительную (1) или отрицательную (–1) коннотацию [Горожанов, 2023, с. 3889–3891]. Во второй помещаются так называемые зависимости, т. е. числовое указание на номер токена, который является главным для текущего токена [Горожанов, 2024а, с. 184].

В таблице предложений заполнены все дополнительные параметры, полученные расчетами по данным первой дополнительной колонки токенов. Это коннотативная плотность (p_{con}) предложения (общее количество положительно и отрицательно коннотированных токенов); сумма положительных токенов; сумма отрицательных токенов; сумма значений коннотированных токенов; коннотативная амплитуда (A_{con}) предложения (сумма значений всех коннотированных токенов по модулю) [Горожанов, 2023, с. 3890].

ВОЗМОЖНОСТИ ТЕКУЩЕЙ ВЕРСИИ КОРПУСНОГО МЕНЕДЖЕРА

В предыдущих публикациях мы описали базовые функции нашего корпусного менеджера:

- 1) загрузку лингвистического корпуса;
- 2) вывод списка частотности лемм;
- 3) вывод предложения по заданному номеру;
- 4) вывод всех предложений, содержащих заданную лемму;
- 5) вывод всех предложений, содержащих заданные леммы (по списку);
- 6) вывод всех предложений, содержащих заданный токен;
- 7) вывод всех предложений, содержащих заданные токены (по списку);
- 8) вывод всех предложений, содержащих заданную часть речи или несколько частей речи;

¹В качестве языкового материала здесь выступает содержание сбалансированного лингвистического корпуса текста цикла рассказов Дж. Лондона «Смок Белью. Смок и Малыш» в оригинальном изложении [Горожанов, Гусейнова, Степанова, 2022].

- 9) вывод всех предложений, содержащих токены с заданными морфологическими характеристиками²;

- 10) вывод всех предложений, содержащих токены с заданными значениями морфологических характеристик (например, грамматический род = «мужской», залог = «активный» и пр.);

- 11) вывод всех предложений, отвечающих запросу SQL (например, `SELECT *FROM tokens WHERE id < 100`);

- 12) вывод по сложному запросу (учет совокупности характеристик, например, заданный токен + часть речи «существительное» + число «множественное» и пр.) [Горожанов, Гусейнова, Степанова, 2024].

На сегодняшний день программный комплекс расширен как по линии генератора, так и по линии корпусного менеджера. Генератор получил важную функцию разметки зависимости токенов друг от друга (см. табл. 2).

Корпусный менеджер приобрел целый набор расширений:

- 1) объединение нескольких корпусов в один;
- 2) получение частотного списка по заданным частям речи;
- 3) поиск фразеологизмов по заданным параметрам [Горожанов, 2024б];
- 4) поиск по регулярным выражениям³;
- 5) поиск по последовательности символов в начале, середине и в конце токена;
- 6) модуль оценки контекста заданной леммы (при условии наличия разметки зависимостей токенов в базе данных);
- 7) экспериментальный модуль генерации учебного контента для LMS Moodle;
- 8) поиск по *специальному ручному запросу*, который позволяет находить последовательности токенов с заданными характеристиками (например, «артикл + прилагательное + существительное», «артикл + 2 любых токена + существительное» и т. п.)

ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ПРОГРАММНОГО КОМПЛЕКСА

Заявленный программный комплекс, на наш взгляд, имеет два пути развития, которые могут осуществляться параллельно. *Во-первых*, может быть продолжена работа над расширением функций

²Под «морфологическими характеристиками» здесь, согласно терминологии области обработки естественного языка, понимаются скорее грамматические признаки (грамматический род, падеж, залог и пр.).

³URL: <https://docs.python.org/3/library/re.html>

автоматического получения новых данных, т. е. без участия оператора / исследователя. В этой связи перспективной кажется работа по генерации тестовых заданий на различные языковые явления по разным языкам. Во-вторых, важной является ветка развития по созданию вспомогательных банков данных, которые позволят решать специализированные задачи. В качестве таких банков данных могут выступить тональные словари для определенных типов дискурса. Потребность в подобной специализации обусловлена особенностями подязыка отдельно взятой предметной области [Писарик, 2021].

Отметим также и формат технической реализации нашего программного продукта, который сознательно выполнен как отдельное приложение, существующее в виде инсталляции. Использование базы данных типа SQL (в базовой версии SQLite) позволяет осуществить миграцию на MySQL при условии перевода программного ядра с Python, например, на PHP, что в результате позволит создать корпусный менеджер в виде веб-сервиса – возможно, и с некоторым изменением функциональных возможностей. Тем не менее формально такое решение является осуществимым ввиду изначального применения перспективных и универсальных технологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы описали базовые параметры программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер», приведя описание реляционной базы данных, состоящей из двух таблиц.

Гипотеза исследования, которая заключалась в том, что на момент планирования разработчиком была выбрана удачная архитектура лингвистического корпуса, обладающая параметрами гибкости (возможность модификации в течение жизненного цикла) и расширяемости (добавления новых функций без изменения основных параметров), может считаться подтвержденной.

Мы указали на возможности текущей версии корпусного менеджера, оперирующего этой базой данных, перечислив новые функции, которые были детально описаны в научных публикациях.

Далее мы обозначили перспективу развития программного комплекса, причем, в нашем понимании, оно может идти по параллельным траекториям: в русле развития автоматических универсальных процедур и в русле развития автоматизированных решений, которые предусматривают участие специально созданных банков данных и корректировку получаемых данных человеком.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бондарчук Г. Г. Семиотические функции английских наименований одежды в публицистическом тексте (корпусное исследование) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 23–29. EDN BXILCR.
2. Красикова Е. А. Роль корпусного менеджера в анализе употребления имен собственных в текстах электронных СМИ (на примере англоязычного корпуса CNN) // Филологические науки в XXI веке: актуальность многополярности перспективы развития: сборник научных трудов. Краснодар: Кубанский государственный университет 2024. С. 45–49. EDN JPRHAE.
3. Степанова Д. В. Программный комплекс для генерации динамического корпуса текстов СМИ // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2023. № 6 (127). С. 123–130. EDN FMBTKO.
4. Гусейнова И. А., Косиченко Е. Ф. Грани смешного и юмор без границ: семиотика комических текстов разных жанров. Казань: Бук 2024. ISBN 978-5-907839-92-2. EDN PSLMFL.
5. Соколова В. Л., Голубкова Е. Е. Дискурсивный механизм и концептуальные основания лингвостилистической кластеризации в англоязычных коротких шутках // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–2 (58). С. 215–218. EDN OHNINL.
6. Котюрова И. А., Щеголева Л. В. Визуализация образовательных данных в немецкоязычном корпусе студенческих текстов // Перспективы науки и образования. 2024. № 2 (68). С. 578–594. DOI 10.32744/pse.2024.2.35. EDN UTDLFM.
7. Куприянов Р. В., Солнышкина М. И., Лехницкая П. А. Параметрическая таксономия учебных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22. № 6. С. 80–94. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.6.6. EDN VFCVLW.
8. Гик А. В. Приложения к Конкордансу М. Кузмина // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 1. С. 227–243. DOI 10.31912/pvrl-2024.1.22. EDN NVKTQL.

9. Бобунова М. А. Об исследовательском потенциале лексикографических комплексов фольклорных текстов // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 44–65. DOI 10.17223/22274200/28/3. EDN SFNPOP.
10. Ким И. Е. Пунктуация «говорящего» и пунктуация «слушающего»: ономазиологический и семасиологический подход в пунктуации // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 3. С. 252–260. DOI 10.31912/pvrl-2021.3.20. EDN BZDVOQ.
11. Горожанов А. И., Степанова Д. В. Интерпретация художественного произведения: корпусный подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 1. С. 203–208. DOI 10.30853/phil20220020. EDN TCZLAF.
12. Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Степанова Д. В. Стандартизированная процедура получения статистических параметров текста (на материале цикла рассказов Дж. Лондона «Смок Белью. Смок и Малыш») // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2022. № 4 (119). С. 7–13. EDN PXAVUX.
13. Горожанов А. И. Расширение стандартного сбалансированного лингвистического корпуса построенного по правилам sраСу коннотативными характеристиками // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 11. С. 3888–3893. DOI 10.30853/phil20230594. EDN FVUIUL.
14. Горожанов А. И. Метод программного анализа контекста лексической единицы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024а. № 3. С. 178–190. DOI 10.29025/2079-6021-2024-3-178-190. EDN QNFATA.
15. Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Степанова Д. В. Обработка естественного языка и художественный текст: база для корпусного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. №1. С. 195210. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210.
16. Горожанов А. И. Алгоритмы поиска фразеологизмов в лингвистическом корпусе с морфологической разметкой (индоевропейские языки) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024б. Т. 17. № 1. С. 132–138. DOI 10.30853/phil20240020. EDN JTWSIQ.
17. Писарик О. И. Принципы разработки базы данных подязыка предметной области «строительство» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 5 (847). С. 150–160. DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_150. EDN RKPNSU.

REFERENCES

1. Bondarchuk, G. G. (2024). Semiotic functions of English clothing names in a journalistic text (corpus-based study). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 23–29. EDN BXILCR. (In Russ.)
2. Krasikova, E. A. (2024). The role of the corpus manager in analyzing the use of proper names in electronic media texts (on the material of the English-speaking CNN corpus). Filologicheskie nauki v XXI veke: aktual'nost' mnogopolyarnost' perspektivy razvitiya (pp. 45–49): collection of scientific papers. Krasnodar: Kuban State University. EDN JPRHAE. (In Russ.)
3. Stepanova, D. V. (2023). Software package for generating a dynamic media texts corpus. Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology, 6(127), 123–130. EDN FMBTKO. (In Russ.)
4. Guseynova, I. A., Kosichenko, E. F. (2024). Grani smeshnogo i yumor bez granits: semiotika komicheskikh tekstov raznykh zhanrov = The Facets of the Funny and Humor Without Borders: Semiotics of Comic Texts of Different Genres. Kazan: Buk. ISBN 978-5-907839-92-2. EDN PSLMFL. (In Russ.)
5. Sokolova, V. L., Golubkova, E. E. (2024). Discursive mechanism and conceptual foundations of shaping linguostylistic clusters in the English-language one-liner jokes. Cognitive studies of language, 2–2(58), 215–218. EDN OHNINL. (In Russ.)
6. Kotiurova, I. A., Shchegoleva, L. V. (2024). Visualization of educational data in a German-language corpus of student texts. Perspectives of science and education, 2(68), 578–594. 10.32744/pse.2024.2.35. EDN UTDLFM. (In Russ.)
7. Kupriyanov, R. V., Solnyshkina, M. I., Lekhnitskaya, P. A. (2023). Parametric Taxonomy of Educational Texts. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 22(6), 80–94. 10.15688/jvolsu2.2023.6.6. EDN VFCVLW. (In Russ.)
8. Gik, A. V. (2024). The appendicies to the concordance of M. Kuzmin. Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 1, 227–243. 10.31912/pvrl-2024.1.22. EDN NVKTQL. (In Russ.)
9. Bobunova, M. A. (2023). On the research potential of lexicographic complexes of folklore texts. Russian journal of lexicography, 28, 44–65. 10.17223/22274200/28/3. EDN SFNPOP. (In Russ.)

10. Kim, I. E. (2021). Punctuation of the "speaker" and punctuation of the "listener": onomasiological and the semasiological approach in punctuation. Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 3, 252–260. 10.31912/pvrli-2021.3.20. EDN BZDVOQ. (In Russ.)
11. Gorozhanov, A. I., Stepanova, D. V. (2022). Work of fiction interpretation: corpus approach. Philology. Theory & practice, 15(1), 203–208. 10.30853/phil20220020. EDN TCZLAF. (In Russ.)
12. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2022). Standardized procedure for obtaining statistical parameters of a text (on the material of the stories by J. London "Smoke Bellew. Smoke and Shorty"). Minsk State Linguistic University bulletin. Series 1. Philology, 4(119), 7–13. EDN PXAVUX. (In Russ.)
13. Gorozhanov, A. I. (2023). Extension of a standard balanced linguistic corpus built according to spacy rules by connotative characteristics. Philology. Theory & practice, 16(11), 3888–3893. 10.30853/phil20230594. EDN FVUIUL. (In Russ.)
14. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2024). Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research. RUDN Journal Of Language Studies, Semiotics and Semantics, 15(1), 195–210. 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210.
15. Gorozhanov, A. I. (2024a). Programming analysis of the lexical unit context. Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 3, 178–190. 10.29025/2079-6021-2024-3-178-190. (In Russ.)
16. Gorozhanov, A. I. (2024b). Algorithms for searching phraseological units in a linguistic corpus with morphological markup (Indo-European languages). Philology. Theory & practice, 17(1), 132–138. 10.30853/phil20240020. EDN JTWSIQ. (In Russ.)
17. Pisarik, O. I. (2021). Database design principles for the "construction" English sublanguage. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(847), 150–160. 10.52070/2542-2197_2021_5_847_150. EDN RKPNSU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горожанов Алексей Иванович

доктор филологических наук, доцент
 профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка
 факультета немецкого языка
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorozhanov Alexey Ivanovich

Doctor of Philology, Associate Professor,
 Professor in the Department of German Language Grammar and History
 Faculty for German Language
 Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
 одобрена после рецензирования
 принята к публикации

02.07.2024
 31.07.2024
 06.08.2024

The article was submitted
 approved after reviewing
 accepted for publication

Понятийный компонент концепта «АРМИЯ» в китайской лингвокультуре как основа формирования имиджа Народно-освободительной армии Китая

О. И. Калинин^{1,2}, Л. А. Радус²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

^{1,2}Военный университет им. князя Александра Невского, Москва, Россия

¹Okalinin.lingua@gmail.com

²lara_rad@bk.ru

Аннотация.

Цель исследования изучить понятийный компонент концепта «армия» в китайской лингвокультуре как основу для формирования имиджа Народно-освободительной армии Китая. Методы включают дефиниционно-этимологический, компонентный, семантико-когнитивный виды анализа лексики и лингвокогнитивный фреймовый анализ концепта. Материалом исследования послужили данные толковых и этимологических словарей китайского языка, а также отдельные фразеологизмы. Результаты показывают, что представления об армии в китайской лингвокультуре могут быть рассмотрены как концепт «армия», включающий три понятийных компонента: войско как подразделение, военные как социальная группа и военное дело как профессия. Практическая ценность работы заключается в возможности использования результатов в подготовке специалистов по военному сотрудничеству с Китаем.

Ключевые слова:

концепт, армия, китайская лингвокультура, имидж, дефиниционно-этимологический анализ, компонентный анализ, семантико-когнитивный анализ, лингвокогнитивный анализ

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049. <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

Для цитирования:

Калинин О., Радус Л. Понятийный компонент концепта «армия» в китайской лингвокультуре как основа формирования имиджа Народно-освободительной армии Китая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2024. Вып. 11 (892). С. 31–37.

Original article

The Conceptual Component of the Army Cognitive Frame in Chinese Linguistic Culture as the Basis of the PLA Image Formation

Oleg I. Kalinin^{1,2}, Larisa A. Radus²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

^{1,2}Military University named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia

¹okalinin.lingua@gmail.com

²lara_rad@bk.ru

- Abstract.** The purpose of the study is to identify the linguistic and cultural features of the ARMY concept in the Chinese worldview as the basis for the formation of the PLA's image. Methods include definitional-etymological analysis of lexemes, component analysis of hieroglyphs, semantic-cognitive analysis of phraseological units and linguo-cognitive frame analysis of the concept. The research material was based on data from Chinese language explanatory and etymological dictionaries, as well as phraseological units. The results show that the ARMY concept in Chinese linguistic culture has a utilitarian meaning, which includes three main aspects: the army as a unit, the military as a social group and military affairs as a craft. The practical value of the work lies in the possibility of using the results in the training of military translators and specialists in cooperation with China.
- Keywords:** concept, ARMY, Chinese linguistic culture, image, definitional etymological analysis, component analysis, semantic-cognitive analysis, linguocognitive frame analysis
- Acknowledgements:** Finance and Acknowledgement: The research is financially supported by Russian Science Foundation № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.
- For citation:** Kalinin, O. I., Radus, L. A. (2024). The conceptual component of the ARMY cognitive frame in Chinese linguistic culture as the basis of the PLA image formation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(892), 31–37. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В условиях современного постинформационного общества, в котором, по выражению Ж. Бодрийяра, «всё больше и больше информации, и всё меньше и меньше смысла» [Бодрийяр, 2015, с. 15], отражение представления об объекте окружающей действительности становится важнее сущностных характеристик самого объекта, а информация, репрезентирующая мир вокруг, может заменять реальное знание о мире. В подобной социально-философской парадигме важно рассмотреть механизмы формирования представлений о базовых социальных институтах, к числу которых относятся вооруженные силы.

Имидж государства или общественного института является предметом мультидисциплинарных исследований. Так, социологи рассматривают имидж как результат компрессии социального знания, аккумулирующий в себе различные культурно-исторические значения. «В нем концентрируются те представления, которые, сложившись веками, остаются наиболее привычными и удобными» [Терских, Малёнова, 2015, с. 8]. С точки зрения политологии подчеркивается, что «имидж – не что иное, как важнейший структурный компонент сферы политики, с помощью которого властвующие субъекты пытаются оказывать целенаправленное воздействие на общественное мнение» [Бондарева, 2007, с. 19]. С позиций лингвистики имидж может быть рассмотрен как «целенаправленно создаваемый в процессе речевой коммуникации абстрактный, частотный, эмоционально окрашенный образ субъекта политического процесса» [Калинин, 2018, с. 56].

Основными характеристиками имиджа можно полагать образную основу, целенаправленность создания, концептуальную форму, коммуникативную природу и воздействующий потенциал. Так, любой процесс, связанный с созданием или трансформацией имиджа, представляется нам формированием или изменением концепта, т. е. фрагментом знания об определенном окружающем мире.

Концепт как «идеальная, абстрактная единица смыслов, которая отражает содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира и позволяют ему оперировать ими в процессе мышления» [Болдырев, 2002, с. 19], имеет определенную структуру. В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин исследуя структуру концепта, выделяют три составляющие: понятийную, образную, ценностную [Карасик, Слышкин, 2001, с. 78], где понятийная сторона концепта представляется как «особая языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция» [Карасик, 2002, с. 129], и «отражает признаковую и дефиниционную структуру концепта» [Воркачев, 2004, с. 80].

Можно предположить, что понятийная основа концепта общественно-политического института состоит в фиксации языковыми единицами сущностных признаков этого института, отличающих его от других рационально оцениваемых человеком понятий общественно-политической жизни. Иными словами, понятийную основу концепта «армия» составляет опыт рационального осмысления человеком армии и ее роли в жизни страны и народа.

В свете вышеописанных теоретических исследований конструирования имиджа общественного

института как процесса формирования или изменения концепта целью данного исследования ставится выявление понятийной основы концепта «армия» в китайской картине мира как базовой составляющей имиджа Народно-освободительной армии Китая (далее НОАК).

Достижение цели требует решения некоторых исследовательских задач: провести анализ когнитивной семантики основных иероглифов-репрезентантов концепта «армия»; провести лингвокогнитивный анализ фразеологического фонда китайского языка, содержащего лексемы-репрезентанты концепта «армия».

Представленные исследовательские задачи определяют комплекс методов, стандартных для лингвокогнитивных исследований: дефиниционно-этимологический анализ лексем-репрезентантов, декомпозиция структуры иероглифов, семантико-когнитивный анализ фразеологизмов с лексемами-репрезентантами концепта «армия», лингвокогнитивный анализ концепта как основы формирования образа вооруженных сил Китайской народной республики.

Материалом исследования в этой связи стали данные толковых, двусторонних, этимологических онлайн-словарей китайского языка¹, а также фразеологизмы с иероглифами: 军 (армия), 兵 (солдат, войско), 武 (вооружение, оружие) в количестве 192 единиц, отобранные методом сплошной выборки из онлайн-словаря китайской иероглифики².

Несмотря на наличие научных работ, которые рассматривают фразеологизмы военной тематики [Абдрахимов, Радус, Ткачук, 2018; Полончук, 2018], паремический фонд китайского языка не изучался с позиций выявления концептуальных основ формирования имиджа общественного института.

Практическая ценность работы состоит в том, что выявление базового понятийного компонента концепта «армия» позволяет анализировать механизм формирования имиджа НОАК, что важно в свете роста потребности в специалистах по сотрудничеству с Китаем.

Актуальность темы исследования определяется повышением напряженности международной военно-политической обстановки, а выявление лингвокогнитивных механизмов формирования имиджа вооруженных сил, как например, изучение образа России в контексте репрезентации СВО [Калинин, 2022], имеют высокий потенциал практического применения соответствующими органами по

имиджевому позиционированию страны и органов государственной власти.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Практическая часть исследования представляет собой последовательный лингвокогнитивный анализ трех основных иероглифов, репрезентирующих военную сферу жизни общества: 军 (армия), 兵 (солдат, войско), 武 (вооружение, вооруженный). Именно эти иероглифы входят в состав лексических единиц, репрезентирующих основные номинации армии в китайском языке: 人民解放军 (Народно-освободительная армия Китая), 军队 (армия, войско), 民兵 (народное ополчение), 兵团 (армия, войсковые соединения), 兵力 (войско, вооруженные силы), 武装力量 (вооруженные силы), 武力 (военная сила) и т. д.

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА ИЕРОГЛИФА 军

Иероглифический знак 军 относится к характерным знакам Цзиньвэнь, т. е. к отлитым или выгравированным надписям на китайских бронзовых сосудах для жертвоприношения или музыкальных ритуальных инструментах в эпоху Шан-Чжоу (XIII–IV веков до н. э.). Иероглиф 军 является составной идеограммой и изначально был образован слиянием идеограмм 车 (повозка, телега) и 冫 (обертывать). Декомпозиция структуры иероглифа-репрезентанта отражает утилитарное значение армии как «построения в форме круга боевых колесниц». В этимологическом словаре китайского языка поясняется, что «в древние времена сражения велись на колесницах, и при образовании лагеря их выставляли в замкнутый круг для защиты от врагов, т. е. исходное значение исследуемого иероглифа – “окружать себя военным лагерем”»³.

Значение этого иероглифического знака в древних словарях Шовэнь цзецзы (I в. н. э.) и Гуанья (III века н. э.) одинаковое – «окружать»⁴, что отражает семантику сочетания значения графем, представленную выше. Также в древних источниках зафиксированы значения «убивать, атаковать» (Книга ритуалов, Чжоу Ли, 1027 года до н. э. – 25 год н. э.) и «руководить войсками в битве» (Цзо чжуань, V век до н. э.)⁵.

В этимологической справке зафиксированы лексические маркеры, которые мотивируют концептуальную структуру анализируемой лексемы, – построение войск, использование войск, руководство войсками.

¹Толковый онлайн-словарь китайских иероглифов. URL: <http://xh.5156edu.com/>; Толковый онлайн-словарь китайского языка. URL: <https://cidian.tqzw.net.cn/>; Большой русско-китайский словарь. URL: <https://bkrs.info/>; Этимологического онлайн-словарь китайского языка. URL: <https://www.zdic.net>

²Онлайн-словарь китайской иероглифики. URL: <https://cy.pcccp.cn>

³URL: <https://www.zdic.net/hans/军>

⁴Там же.

⁵Там же.

Вторым шагом методики является обращение к лексикографическим источникам современного китайского языка для выявления развития / отсутствия компонентов значения, которые отражены в первоначальной форме идеограммы. Анализ словарных значений современного китайского языка позволяет нам выявить базовые семы лексемы 军:

- 1) войско, армия как совокупность военных подразделений (劳动大军 – трудовая армия, 敌军 – армия противника);
- 2) армия как структурное подразделение, находящееся в иерархии выше дивизии (军长 – командир корпуса, 第四军 – четвертая армия);
- 3) боевой; военный; война (无军功 – не иметь боевых заслуг)¹.

Как можно видеть из вышеуказанных примеров, концептуальная внутренняя форма иероглифа 军 содержит значения подразделение, совокупность подразделений, «что-то военное / боевое», что в целом отражает расширение внутренней когнитивной семантики по сравнению с древней.

Анализ 40 паремий из онлайн-словаря китайской фразеологии² показал, что в паремическом фонде китайского языка 军 как составная единица фразеологизма репрезентируется в нижеследующих значениях:

- 1) войска как подразделения, например: 军临城下 – враг уже рядом (букв. 'подразделения стоят под стенами'); 招军买马 – готовиться к войне (букв. 'созывать войска и покупать лошадей'). Из 40 фразеологизмов данное значение фигурировало в 29 случаях, что составляет 72,5 %;
- 2) военный, относящийся к военному делу, например: 狗头军师 – горе советчик (букв. 'военный советник с собачьей головой'; 常胜将军 – победитель (букв. 'часто побеждающий военный начальник'). Из 40 фразеологизмов данное значение фигурировало в 8, что составляет 20 %;
- 3) род войск, например: 勇冠三军 – обладающий несравненной храбростью, бесподобной доблестью (букв. 'храбрейший в трех родах войск'). Из 40 фразеологизмов данное значение реализовалось только в трех, что составило 7,5 %.

Словарные значения лексемы 军, репрезентирующие концепт «армия» в современном китайском языке, демонстрируют помимо базового значения «имеющий отношение к военному делу»

значение «подразделение» и в меньшей степени «род войск». Таким образом, данная концептуальная внутренняя форма отражает идею армии как «воинского подразделения, рода войск, войска», т. е. армии как организации, что отражает утилитарное применение армии как воинского коллектива, зафиксированное в том числе в идеографическом значении иероглифического знака.

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА ИЕРОГЛИФА 兵

Данный иероглиф относится к знакам Цзягувэнь (甲骨文), древнейшей китайской письменности XIV–XI векам до н. э. Иероглиф 兵 представляет собой «идеографическое изображение рук, несущих топор». Композиционно он состоит из идеограмм 卂 «руки, сложенные вместе», и 斤 «топор», что в результате семантической декомпозиции можно интерпретировать как «вооруженный человек»³.

Значение этого иероглифического знака в древних источниках и словарях распадается на: 1) орудие, оружие; 2) войска, армия; 3) солдат, боец; 4) военное дело; 5) убивать, ранить. Например, в словаре Шовэнь цзецзы (I век н. э.) описано значение – «орудие»⁴, а в Исторических хрониках Шицзин (XI–VI века до н. э.) – «наносить удар оружием»⁵, что отражает семантику сочетания значения графем, представленную выше.

Словарный семантический анализ позволяет выявить несколько компонентов значений лексемы 兵 в китайской лингвокультуре⁶:

- 1) солдат; воин, боец; рядовой (官兵 – офицеры и солдаты, 工农兵 – рабочие, крестьяне и солдаты, 一连兵 – рота солдат);
- 2) войска, армия, военная сила (进兵而攻周 – двигать войска и атаковать Чжоу);
- 3) род войск (步兵 – пехота, букв.: 'шагать' и 'род войск'; 骑兵 – кавалерия, букв. 'езда верхом' и 'род войск');
- 4) меч, оружие, вооружение (秣马厉兵 – готовиться к войне, букв. 'кормить лошадей' и 'точить оружие');
- 5) военное дело, война (习兵 – привыкнуть к военному делу, букв. 'изучать военное дело, упражняться в военном деле'; 兵不厌诈 – на войне хитростью не брезгуют);
- 6) наносить удар оружием, убивать (左右欲兵之 – окружающие хотели поразить его мечом, букв. 'слева и справа хотят убить его').

³URL: <https://www.zdic.net/hans/兵>

⁴Там же.

⁵Там же.

⁶URL: <http://xh.5156edu.com/html3/1764.html>; URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=兵>; URL: <https://cidian.tqzw.net.cn/e/search/result/?searchid=5344>

¹URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=军>; URL: <http://xh.5156edu.com/html3/2667.html>

²URL: <https://cy.pccpc.cn/q-军.html>

Анализ 73 идиом, содержащих иероглиф 兵, из онлайн-словаря китайской фразеологии¹ показал, что в составе фразеологизмов 兵 репрезентирует пять основных значений:

- 1) воин, солдат (将勇兵雄 – *сильная армия, букв. 'храбрые генералы' и 'могучие войска', 胸中甲兵 – великие военные замыслы, букв. 'на груди воина доспехи', 精兵猛将 – элитная армия, отборные войска и отважные полководцы*). Из 73 фразеологизмов это значение реализуется в 28, т. е. в 38,3 % случаев;
- 2) военное дело, война (纸上谈兵 – *попусту теоретизировать; кабинетные рассуждения, пустые разглагольствования, букв. 'на бумаге говорить о войне, сокращенно'*). Это значение реализуется в 17, т. е. в 23,28 % случаев;
- 3) оружие (弃甲曳兵 – *потерпеть поражение, букв. 'бросить латы' и 'волочить за собой оружие', 坚甲厉兵 – готовиться к битве, букв. 'укреплять броню' и 'затачивать оружие'*). Это значение реализуется в 20, т. е. в 27,39 % случаев;
- 4) войска, армия (兵荒马乱 – *смутные времена; сумятица, волнения, смута, хаос, букв. 'армия в упадке', 'лошади мечутся', 遣将征兵 – мобилизация рабочей силы, букв. 'посылать генералов' и 'созывать войска'*). Это значение реализуется в 4, т. е. в 5,55 % случаев;
- 5) сражаться (赤壁鏖兵 – *одержав победу в жестоком бою; тяжелый бой, большая битва, букв. 'сражаться насмерть у Чибя'*). Это значение реализуется в 4, т. е. в 5,55 % случаев.

Так, этимологически исходное значение иероглифа 兵 оружие в руках отражает идею «оружие, человек с оружием», что подтверждают данные толковых словарей китайского языка. Значение «воин, солдат» остается наиболее частотным в исследованных паремиях. Отметим, что помимо базового значения также наблюдается его функциональное переосмысление, результатом которого является глагол «сражаться», что основано на главной задаче воина. Анализ показывает актуализацию значения иероглифа 兵 как «воин, военный, войско», т. е. понимание армии как «группы вооруженных людей, стоящих на защите чего-либо с оружием в руках».

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА ИЕРОГЛИФ 武

Иероглиф 武 этимологически восходит к гадательным письменам Цзягувэнь (XIV–XI века до н. э.),

¹URL: <https://cy.pcccp.cn/q-兵.html>

т. е. к самой древней форме китайской письменности, и сам является составной идеограммой.

Значение иероглифа происходит от простых идеограмм 止 – *останавливать, сдерживаться* и 戈 – *копье, клевец*, что позволяет его интерпретировать как «человек, сдерживающий копьем». В конфуцианском трактате Чунцю («Весны и осени») написано: 止戈为武。夫武禁暴戢兵保大定功安民和财者也 (止 и 戈 составляют 武, а 武 – это тот, кто запрещает насилие, складывает оружие и ставит на первое место стабильность и безопасность народа и его богатств)². Мы видим, что значение иероглифа связано с наличием оружия, однако также отражается значение «использование оружия для сдерживания».

Значение этого иероглифического знака в древних источниках и словарях представляет собой: 1) военный, военное дело; 2) солдат; 3) танец; 4) унаследовать³.

Семантический анализ словарных значений позволяет нам выявить несколько компонентов значений лексемы 武 в китайской лингвокультуре⁴:

- 1) военное дело; военное искусство, стратегия, тактика (乃命将双帅讲武习射御 – *и тогда приказал он полководцам читать наставления по военному делу*);
- 2) военная доблесть; мужество, храбрость, отвага, бесстрашие (英武 – *беззаветная храбрость, героизм; 好武 – ценить храбрость*);
- 3) воин, боец; герой, богатырь (勇武一人 – *один мужественный воин способен быть героем во всех трех ратях*);
- 4) сила; насилие; принуждение (用武 – *применять [военную] силу, бороться, 动武 – прибегнуть к насильственным мерам*);
- 5) оружие (武库 – *военный склад, арсенал, 武装 – вооруженный*).

Анализ 79 идиом, содержащих иероглиф 武⁵, показал, что в паремическом фонде китайского языка 武 репрезентирует нижеследующие значения:

- 1) военный человек (文恬武嬉 – *полная беззаботность и всеобщая праздность, букв. 'гражданские спокойны', 'военные гуляют'*). Из 79 фразеологизмов это значение реализуется в 10, т. е. в 13 % случаев;
- 2) идти по стопам, быть приемником (踵武前贤 – *следовать заветам мудрецов*). Это значение реализуется в 4, т. е. в 5 % случаев.
- 3) боевые искусства (文武双全 – *прекрасный ученый и солдат, мастер кисти и меча*,

²URL: <https://www.zdic.net/hans/武>

³Там же.

⁴URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=武>; URL: <https://cidian.tqzw.net.cn/e/search/result/?searchid=12657>; URL: <https://cidian.tqzw.net.cn/e/search/result/?searchid=12657>

⁵URL: <https://cy.pcccp.cn/q-武.html>

букв. 'литература и боевые искусства полностью совпадают'). Это значение реализуется в 15, т. е. в 19 % случаев.

- 4) вооружение, оружие (整军经武 – *снаряжать армию; готовиться к войне*, букв. 'готовить армию и распределять оружие'). Это значение реализуется в 17, т. е. в 22 % случаев.
- 5) военная сила, военная мощь (黷武穷兵 – *крайне воинственны*, букв. 'злоупотреблять военной мощью' и 'истощать солдата'). Из 69 фразеологизмов это значение реализуется в 19, т. е. в 24 %.
- 6) военное дело (经武纬文 – *разумное сочетание гражданского управления и военного дела*). Это значение реализуется в 14, т. е. в 18 %.

Так, базовым значением иероглифа 武 является «вооружение, оружие». Декомпозиция семантики иероглифа позволяет интерпретировать его значение как «использование оружия как средство защиты». Кроме того, дополнительным компонентом является восприятие владения оружием как искусства, похожего, например, на литературное творчество. Проведенный анализ показывает актуализацию значения иероглифа 武 как «военное искусство» и «оружие», т. е. понимание армии как «использования оружия», где дополнительным значением выступает «оружие для сдерживания» и «мастерство применения оружия», что в совокупности предполагает рассмотрение военного дела как профессии, связанной с использованием оружия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты дефиниционного и этимологического видов анализа, а также анализ внутренней семантики фразеологизмов показывает, что семантика иероглифов-репрезентантов концепта «армия» в значительной степени различается, а выявление их базового значения указывает на содержание понятийного компонента концепта «армия», лежащем в основе формирования имиджа вооруженных сил.

Понятийный компонент концепта «армия» в общих чертах будет примерно одинаков для разных лингвокультур – «военная организация, совокупность вооруженных сил государства», однако детальное содержание понятийного компонента может в определенной степени отличаться в разных социокультурах и даже в рамках одной культуры на разных этапах ее развития. Так, для китайской культуры мы наблюдаем своего рода тройственность понимания армии как «военной организации», «военнослужащих» и «вооружения».

При этом мы смогли установить, что базовые составные части понятийного компонента концепта «армия» в китайской лингвокультуре имеют некоторые дополнительные значения. Так, армия как группа людей-воинов приобретает ряд оценочных значений положительного характера (великий, элитный, могучий), армия как военное дело, военное искусство, обращение с оружием отражает использование оружия для сдерживания. Данные значения коррелируют с представлениями о вооруженных силах, сложившимися в китайской лингвокультуре, где военная служба считалась уважаемым, но всё же менее значимым, чем гражданская служба, занятием, а военные умения обращения с оружием были важны, но не так сильно, как знания в науках и искусствах. Кроме того, традиционные положения китайской философии о достижении победы невоенным путем также отражены в содержании понятийного компонента концепта «армия».

Таким образом, поставленные задачи достигнуты, проведенный анализ позволил идентифицировать базовую семантику концепта «армия»: войско как структура, военные как социальная группа и военное дело как профессия, что отражает многокомпонентное знание об общественном институте и лежит в основе формирования имиджа современных вооруженных сил, где также принципиальное значение имеет акцент на военнослужащих как защитниках страны, на современном вооружении и на структурированности военной системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2015.
2. Терских М. В., Малёнова Е. Д. Медиаобраз сибирского региона: лингвокогнитивное моделирование. Омск: ЛИТЕРА, 2015.
3. Бондарева Л. В. Динамика политического имиджа России в качественной прессе США: дис. ... канд. полит. наук. М., 2007.
4. Калинин О. И. Метафорический образ НОАК в СМИ КНР // Политическая лингвистика. 2018. № 6 (72). С. 55 – 59.
5. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.
6. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 75 – 81.
7. Карасик В. И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
8. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004.

9. Абдрахимов Л. Г., Радус Л. А., Ткачук В. В. Военная тематика в китайских пословицах и поговорках. Китайско-китайский тематический словарь. М.: ВКН, 2018.
10. Полончук Р. А. Военная тематика во фразеологии китайского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2–2 (80). С. 361–363.
11. Калинин О. И. Корпусный анализ языковой репрезентации специальной военной операции ВС РФ на Украине в СМИ КНР // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 10 (865). С. 41–47.

REFERENCES

1. Baudrillard, J. (2015). Simulacra and simulations [trans. from fr. A. Kachalova]. Moscow: Postum. (In Russ.)
2. Tersikh, M. V., Malyonova, E. D. (2015). Mediaobraz sibirskogo regiona: lingvokognitivnoe modelirovanie – Media image of the Siberian region: linguocognitive modeling. Omsk: LITERA. (In Russ.)
3. Bondareva, L. V. (2007). Dinamika politicheskogo imidzha Rossii v kachestvennoj presse SShA – Dynamics of the political image of Russia in the quality press of the USA: PhD in Political Sciences. Moscow. (In Russ.)
4. Kalinin, O. I. (2018). Metaforicheskij obraz NOAK v SMI KNR – Metaphorical image of the PLA in the media of the People's Republic of China. Political Linguistics, 6(72), 55–59. Moscow. (In Russ.)
5. Boldyrev, N. N. (2002). Kognitivnaya semantika (Kurs lekci po anglijskoj filologii) – Cognitive semantics (Lecture course on English philology). Tambov: Derzhavin Tambov State University. (In Russ.)
6. Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2001). Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovaniya – Linguistic and cultural concept as a unit of research. In Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki (pp. 75–81). Voronezh: Voronezh State University. (In Russ.)
7. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoj krug: Lichnost', koncepty, diskurs – Language circle: Personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
8. Vorkachev, S. G. (2004). Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept – Happiness as a linguistic and cultural concept. Moscow: Gnosis. (In Russ.)
9. Abdrakhimov, L. G., Radus, L. A., Tkachuk, V. V. (2018). Voennaya tematika v kitajskih poslovicah i pogovorkah. Kitajsko-kitajskij tematicheskij slovar' – Military themes in Chinese proverbs and sayings. Sino-Chinese thematic dictionary. Moscow: VKN. (In Russ.)
10. Polonchuk, R. A. (2018). Voennaya tematika vo frazeologii kitajskogo yazyka – Military topics in the phraseology of the Chinese language, 2–2(80), 361–363. Tambov: Gramota. (In Russ.)
11. Kalinin, O. I. (2022). Corpus Analysis of the Language Representation of the Russian Special Military Operation in Ukraine in the PRC Mass Media. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 41–47. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Калинин Олег Игоревич

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры китайского языка Московского государственного лингвистического университета
доцент 40-й кафедры (дальневосточных языков) Военного университета имени князя Александра Невского
старший научный сотрудник Управления научной и инновационной деятельности
Южно-Уральского государственного университета

Радус Лариса Александровна

старший преподаватель 40-й кафедры (дальневосточных языков)
Военного университета имени князя Александра Невского

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kalinin Oleg Igorevich

Doctor of Philology (Dr. habil), Assoc. Prof.
Professor at the Department of Chinese Language, Moscow State Linguistic University
Associate Professor at the Department 40 (Far Eastern Languages), Military University named after Prince Alexander Nevsky
Senior Researcher of the Department of Research&Innovation Services of South Ural State University

Radus Larisa Alexandrovna

Senior Lecturer at the Department 40 (Far Eastern Languages)
Military University named after Prince Alexander Nevsky

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.07.2024
31.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Средства создания образа «Я – чужой» в медийном дискурсе (на материале интервью британского принца Генри американскому телеканалу)

Е. Ф. Косиченко

Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», Москва, Россия
KosichenkoYF@mpei.ru

Аннотация. В статье анализируется телеинтервью, данное британским принцем Генри американскому каналу CBS, с целью показать, что медийное пространство представляет собой организованный по принципу бинарности и мимезиса континуум, где созданы необходимые условия для социальной презентации себя как «чужого». Применение методов структурного, нарративного и контекстуального анализа позволяет продемонстрировать, что средствами создания образа «Я – чужой», понимаемого также как способ выражения отрицательного отношения к некоторому социальному событию, в анализируемом материале выступают актуализируемые на системной основе оппозиции «Я vs семья», «Я vs британская пресса» и аналогия «Я и моя мать».

Ключевые слова: образ «Я – чужой», медиапространство, самопрезентация, событийный континуум, телеинтервью, культурные оппозиции, бинарность, мимезис

Для цитирования: Косиченко Е.Ф. Средства создания образа «Я – чужой» в медийном дискурсе (на материале интервью британского принца Генри американскому телеканалу) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 11 (892). С. 38–45.

Original article

Means of Creating the I-Am-A-Stranger Image in Media Discourse (analysis of an Interview with British Prince Henry on American TV)

Elena F. Kosichenko

National Research University Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russia
KosichenkoYF@mpei.ru

Abstract. The article analyzes a televised interview with British Prince Henry in a CBS show with the aim of revealing that media space is an eventful continuum that is structured according to the cyclical and binary principles, which creates conditions for socially presenting oneself as a *stranger*. Methods of structural, narrative and contextual analysis prove that the key means of creating the *I-am-a-stranger* image – in this case also a way of showing one's negative attitude to a social event – are binary oppositions *Self vs Family*, *Self vs Press*, and the *My-Mother-and-I analogy*.

Keywords: *I-am-a-stranger image*, media space, self-presentation, eventful continuum, televised interview, media cultural oppositions, binary principle, cyclical principle

For citation: Kosichenko, E. F. (2024). Means of creating the I-am-a-stranger image in media discourse (analysis of an interview with British Prince Henry on American TV). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 38–45. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Любое интервью в прямом эфире представляет собой практически неисчерпаемый материал для научных исследований, поскольку дает возможность проанализировать отдельный фрагмент или всю беседу с разных сторон с учетом целого ряда факторов. Предметом изучения могут быть коммуникативные стратегии и тактики, выбираемые телеведущим, особенности его взаимодействия с гостем и с аудиторией, привлекаемые средства и способы создания определенного образа героя программы. Не менее интересной является работа по выявлению особенностей данного жанра медийной коммуникации, описанию генерализирующих признаков и установлению характерных дискурсивных маркеров. В поле научного интереса лингвиста могут попасть также особенности самопрезентации приглашенного гостя, который приходит в студию, движимый определенными целями. Если цели журналиста и интервьюируемого не совпадают, беседа может закончиться конфликтом, неожиданным разоблачением либо неким сенсационным признанием гостя, как, например, это произошло в ходе интервью, которое в 1977 году британский тележурналист Дэвид Фрост взял у добровольно покинувшего президентский пост Ричарда Никсона. Не меньше шума наделало интервью 1995 года, когда принцесса Уэльсская Диана сообщила о подробностях своей жизни в королевской семье британскому журналисту Мартину Баширу на канале Би-би-си.

Материалом для нашей статьи послужило интервью с исключительно важной и широко известной персоной, изначально готовой делать громкие заявления в разговоре с американским телеведущим Стивеном Колбертом. В рамках данной статьи мы не ставим перед собой задачу прицельно рассматривать средства и способы, привлекаемые журналистом для создания определенного имиджа принца Генри, и остановимся на средствах самопрезентации, выбранных гостем для создания образа человека, практически отвергнутого семьей и преследуемого британской прессой, как и его мать четверть века назад. Особый акцент будет сделан на том, что возможности для такой акции со стороны принца Генри были заложены в американском медийном пространстве до начала интервью.

В этой связи объектом нашего исследования является образ «Я – чужой», понимаемый как вербализованное восприятие индивидом себя в оппозиции к некоторым событиям. Предметом выступают языковые средства репрезентации оппозиций «Я – семья», «Я – пресса» и аналогии «Я и моя мать», создающие в своей совокупности нужный образ. Цель исследования – продемонстрировать на примере

интервью с принцем Сассекским, что, представляя собой сложную систему оппозиций и повторяемых событий, пространство медиадискурса является благоприятным полем для громких заявлений и разоблачений.

МЕТОДОЛОГИЯ

В данном разделе мы остановимся на двух важных для нашего исследования вопросах: во-первых, рассмотрим явление медийного пространства как событийной категории с точки зрения присущих ему характеристик бинарности и мимезиса; во-вторых, обратимся к телеинтервью, представляющему собой популярный жанр медийной коммуникации, активно изучаемый современными гуманитарными науками.

Выведенные во второй половине XX века постмодернистами идеи о том, что средства массовой информации являются основным источником социальных событий и что событие представляет собой ментальное явление, в связи с чем может оставаться в фокусе внимания общественности так долго, как этого требуют политические, экономические, общественные или другие причины (Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез; Ж. Деррида, Ж. Лакан и др.), считаются в наше время общепризнанными фактами. В данной статье мы понимаем событие, во-первых, как создаваемое посредством СМИ, локализуемое во времени и пространстве, социально обусловленное и эмоционально переживаемое дискурсивное явление; во-вторых, как необходимое условие существования всего медийного пространства, как его основу и сущность.

Зародившись как часть культуры, средства массовой информации настолько быстро и глубоко интегрировались во все социальные процессы, что превратились из средств информирования в одну из основных форм существования культуры. Свидетельством тенденции к ассимиляции массмедиа и культуры выступают такие термины и устойчивые словосочетания, как «медиакультура», «медийная культура», «массмедийное пространство». В этой связи согласимся с мнением о том, что на сегодняшний день «массмедиа выступают отнюдь не как посредники, передающие информацию, – они конструируют собственную реальность» [Володина, 2018, с. 10]. Поскольку медиапространство представляет собой культурное явление, основным принципом его организации выступает бинарность, т. е. противопоставленность всех составляющих элементов по некоторому признаку, благодаря чему обеспечивается как динамичность всего пространства, так и его конфликтность. Неудивительно, что медиапространство всё чаще

предстает как место, где в реальном времени наблюдаемы не только международные, социальные, политические разногласия, но также личностные конфликты, вызванные столкновением интересов и мнений, как место не только распространения информации, но и «тиражирования определенных образов» [Гусейнова, Горожанов, 2023, с. 912].

Термин «мимезис» определяется в философии как «подражание» и широко используется в современных исследованиях по массовой коммуникации для характеристики способности человека к повтору некоторых образцов поведения¹. В научной литературе отмечается, что современные социальные коммуникации, разновидностью которых являются массмедиа [Мурейко, 2018], обнаруживают ярко выраженную тенденцию к подражанию, причем «формы мимезиса достаточно разнообразны, и могут быть связаны с подражанием образцу, уподоблением экрану, технологиям и т. д.» [Мурейко, 2016, с. 136]. Таким образом, наряду с бинарностью, другим принципом организации медиaprостранства является мимезис. Исходя из идеи о высокой степени конфликтности и деперсонализации всего медийного пространства, далее мы будем рассматривать телеинтервью как жанр, для которого также характерна установка на противостояние и копирование определенных моделей поведения.

Переходя к рассмотрению телеинтервью как популярного жанра, отметим, что, несмотря на большое число работ, нацеленных на изучение того или иного аспекта данной формы медийной коммуникации, на сегодняшний день сложно говорить о его всесторонней изученности. Предпринятый нами обзор научной литературы по рассматриваемой теме за последние десять лет позволяет выделить несколько исследовательских направлений, развиваемых отечественными и зарубежными лингвистами.

Прежде всего отметим интерес к дискурсивным особенностям телеинтервью. Так, в целом ряде работ [Власян, 2022; Mohammed, Ahmed, 2018; Fu, Ho, 2022] на материале разных языков изучаются дискурсивные маркеры данного жанра, под которыми понимают слова и выражения, выполняющие связующую функцию, передающие позицию интервьюируемого по некоторому вопросу, выступающие средствами перемены темы, замалчивания некоторой информации и т. д. Другим исследуемым в рамках дискурсологии вопросом является обращение к особенностям телеинтервью с точки зрения его тематической организации. Например, отмечается,

что в рамках политического или театрального дискурса телеинтервью обнаруживают характерные стратегии самопрезентации и модели речевого поведения [Нешенко, 2017; Лаврова, Гончар, 2021].

Другим направлением изучения телеинтервью как формы коммуникации является исследование проблемы конструирования имиджа телеведущих и гостей, в частности в медийных жанрах интервью-беседы и портретном интервью, в том числе в аспекте перевода [Кравчук, 2021; Никишин, 2021; Парамонов, Шмелева, 2022]. Заметим, что под портретным интервью в общих чертах понимают беседу, в которой раскрывается личность интервьюируемого гостя, при этом как гость, так и журналист имеют определенные цели, для реализации которых выбирают те или иные модели поведения.

В нашем исследовании мы обратимся к вопросу, который пока еще не рассматривался в других работах, и постараемся установить, каким образом медийное пространство как явление, организованное в соответствии с принципами бинарности и мимезиса, способствует созданию образа «Я – чужой» человеком, принимающим участие в телеинтервью.

АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В январе 2023 года накануне выхода в свет книги «Запасной» («Spare») ее автор, британский принц Генри, Герцог Сассекский, дал интервью в телешоу Стивена Колберта «Позднее шоу» (Stephen Colbert. «The Late Show») на американском канале CBS, в котором прокомментировал не только наиболее острые моменты своей книги, получившие широкий общественный резонанс еще до публикации в результате утечки информации и агрессивной позиции журналистов, но также и свои отношения с королевской семьей.

Переходя к анализу состоявшейся беседы, заметим, что, выбрав американский канал в качестве площадки для своего публичного обращения к потенциальным читателям, герцог Сассекский намеренно или ненамеренно противопоставил себя не только британским СМИ, но отчасти и своей собственной нации. Известно, что принц официально стал гражданином США еще в июне 2023 года, когда он получил соответствующий документ. Переезду в другую страну предшествовала череда скандалов, распространению и обострению которых активно способствовали британские СМИ, названные принцем Гарри в феврале 2021 года «токсичными» (англ. toxic). Высказывание принца, содержащее данный эпитет, было растиражировано американскими СМИ, которые опубликовали на своих сайтах заголовки похожего содержания

¹Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. М.: Мысль, 2010. ISBN 978-5-244-01115-9. Мимезис. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0178ce623d380e6f7f161178>

с незначительными вариациями. Приведем примеры нескольких заголовков:

Prince Harry says “toxic” British media drove him and Meghan to exit royal family¹. – Принц Гарри сказал, что «токсичные» британские медиа вынудили его и Меган оставить королевскую семью².

Prince Harry says he stepped back from royal family because “toxic” press was destroying his mental health³. – Принц Гарри заявляет, что покинул королевскую семью, так как токсичная пресса разрушала его психическое здоровье.

“This is Toxic”: Prince Harry Says British Media’s behaviour led to Him leaving Royal Role⁴. – «Это токсично»: принц Гарри говорит, что поведение британских СМИ привело к тому, что он оставил королевскую семью.

На наш взгляд, незначительные отличия в воспроизведении слов принца не влияют существенно на транслируемые значения, конфликт между принцем Гарри и британской прессой, а также между ним и королевской семьей, актуализируются во всех процитированных заголовках. На этом фоне привлекают внимание заголовки британских новостных изданий. Приведем один пример, наглядно демонстрирующий отличия в оценке события переезда принца американскими и британскими медиа.

It was destroying my mental health: Prince Harry reveals “toxic” British press played a role in decision to leave the UK⁵. – Это разрушало мою психику: принц Гарри говорит о роли, которую сыграли британские СМИ в его решении покинуть Соединенное королевство.

Комментируя данный заголовок, обратим внимание на то, насколько иначе в нем расставлены акценты. Местоимение единственного числа *it* не может замещать слово *media*, являющееся в английском языке существительным множественного числа, значит на психическое состояние Гарри повлияло что-то другое, не имеющим отношение к массмедиа. Слова Гарри о токсичности британских

СМИ сочетаются с выражением *played a role*, где неопределенный артикль указывает на незначительную степень оказанного воздействия. Слово *decision* (решение) акцентирует, что решение покинуть страну было принято самим принцем. Можно предположить, что такого рода заголовки вполне способны сформировать у британцев особое мнение о причинах переезда принца Сассекского в США.

Переходя к телешоу на канале CBS⁶, отметим, что, поскольку интересующие нас вопросы и ответы обсуждались в интервью не блоками, а перемежались в течение беседы, при изложении материала в данной статье с целью ее логической организации мы были вынуждены в ряде случаев переставлять местами фрагменты беседы.

Войдя в студию под аплодисменты зрителей и поприветствовав ведущего, принц Гарри присел на одно из двух кресел для гостей ближе к столу. Показав рукой на соседнее кресло, принц поинтересовался: *That’s the spare?* – (*Это запасное?*), тем самым обозначив тему встречи. Зрители оценили шутку и некоторое время скандировали: *Гарри, Гарри, Гарри*. Обратившись к ведущему, принц поблагодарил его словами:

PH: Thanks for bringing in the crowd. – Спасибо, что их всех собрали.

Когда публика стихла, ведущий уточнил у гостя, как к нему можно обращаться, пояснив, что вопрос вызван большим числом имен, используемых разными людьми для референции к принцу:

SC: What should I call you?

PH: Call me whatever you want at this point.

– Как к вам обращаться?

– В данной ситуации называйте меня, как хотите.

Таким образом, еще до начала беседы принц Генри получает возможность позиционировать себя в американском медиапространстве как свой среди своих. Стратегия кооперации реализуется и далее, когда ведущий предлагает принцу выпить и, достав бутылку текилы, подчеркивает, что вкусы гостя ему хорошо известны, и Гарри, в свою очередь предлагает текилу сидящим в зале зрителям.

SC: Would you like a cocktail before we begin? I hear you like tequila. <...>

PH: Does he ever make you, guys, a drink or not? <...> Everybody wants a drink.

¹URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/prince-harry-says-toxic-british-media-drove-him-meghan-royal-n1258922>

²Зд. и далее перевод наш. – Е. К.

³URL: <https://www.businessinsider.com/prince-harry-says-toxic-british-press-was-destroying-mental-health-2021-2>

⁴URL: <https://dailycaller.com/2021/02/26/prince-harry-british-media-behavior-meghan-markle-royal-family-roles/>

⁵URL: <https://www.theroyalobserver.com/p/mental-health-prince-harry-british-press-leave-uk-royal-family>

⁶URL: <https://www.youtube.com/watch?v=E6l0ObY2XVM>

SP: They are already on your side, man, you don't have to get them drunk. <...>

- Как насчет коктейля, прежде чем мы начнем?
- Ребята, а вам он когда-нибудь предлагает коктейли? <...> Все хотят выпить.
- Они уже и так на вашей стороне, не нужно их для этого поить.

Слова *I hear you like* (знаю, вы любите), *guys* (ребята), *man* (дружизне), *on your side* (на вашей стороне) выражают определенную степень единения Гарри с американской прессой и американским народом, при этом создают необходимые условия для формирования образа «Я – чужой».

Следующий эпизод телеинтервью начинается с вопроса С. Колберта о том, рад ли принц, что после всех утечек информации и после агрессивной кампании в британских СМИ, книга, наконец, выйдет в свет, и люди смогут ознакомиться с контекстом, в котором были употреблены слова, получившие негативную оценку в массмедиа. В ответ принц Гарри делает ряд отрицательных комментариев в адрес британской прессы, которые активно поддерживает ведущий.

PH: ...the British press <...> they intentionally chode to strip away the context and take out individual segments of my life and make headlines which is somewhat typical.

SC: There are a lot of faults in the American press <...> but the British press, what is odd to me, sort of bizarre is how vicious they can be <...> not only from the press, but from palace sources in palace insiders who would not only not defend you, but would also plant stories that would be derogatory towards you and placed you and your loved ones under attack <...>

- ...Британские СМИ <...> намеренно выдергивают слова из контекста, превращают в заголовки отдельные фрагменты моей жизни, что, впрочем, характерно.
- Американские журналисты не без изына ... но британские СМИ, что мне кажется необычным, даже странным, это насколько беспощадными они могут быть ... и не только СМИ, но также 'источники из дворца', которые не только не защитили вас, напротив распространяли оскорбительные истории, подвергая Вас и тех, кого Вы любите нападкам.

Таким образом, уже в начале интервью становится понятно, что британская пресса – «чужие». Средствами вербализации конфликта с британской прессой являются слова *chode* (лжет), *vicious*

(порочная), а обострившиеся в результате агрессивной политики СМИ противоречия в королевской семье вербализуются посредством выражений *not defend you* (не желающий защитить), *plant stories* в сочетании с прилагательным *derogatory* (распускающей отвратительные слухи), *placed you and your loved ones under attack* (подвергающей принца и его семью атакам).

Далее следует вопрос ведущего, касающийся той части книги, где принц делится опытом своей армейской жизни, и идея чуждости по отношению к британской прессе усиливается, во-первых, благодаря содержащемуся в вопросе обвинению британских репортеров в том, что они намеренно пытаются задеть Гарри (*using this specifically to hurt you*), во-вторых, вследствие использования принцем выражений *found a refuge* (нашедшим убежище), *among comrades* (среди товарищей), *part of that community* (часть этого сообщества) при ответе на вопрос.

SC: Do you think the UK press are using this specifically to hurt you in an area that is most meaningful to you <...>.

PH: I spent 10 years in the army <...> I found a refuge there, and I found my purpose, a purpose greater than myself and to be among comrades <...> and I am still part of that community.

- Вам не кажется, что британская пресса делает это намеренно, чтобы ударить Вас там, где это наиболее ощутимо?
- Я провел в армии 10 лет ... Я нашел там убежище, и я нашел цель в жизни, цель, которая больше меня самого, и я был среди товарищей ... и я остаюсь частью этого сообщества.

Далее рассмотрим более подробно средства формирования той стороны образа «Я – чужой», которая касается отношений внутри королевской семьи и основывается на оппозиции «Я vs семья». Приведем цитату из интервью.

SC: Do you think now there is an active campaign by the rest of your family, by the royal house to undermine this book and you?

PH: Of course, this is the other side of the story. For 38 years they told their side of the story, and this is the other side of the story. And there is a lot there that makes people uncomfortable and scared.

- Вы считаете, что другие члены королевской семьи, проводят кампанию против Вашей книги и Вас самого?
- Конечно, это другая сторона истории. На протяжении 38 лет они излагали свою историю. А там много такого, что ставит их в неловкое положение и даже пугает.

В процитированном тексте оппозиции «Я vs семья» проявляется в словах *there is an active campaign* (проводится активная кампания), *to undermine* (подорвать), а также посредством использования антонимической пары *their side of the story* и *the other side of the story* (их точка зрения и другая точка зрения).

Идея семейного конфликта усиливается, когда Гарри проводит грань между своей семьей, с одной стороны, и королевской семьей, с другой стороны, противопоставляя одно другому посредством слов *my family* (моя семья) и *or (или)*, где первое относится к его супруге и детям, второе – к семье, в которой он родился и вырос. Заметим, что слово *or* сопровождается жестом, очерчивающим большой круг.

SC: Why do people have an appetite for your family?

PH: First of all, talking about my family or...

SC: Your family. And your greater family.

- Почему всем так нравится обсуждать вашу семью?
- Ну, во-первых, мы говорим о моей семье или...
- О Вашей семье. И о Вашей большой семье.

Отвечая на вопрос о причинах высокой степени интереса людей к королевской семье, Гарри вспоминает свою мать, принцессу Диану, подчеркивая, что ее природное обаяние способствовало росту интереса к королевскому дому. Данный фрагмент интервью представляется особенно интересным, поскольку в нем осуществляется первая отсылка к матери Генри, принцессы Уэльсской. Слова *my mum* становятся началом аналогии, основанной на сравнении жизненного пути самого принца и жизни его матери.

PH: The greater family, I don't – I grew up within it. I think there has always been a fascination. I think *my mum took it, fascination with her took it to a new level* <...> – Большая семья, трудно сказать, я вырос в этой семье. Думаю, что всё дело в обаянии. Думаю, что очарование моей матери вывело интерес на новый уровень.

Далее аналогия «Я и моя мать» получает развитие, когда принц рассказывает о том, что, осознавая всю степень грозившей им опасности, он, Меган и их дети были вынуждены покинуть Британию и бежать в Калифорнию. Не уточняя напрямую характер опасности, Гарри, тем не менее, произносит слова *a similar thing happened to my mum* (похожая ситуация произошла с моей матерью), вызывающие нужную ассоциацию с трагической гибелью принцессы Дианы.

PH: But with regard to *my family*, you hit on a really important point <...> *we fled my home country, we moved to California*. <...> I realized that my mere existence outside this institutional control was more of a threat. And, you know, *a similar thing happened to my mum* as well <...> I've never seen the level of *abuse and harassment* that I witnessed <...> I didn't realize *the British press* was so *bigoted*. – Что касается моей семьи, то вы затронули очень важный момент <...> мы бежали из моей родной страны и переехали в Калифорнию. <...> Я понимал, что вне института монархии я был совершенно незащищен, и мне грозила реальная опасность. И, знаете, то же самое произошло когда-то и с моей мамой <...> Я никогда ранее не видел оскорблений и травли в том масштабе, что испытал на себе <...> Я и подумать не мог, что британская пресса настолько агрессивна.

Аналогия «Я и моя мать» получает развитие через сравнение знаковых событий из жизни Гарри и его матери. В частности, принц отмечает, что гонения на принцессу Диану достигли своего пика, когда она была в том же возрасте, что и он на текущий момент.

PH: I felt the presence of my mum <...> I had felt the loss more in these last 2 years than in the last 30. <...> She died at 36 and I was 36 when it all took off. Toxic relationship between Palace and press <...> – Я чувствовала присутствие мамы <...> За последние два года я ощутил потерю сильнее, чем за предыдущие 30 лет <...> Она умерла в 36, и мне было столько же, когда всё началось.

Создаваемый принцем Генри на протяжении всего интервью образ «Я – чужой» достигает завершенности в ответе на вопрос, на кого похожи его дети. Подчеркивая тот факт, что по матери он принадлежит к древнему роду Спенсеров, принц Генри окончательно противопоставляет себя правящему дому Виндзоров.

SC: Do you see you parents or grandparents in your children?

PH: Definitely my mum. Ginger gene is the strong one. The Spencer gene is very, very strong.

- Вы видите в своих детях своих родителей или бабушку и дедушку?)
- Конечно, мать. Рыжий ген очень сильный. Гены Спенсеров очень-очень сильные.

Проведенный анализ показывает, что по мере ответов на вопросы американского журналиста, британский принц Генри создает образ человека,

отвергнутого семьей и вынужденного покинуть родину в результате масштабной кампании, развернутой в британском медиапространстве. В ходе анализа установлено, что средствами формирования образа «Я – чужой» выступают оппозиции «Я vs семья», «Я vs британская пресса» и аналогия «Я и моя мать», актуализируемые благодаря системному использованию слов, отрицательно характеризующих британскую прессу, описывающих конфликт между принцем и королевской семьей и устанавливающих ассоциации с той неоднозначной ситуацией, в которой оказалась принцесса Диана четверть века назад, равно как и с трагическим событием ее гибели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создавая ту или иную семиотическую реальность, человек опирается на систему бинарных оппозиций, где наиболее значимой является оппозиция

«свой – чужой». Данная оппозиция проявляется как в дискурсе социальных, этнических, религиозных, политических групп, так и в речи медийных личностей, являясь надежным способом изучения языков и культур, а также выявления мнений, отношений, целей и прагматических установок индивидов.

Всё более интегрируясь с культурой, медиапространство выполняет аналогичные функции, аккумулируя в своей памяти различные события, на основе и по образцу которых создаются последующие события. Поскольку условием возникновения события всегда является противопоставление в сознании людей разных оценок некоторого происшествия, случая или высказывания, еще одним принципом организации медиапространства, наряду с мимезисом, является бинарность. В этом контексте условием, способствующим конструированию образа «Я – чужой», т. е. чужой для своих, может стать инициация события в «чужом» культурном медиапространстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Володина М. Н. «Медийная культура»: pro et contra (с позиции отечественных и зарубежных исследователей) // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 10–18.
2. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 6. С. 911–920.
3. Мурейко Л. В. Социальная коммуникация и массмедиа: к уточнению понятий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 6–16.
4. Мурейко Л. В. Мимезис и рекурсия: к проблеме социальной коммуникации в эпистемологическом аспекте // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4 (255). С. 132–138.
5. Власян Г. Р. Дискурсивные маркеры в британском медиадискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 28–37.
6. Mohammed S. J., Ahmed M. B. Discourse Markers Functions in Social Interviews // Journal of Tikrit University for Humanities. 2018. # 25 (1). P. 353–374. URL: <https://doi.org/10.25130/jtuh.25.1.2018.14>.
7. Fu Y., Ho V. Discourse markers in TV interviews: a corpus-based comparative study of Chinese and the western media // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1063158>.
8. Нешенко А. В. Стратегия самопрезентации в интервью (на материале интервью с Ангелой Меркель) // Когнитивные исследования языка. 2017. № 29. С. 675–680.
9. Лаврова С. Ю., Гончар А. А. Языковая репрезентация театральной дискурсивной практики в жанре аналитического интервью // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 2 (101). С. 71–83.
10. Кравчук Е. Р. Специфика формирования лингвистического имиджа телеведущей в речевых жанрах интервью-беседа и портретное интервью // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4 (88). С. 1032–1040.
11. Никишин В. И. Виды интервью. Особенности подходов к созданию аналитического интервью // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 35. С. 2557–2561.
12. Парамонов П. М., Шмелева Т. С. Интервью-портрет как особый тип интервью и объект перевода (на материале интервью с Кельвином Харрисом) // International Journal of Advanced Studies in Language and Communication. 2022. № 1. С. 35–38.

REFERENCES

1. Volodina, M. N. (2018). «Media-culture»: pro et contra (from the perspective of domestic and foreign researchers). *Political linguistics*, 1(67), 10–18. (In Russ.)
2. Guseinova I. A., Gorozhanov A. I. (2023). Connotated Image As A Way Of Constructing Informational Opposition In The Fictional And Publicistic Genre. *Journal of Siberian federal university. Humanities & Social sciences*, 16(6), 911–920. (In Russ.)
3. Murejko, L. V. (2018). Social communication and mass media: towards a clarification of concepts. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2, 6–16. (In Russ.)
4. Murejko, L. V. (2016). Mimesis and recursion: the problem of social communication in the epistemological aspect. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal: Humanities and Social Sciences*, 4(255), 132–138. (In Russ.)
5. Vlasyan, G. R. (2022). Discourse markers in British media discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 9(467), 28–37. (In Russ.)
6. Mohammed, S. J., Ahmed, M. B. (2018). Discourse Markers Functions in Social Interviews. *Journal of Tikrit University for Humanities*, 25(1), 353–374. <https://doi.org/10.25130/jtuh.25.1.2018.14>.
7. Fu, Y., Ho, V. (2022). Discourse markers in TV interviews: a corpus-based comparative study of Chinese and the western media. *Frontiers in Psychology*. <https://doi.org/10.25130/jtuh.25.1.2018.14>.
8. Neshenko, A. V. (2017). Self-presentation strategy in the interview (based on Angela Merkel interview). *Cognitive studies of language*, 29, 675–680. (In Russ.)
9. Lavrova, S. Yu., Gonchar, A. A. (2021). Language representation of theatrical discursive practice in the genre of analytical interview. интервью. *Bulletin of Cherepovetsk state university*, 2(101), 71–83. (In Russ.)
10. Kravchuk, E. R. (2021). Linguistic Image of a TV Hostess in Chat and Portrait Interviews. *Bulletin of Kemerovo state university*, 23, 4(88), 1032–1040. (In Russ.)
11. Nikishin, V. I. (2021). Types of the interview. Approaches to creating analytical interview. *Innovations. Science. Education*, 35, 2557–2561. (In Russ.)
12. Paramonov, P. M., Shmeleva, T. S. (2022). Interview-portrait as a special type of interview and object of translation (by the material of the interview with Calvin Harris). *International Journal of Advanced Studies in Language and Communication*, 1, 35–38. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Косиченко Елена Федоровна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики

Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kosichenko Elena Fedorovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Professor at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics

National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.07.2024
04.08.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Когнитивный аспект лексической категоризации китайских глаголов одевания (на примере ядерных глаголов 穿 и 戴)

Е. А. Красикова¹, А. А. Шахаева²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹krasikova.liza@mail.ru

²shakhaeva.al@gmail.com

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение объединения лексем в определенные группы как проявление процесса категоризации отражающего структурирование опыта и знаний носителями определенного языка. Методологической базой исследования являются работы Е. С. Кубряковой о когнитивных характеристиках глаголов действия и Е. Г. Беляевской о концептуальной внутренней форме. Материалом исследования послужили китайские глаголы 穿 и 戴. В статье на основе лексикографических и корпусных данных выявляются структуры знаний, которые стоят за центральными лексическими единицами, репрезентирующими действие «одевание» в китайском языке, тем самым выявляется специфика категоризации событий окружающего мира носителями китайского языка.

Ключевые слова: лексическая категоризация, сочетаемость, китайский язык, когнитивный аспект, концепт, интерференция родного языка

Для цитирования: Красикова Е. А., Шахаева А. А. Когнитивный аспект лексической категоризации китайских глаголов одевания (на примере ядерных глаголов 穿 и 戴) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 46–52.

Original article

The Cognitive Aspect of the Lexical Categorization of Chinese Dressing Verbs (using the example of the nuclear Verbs 穿 and 戴)

Elizaveta A. Krasikova¹, Aleksandra A. Shakhaeva²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹krasikova.liza@mail.ru

²shakhaeva.al@gmail.com

Abstract. The purpose of this study is to consider the association of lexemes into certain groups as a manifestation of the categorization process reflecting the structuring of experience and knowledge by native speakers of a particular language. The methodological basis of the research was the works of E. S. Kubryakova on the cognitive characteristics of action verbs and E. G. Belyaevskaya on the conceptual internal form. The research material was the Chinese verbs 穿 and 戴. Based on lexicographic and corpora data, the article identifies those knowledge structures that stand behind the central lexical units representing the action of 'dressing' in the Chinese language, thereby revealing the specifics of categorization of events in the surrounding world by native Chinese speakers.

Keywords: lexical categorization, compatibility, Chinese, cognitive aspect, concept, interference of the native language.

For citation: Krasikova, E. A., Shakhaeva, A. A. (2024). The cognitive aspect of the lexical categorization of Chinese dressing verbs (using the example of the nuclear verbs 穿 and 戴). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 46–52. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

С приходом когнитивной лингвистики лексическая категоризация стала ведущей проблемой в науке о языке, в силу чего, новое осмысление получили привычные со времен структурного подхода понятия лексико-семантического поля и лексико-семантической группы слов, которые теперь осмысляются не просто как набор лексических единиц, объединенных общностью сем разных уровней, а как отражение процесса категоризации. Другими словами, на сегодняшний день объединение лексических единиц в ту или иную группу связано с когнитивной природой организации языка. Исходя из принципов когнитивной лингвистики, а также антропоцентрического подхода, человек при помощи языка структурирует свой опыт и знания. Опираясь на данный тезис, представляется актуальным обращение к лексическим группам слов разных языков через призму когнитивной семантики для выявления особенностей когнитивных свойств слов и тем самым установления особенностей категоризации событий окружающего мира носителями разных языков как части обобщенной семантической модели мира. Ранее, исследование когнитивных оснований классификации лексических единиц в китайском языке было проведено нами на материале глаголов движения [Шахаева, 2021] и глаголов речевой деятельности [Красикова, 2024].

Цель исследования – сформировать концептуальные основания классификации глаголов со значением «одевание» в китайском языке, или раскрыть языковые и когнитивные механизмы, которые лежат в основе их сочетаемости с существительными. Для достижения основной цели исследования нами была разработана специальная *методика*, которая реализовывалась в несколько этапов:

- 1) обзор научной литературы по исследуемому вопросу;
- 2) анализ графической формы иероглифического знака;
- 3) выявление взаимосвязи графических элементов логограммы с ее этимологическим значением;
- 4) выделение концептов, формирующих когнитивную модель лексемы, на основе этимологического описания и анализа лексикографических источников;
- 5) формулировка правил сочетаемости анализируемой группы глаголов в когнитивном аспекте.

В ходе решения поставленных задач применялись следующие *методы*: метод сплошной выборки, грамматологический анализ, метод компонентного анализа семантики глаголов. В качестве

лексикографических источников привлекаются данные китайских толковых и этимологических словарей:

说文解字,
汉字图解字典,
现代汉语词典,
新华多功能字典,
象形字典.

Практическая ценность исследования заключается в том, что полученные результаты могут применяться на занятиях по иностранному языку для элиминации интерферентных ошибок у обучающихся. В настоящее время специалисты отмечают упрощенный лингводидактический подход в обучении лексике иностранного языка, который заключается в механическом заучивании лексемы на поверхностном уровне языка без опоры на лингвокультурологический аспект. Данную проблему также выявляет А. А. Шахаева в контексте преподавания китайского языка, указывая на то, что «в учебной литературе значения глаголов направленного движения представлены статичными переводами на русский язык, которые не только не раскрывают компонентов значений лексических единиц, а наоборот, направляют мыслительный процесс обучаемого по ложному пути» [Шахаева, 2024а, с. 421]. Для устранения причин возникновения интерференции у обучающихся следует сформировать концептуальную модель семантики анализируемой лексемы.

Помимо этого, на следующем этапе в качестве перспективы исследования можно рассматривать возможности искусственного интеллекта (ИИ), который может значительно снизить количество коммуникативных ошибок у студентов, изучающих иностранный язык, благодаря внедрению различных программ, основанных на ИИ. Например, в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета разрабатывается программный комплекс – корпусный менеджер¹ и генератор баз данных, которые условно можно назвать стандартным «сбалансированным лингвистическим корпусом» [Горожанов, 2023, с. 3889]. На основе данного программного обеспечения возможно получение значимых данных путем автоматической обработки текстового массива [Горожанов, Красикова, 2024], поиск сверхсловных единиц на фразеологическом

¹Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023683209 Российская Федерация. «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» (№ 2023682269, заявл. 25.10.2023, опубл. 03.11.2023) / А. И. Горожанов; заявитель федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет». EDN JHFXUV.

уровне языка [Горожанов, 2024] и т. д. Таким образом, при когнитивном подходе к обучению иностранному языку ИИ может выполнять роль дополнительного инструмента помощи учащимся, который даст возможность лучше понять язык, а также создаст более уверенную и комфортную среду для коммуникации, что, в свою очередь, способствует повышению языковых навыков при использовании иностранного языка на практике.

Всё вышесказанное говорит и о необходимости обратиться к положениям, постулируемым когнитивной лингвистикой, которая рассматривает языковую единицу как двухуровневую модель, где на первом уровне коммулируется вся информация об обозначаемом, на втором – данная информация особым образом концептуально структурируется.

Лингвисты-когнитологи не раз обращались к глагольной лексике как материалу исследования, среди них в первую очередь следует отметить работы Е. Г. Беляевской, Н. Н. Болдырева, Г. И. Кустовой, Е. Е. Голубковой, Е. В. Рахилиной и других ученых. На материале китайского языка семантику глаголов с позиций когнитивной лингвистики описывали Цзинь Тао, Лян Сяонань и Ду Хунцзюнь, А. А. Шахаева, Е. А. Красикова и др.

Как показал обзор литературы, китайские глаголы группы *одевания*, несмотря на большой потенциал в конструировании концептосферы носителей китайского языка, а также в семантико-функциональном аспекте, еще не были объектами самостоятельного исследования, что и предопределило исследовательский интерес. В нашей статье китайские глаголы группы *одевания* – 穿 и 戴.

В работе Цзинь Тао «Концептуальная система пространства» автор анализирует способы косвенной репрезентации объекта в китайском языке. В связи с этим он выделяет группу глаголов, обозначающих действие «носить», в которую вошли следующие лексические единицы: 拿, 提, 背, 顶, 戴, 穿, 披, 套 и др. По мнению исследователя, в группе глаголов «носить» репрезентируются положения объекта на части тела [Цзинь Тао, 2007].

Синонимические и тематические словари служат важным источником для установления оснований категоризации лексики, так как объединение слов в одну группу связано с когнитивной природой организации языка. Другими словами, анализ лексических единиц одной тематической группы дает возможность сконструировать тот фрагмент действительности, с которым соотносятся единицы, и тем самым выявить особенности восприятия и репрезентации мира в языке. Этим обусловлено обращение к китайским тематическим словарям.

В тематическом словаре китайских иероглифов «汉字图解字典» под редакцией Гу Цзяньпина

представлено 39 тематических групп, в которые объединены 5092 иероглифических знака¹. Для данного исследования интерес представляет группа 穿戴, в которую входит 116 единиц разных частей речи, объединенных идеей одевания. Так как название группы «одевание» включает двусложный глагол, что свидетельствует о центральном месте данных лексем, первоочередной задачей при изучении глаголов одевания, на наш взгляд, является описание центральных единиц – 穿 и 戴.

В качестве методологической базы исследования мы будем опираться на идеи Е. Г. Беляевской о концептуальной внутренней форме [Беляевская, 2007] и постараемся описать концептуальную внутреннюю форму центральных глаголов группы *одевания*, на наш взгляд, именно она определяет комбинаторный потенциал глагольных лексем.

В предыдущих наших работах по описанию проблем полисемии китайских глаголов направленного движения [Шахаева, 2024б] мы говорили о том, что вопросы семантики китайской лексики должны опираться, в частности, и на грамматологический анализ формы логограммы. В силу данного тезиса анализ семантики глагольного слова будет начинаться с анализа формы знака, который даст возможность проследить наличие взаимосвязи графических элементов логограммы ее этимологическим значением, что позволит смоделировать концептуальную внутреннюю форму (когнитивную модель) глагольного слова, которая, по словам Е. С. Кубряковой, создаст «каркас будущего высказывания» [Кубрякова, 1992, с. 90] и тем самым установит какую информацию о субъекте / объекте или инструменте кодирует семантика рассматриваемых слов.

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛА 穿

Глагол 穿 передается на русский язык глаголами *надевать*, *носить* (одежду). Обращение к этимологическому словарю Шовэнь цзецзы «说文解字»² позволяет говорить, что идеограмма 穿 впервые была зафиксирована в письменах стиля Чжуаньшу (书) со значением «пробить насквозь». Графическая структура дошла до наших дней почти в той же форме: знак состоит из двух графем: 牙 – зуб и 宀 – пещера, – формирующих целостное значение логограммы, которая дается в толковых словарях современного китайского языка, – «достигать цели

¹汉字图解字典 / 顾建平, 上海: 东方出版中心, 2008 年, 1413页。 – Иллюстрированный словарь китайских иероглифов / 顾建平, 上海: 东方出版中心, 2008, 1413 с.

²URL: <https://www.zdic.net/hans/%E7%A9%BF>

посредством инструмента» (букв. 'клыками прогрызть отверстие').

В онлайн-словаре пиктограмм «象形字典»¹ значение глагола 穿 трактуется через следующую ситуацию: грызуны используют *острые клыки*, чтобы прогрызть *отверстие для прохода* в искусственно установленных *барьерах*, таких как стены и дверные створки дома и т. д. Таким образом, мы можем видеть, что в этимологической справке зафиксированы лексические маркеры, которые мотивируют концептуальную структуру анализируемой лексики: отверстие для прохода, острые клыки, барьер.

Вторым шагом методики является обращение к лексикографическим источникам современного китайского языка, для выявления развития / отсутствия компонентов ситуации, которая отражена в первоначальной форме идеограммы.

Обращение к таким лексикографическим источникам, как «Словарь современного китайского языка» («现代汉语词典»²) и «Полифункциональный словарь иероглифов Синьхуа» («新华多功能字典»³), позволило выявить тенденции развития новых значений на базе концептуальной формы логограммы. Так, были зафиксированы глагольные значения, в когнитивной модели которых прослеживается идея «проникновения объекта сквозь пространство (открытое / закрытое)»:

- 1) 穿凿 – просверлить; 穿耳朵眼儿 – проколоть мочки ушей;
- 2) 射穿 – прострелить; 揭穿 – разоблачить;
- 3) 穿针 – продевать нитку в иголку; 横穿 – пересечь напрямик;
- 4) 穿糖葫芦 – нанизать засахаренные плоды на палочку; 把散落的珠子穿成一串 – сшить разбросанные бусины на ниточку;
- 5) 穿袜子 – надевать носки; 穿衬衫 – надевать рубашку.

В «Словаре употребления глаголов» (汉语动词用法词典⁴) представлено четыре значения глагола 穿, которые, по данным словаря, реализуются в следующих контекстах:

- 把墙穿个洞 – пробить стену (насквозь);
 我是从胡同穿进来的 – я прошел (насквозь) через переулок;
 他用塑料珠子穿了一个门帘 – он сделал занавеску из пластиковых жемчужин (нанизывая их на веревку);

¹URL: <https://www.vividict.com/Public/index/page/details/details.html?id=10855>

²现代汉语词典. 第7版. 北京: 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编商务印书馆, 2016.

³新华多功能字典. 北京: 商务印书馆辞书研究中心编, 2008.

⁴汉语动词用法词典, 孟琮等编. 北京: 商务印书馆, 1999.

穿了毛衣又穿棉袄 – надел свитер, а также ватную стеганную куртку.

Как можно видеть из вышеуказанных примеров, концептуальная внутренняя форма глагола 穿 содержит следующие концепты:

- 1) форма отверстия с углублением;
- 2) преодоление закрытого или открытого пространства насквозь;
- 3) проникновение при помощи инструмента;
- 4) цель – объединение частей на фоне целого.

Совокупность данных концептов профилирует ситуацию, в которой субъект X «пересекает» насквозь объект Y при помощи «орудия» V с целью объединить на своей поверхности объект(ы) Z в единое целое.

Таким образом, данная концептуальная внутренняя форма отражает следующую идею одевания, которая передается глаголом 穿: субъект пронзает насквозь материю при помощи «орудия» (части тела: руки, ноги, головы) с целью объединения разных частей (предметов одежды) на фоне целого (тела), иными словами «нанизать части тела на одежду». Как мы видим, внутренняя форма также накладывает ограничения на сочетания глагола 穿 с существительными-объектами, на которые направлено действие, объекты должны отвечать требованию – содержать отверстие, сквозь которое можно «пройти».

Рассмотрим следующие примеры с глаголом 穿 в значении «надевать», взятые из корпуса современного китайского языка⁵:

- 我穿上高档毛衣 – я надел высококачественный свитер;
 穿冬装 – надеть зимнее обмундирование;
 穿一双布鞋 – надеть пару матерчатых туфель;
 女人穿上一件新衣服 – женщина оделась в новую одежду;
 穿高跟鞋 – носить туфли на высоком каблуке;
 穿牛仔裤 – надевать джинсы.

Исходя из анализа примеров из корпуса, можно сказать, что все они демонстрируют ситуацию, где в качестве объекта действия Y выступают предметы гардероба, в том числе и обувь, которые субъект действия X «нанизывает» / «пересекает» насквозь при помощи конечностей (рук, ног и головы).

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛА 戴

Глагол группы одевания 戴 передается на русский язык глаголами *надевать*, *носить* (головной убор,

⁵URL: <https://bcc.blcu.edu.cn/>

украшения, аксессуару). По данным словаря пиктограмм «象形字典», первоначальное написание иероглифического знака 戴 имело начертание 異. Впервые данный знак зафиксирован в надписях цзягувэнь 甲骨文 со значением «шаман с поднятыми руками вверх надевает на макушку маску»¹. В дальнейшем вследствие элиминации первоначального значения знака графическая оболочка логограммы претерпела изменения и стала записываться как 戴 со значением «натянуть на голову маску для проведения жертвоприношения или казни». Первоначально глагол передавал ситуацию, когда палач, приводивший в исполнение смертный приговор, закрывал голову матерчатым колпаком, чтобы избежать возмездия со стороны приверженцев приговоренного². Таким образом, опираясь на данные этимологических словарей, можно вывести составляющие концептуальной внутренней формы глагола: накрыть верхнюю часть тела – голову, с целью скрыть лицо.

Обращение к лексикографическим источникам позволило увидеть, что в современном китайском языке у глагола 戴 два значения, первое из которых напрямую восходит к этимологическому и высвечивает идею «расположения предметов на верхней части тела человека – на голове, макушке, шее и т. п.»: 戴镜子, 戴眼镜, 戴花. Второе значение является метафорическим переносом движения «поднять над головой», т. е. возвысить 尊崇 – уважать; 拥护 – поддерживать; 拥戴 – поддерживать (правителя); 推戴 – выдвигать, признавать своим главой.

В «Словаре употребления глаголов» («汉语动词用法词典»)³ даются следующие примеры, раскрывающие значение глагола:

帽子太小, 戴不上去 – шапка слишком мала, не могу надеть;

这双手套花哨了, 带戴不出去 – эта пара перчаток слишком бросакая, не буду их надевать;

这么点儿小孩儿就戴起眼镜来 – такой маленький ребенок, а уже начал носить очки.

Как показывает анализ лексикографических данных, концептуальная внутренняя форма глагола содержит следующие концепты:

- 1) расположение объекта в верхней части тела;
- 2) объект находится на поверхности тела;
- 3) цель действия субъекта – изменить / защитить внешность.

Совокупность данных концептов профилирует ситуацию, в которой субъект X помещает объект Y

на верхнюю часть тела или поверхность с целью изменить / защитить внешность.

Рассмотрим примеры из корпуса современного китайского языка:

戴上近视眼镜 – надеть очки для близоруких;

新郎身穿棕色衣服, 戴着红花 – жених надел коричневый костюм [одежду], приколот [разместил в верхней части на поверхности костюма] красный цветок;

手戴白手套 – надеть белые перчатки.

Примеры говорят о том, что в ситуациях с глаголом 戴 важную роль играет местоположение объекта в результате совершенного действия, т. е. все примеры демонстрируют, что субъект X помещает объект действия Y на верхнюю часть тела (лицо – очки, голова – шапка и т. п.) или поверхность тела (руки – перчатки, палец – кольцо, верхняя часть одежды – цветок и т. п.) с целью изменить внешность.

Таким образом, проведенный анализ ядерных глаголов группы одевания в китайском языке 穿 и 戴 позволил выявить интегральные и дифференциальные признаки глаголов, путем конструирования когнитивных моделей глаголов, которые, в свою очередь, определяют комбинаторный потенциал рассмотренных глаголов. Так, было обнаружено, что дифференциальными признаками выступают «участники» действия – части тела: в отличие от лексемы 穿, в семантике которой высвечивается идея активного участия частей тела человека как единое составляющее при выполнении действия «объекта на поверхность какой-то определенной части тела человека – голова, шея, кисти рук».

В современном китайском языке сочетание ядерных глаголов группы одевания между собой формирует сложный непреходный глагол 穿戴, который образован по копулятивной структуре и в своей семантике объединяет значения каждого из компонентов, передавая значение одеваться (о полном образе) – надеть одежду и аксессуары. Например:

在厂子里, 年龄相近的姐妹们都爱比穿戴、比美。 –

На заводе девушки одного возраста любят сравнивать свои наряды и красоту.

我爸爸说, 做学生应努力钻研知识, 加强修养, 不能过分讲究穿戴。 – Мой папа говорит, что, будучи студентом необходимо усердно овладевать новыми знаниями, упорно самосовершенствоваться, и не нужно чрезмерно следить за нарядами (за полным образом).

Интересно отметить, что глагол стал источником для производного слова – неологизма 可穿戴

¹URL: <https://www.zdic.net/hans/%E6%88%B4>

²URL: <https://www.vividict.com>

³汉语动词用法词典, 孟琮等编. 北京: 商务印书馆, 1999.

(семантическая калька с *англ.*: Wearable – something that can be worn that contains computer technology or can connect to the internet) со значением электронного девайса, который всегда при тебе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ китайских глаголов, репрезентирующих действие «одевание», с позиций когнитивного подхода, позволил увидеть определенные структуры знания, которые стоят за лексическими единицами одной семантической сферы, тем самым показав специфику категоризации событий окружающего мира носителями китайского языка.

В рамках предложенного в данной статье подхода лексема осмысливается как совокупность концептов, которые формируют внутреннюю концептуальную форму слова. Выявление такого рода концептов

позволяет категоризировать лексемы с точки зрения их глубинного когнитивного потенциала, что, в свою очередь, решает и ряд прикладных проблем. Более того, анализ синонимических лексем сквозь призму их когнитивной внутренней формы способен упорядочить представление о принципах выбора той или иной лексической единицы в китайском языке в процессе коммуникации. Как отмечает Г. Г. Бондарчук, «для успешного протекания коммуникации недостаточно просто знать слова и правила их формирования. Необходимо также знать правила использования слов, другими словами, правила их сочетания в потоке речи, т. е. их сочетаемость (грамматическую и лексическую)» [Бондарчук, 2018, с. 41]. Таким образом, знание внутренней концептуальной формы слова позволяет правильно конструировать словосочетания, объясняя индивидуальную лексическую сочетаемость конкретных единиц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шахаева А. А. Когнитивные основания полисемии китайского глагола 上 // Синология в XXI в.: материалы международной научной конференции, Улан-Удэ, 12 октября 2021 г. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, 2021. Т. 1. Вып. 1. С. 134–138.
2. Красикова Е. А. Когнитивные основания классификации глаголов речевой деятельности в китайском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 59–65.
3. Шахаева А. А. Когнитивный подход в лингводидактике китайского языка // Когнитивные исследования языка. 2024а. Вып. 1 (57). С. 419–422.
4. Горожанов А. И. Расширение стандартного сбалансированного лингвистического корпуса, построенного по правилам SpаСу, коннотативными характеристиками // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 11. С. 3888–3893. DOI 10.30853/phil20230594.
5. Горожанов А. И., Красикова Е. А. Получение значимых данных из неподготовленного текста путем его автоматической обработки авторскими лингвистическими инструментами (на материале электронных китайских СМИ) // Вопросы прикладной лингвистики. 2024. № 54. С. 115–138. DOI 10.25076/vpl.54.05. EDN GGUQXL.
6. Горожанов А. И. Алгоритмы поиска фразеологизмов в лингвистическом корпусе с морфологической разметкой (индоевропейские языки) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 1. С. 132–138. DOI 10.30853/phil20240020. EDN JTWSIQ
7. Цзинь Тао. Концептуальная система пространства (фрагмент китайской языковой картины мира): монография. Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2007.
8. Беляевская Е. Г. Культурологическая информация в семантике лексических единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (013). С. 44–50.
9. Шахаева А. А. Структура логограммы как важный принцип моделирования полисемии китайского слова // Вестник филологических наук. 2024b. Т. 4. Вып. 1. С. 217–222.
10. Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия / Институт языкознания РАН. М.: Наука, 1992. С. 84–90.
11. Бондарчук Г. Г. Сочетаемость английской предметной лексики: когнитивный аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 9 (801). С. 40–47.

REFERENCES

1. Shahaeva, A. A. (2021). Cognitive basis of polysemy of the polysemy of the chinese classifier 上. In Sinologiya v XXI veke (vol. 1(1), pp. 134–138): Proceedings of the International Scientific Conference. Ulan-Ude, 2021, October 12. Ulan-Ude: Buryatskij gosudarstvennyj universitet imeni Dorzhi Banzarova. (In Russ.)

2. Krasikova, E. A. (2024). Cognitive bases of classification of verbs of speech activity in the Chinese language. *Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities*, 4(885), 59–65. (In Russ.)
3. Shahaeva, A. A. (2024a). A cognitive approach to the linguodidactics of the Chinese language. *Cognitive studies of language*, 1(57), 419–422. (In Russ.)
4. Gorozhanov, A. I. (2023). Rasshirenje standartnogo sbalansirovannogo lingvisticheskogo korpusa, postroennogo po pravilam spaCy, konnotativnymi harakteristikami. *Philology. Theory&Practice*, 16(11), 3888–3893. 10.30853/phil20230594. (In Russ.)
5. Gorozhanov, A. I., Krasikova, E. A. (2024). Poluchenie znachimyh dannyh iz nepodgotovlennogo teksta putem ego avtomaticheskoy obrabotki avtorskimi lingvisticheskimi instrumentami (na materiale elektronnyh kitajskih SMI). *Issues of applied linguistics*, 54, 115–138. 10.25076/vpl.54.05. EDN GGUQXL. (In Russ.)
6. Gorozhanov, A. I. (2024). Algoritmy poiska frazeologizmov v lingvisticheskom korpusе s morfologicheskoy razmetkoj (indoevropejskie yazyki). *Philology. Theory&Practice*, 17(1), 132–138. 10.30853/phil20240020. EDN JTWSIQ. (In Russ.)
7. Jin, Tao. (2007). *Konceptual'naya sistema prostranstva (fragment kitajskoj yazykovoj kartiny mira) = The conceptual system of space (a fragment of the Chinese language picture of the world): monograph.* Vladivostok: Izdatel'stvo VGUES. (In Russ.)
8. Belyaevskaya, E. G. (2007). Cultural information in the semantics of lexical units. *Issues of cognitive linguistics*, 4(013), 44–50. (In Russ.)
9. Shakhayeva, A. A. (2024b). Logogram structure as an important principle for modeling the polysemy of a Chinese word. *Philological Sciences Bulletin*, 4(1), 217–222. (In Russ.)
10. Kubryakova, E. S. (1992). Glagoly` dejstviya cherez ix kognitivny`e xarakteristiki. Action verbs through their cognitive characteristics (pp. 84–90). *Logicheskij analiz yazy`ka. Modeli dejstviya.* Institute of Linguistics RAS. Moscow: Nauka. (In Russ.)
11. Bondarchuk, G. G. (2018). The compatibility of English subject vocabulary: the cognitive aspect. *Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities*, 9(801), 40–47. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Красикова Елизавета Александровна

кандидат филологических наук
доцент кафедры подготовки преподавателей редких языков
Московского государственного лингвистического университета

Шахаева Александра Альбертовна

кандидат филологических наук
и.о. заведующей кафедрой подготовки преподавателей редких языков
Московского государственного лингвистического университета,

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Krasikova Elizaveta Alexandrovna

PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of Training Teachers of Rare Languages
Moscow State Linguistic University

Shahaeva Alexandra Albertovna

PhD (Philology)
Head of the Department of Training Teachers of Rare Languages
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.07.2024
04.08.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Семантика статального перфекта: сопоставительный и переводческий аспекты (на материале болгарского языка)

Д. И. Лучаев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
luchdmmslu@gmail.com

Аннотация. Цель статьи – рассмотрение способов передачи форм статального перфекта на русский язык. В качестве основного метода исследования выбран сравнительно-сопоставительный анализ. Для реализации поставленной задачи были отобраны примеры из художественных произведений, вошедшие в двуязычный корпус на болгарском языке, в котором данная форма является частотной. В результате работы были определены наиболее частотные паттерны и закономерности появления различных решений в русскоязычных переводах, а также факторов, оказывающих влияние на выбор той или иной формы переводчиком. Предлагаются рекомендации по наиболее точной передаче статального перфекта на русский язык.

Ключевые слова: эквивалентность, болгарский язык, русский язык, статальный перфект, результативность, длительность, континуативность

Для цитирования: Лучаев Д. И. Семантика статального перфекта: сопоставительный и переводческий аспекты (на материале болгарского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 53–59.

Original article

Semantics of the Stative Perfect: Comparative and Translation Aspects (on the Bulgarian Language Material)

Dmitry I. Luchaev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
luchdmmslu@gmail.com

Abstract. The aim of the article is to consider the ways of translating the forms of the stative perfect into Russian. The chosen research method is the comparative analysis. In order to execute the set task, the materials of fiction works available in the bilingual corpus in Bulgarian were selected, in which this form is a frequent one. As a result, the paper identifies the most frequent patterns and regularities of occurrence of various solutions in Russian-language translations on the material of fiction works available in the bilingual corpus. It also determines a set of factors that influence the choice of a form by the translator, and gives instructions for the most accurate rendering of the stative perfect into Russian.

Keywords: equivalence, Bulgarian, Russian, stative perfect, resultativeness, duration, continuativeness

For citation: Luchaev, D. I. (2024). Semantics of the Stative Perfect: Comparative and Translation Aspects (on the Bulgarian language material). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 53–59. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Перфект болгарского языка, будучи одним из наиболее употребительных времен, на протяжении долгого времени является предметом исследования лингвистов и филологов. Перфект лег в основу большинства несвидетельских наклонений и модальных категорий болгарского языка, что делает его исследование комплексным и многосторонним. Не менее остро стоит проблема передачи перфекта на русский язык, в котором единственная оставшаяся форма прошедшего времени морфологически хоть и является старославянским перфектом, но уже утратила строгую ориентацию на завершенность действия к моменту речи.

Один из двух наиболее употребительных видов перфекта – статальный перфект – ориентирован не на процесс, а на результат действия и его последствий в настоящем, из-за чего представляет большую трудность при передаче на русский язык.

Статальный перфект рассматривался с лингвистической точки зрения в ключевых грамматиках болгарского языка [Стоянов, 1983; Андрейчин, Попов, Стоянов, 2020; Ницолова, 2008] и в лингвистических работах на русском языке [Макарцев, 2014; Григоренко, 2014], которые лишь косвенно касались проблематики передачи категории на русский язык, упоминая употребление глаголов прошедшего и настоящего времени в качестве оптимальных вариантов.

Цель исследования – установление закономерностей передачи статального перфекта болгарского языка на русский язык тем или иным временем, а также рассмотрение иных, неглагольных форм, встречающихся в переводах. В этой связи мы ставим перед собой следующие задачи: определить, какие грамматические категории соответствуют парадигме статального перфекта в русском языке; проанализировать примеры передачи статального перфекта на русский язык переводчиками и выявить наиболее частотные паттерны и закономерности выбора тех или иных форм, а также установить зависимость выбора тех или иных форм для передачи статального перфекта на русский язык от иных грамматических, лексических и текстовых факторов. Среди методов нашего исследования преобладает сравнительно-сопоставительный анализ.

Материалом исследования были выбраны художественные произведения болгарских авторов из двуязычного корпуса. Согласно данным сайта корпуса, «в болгарско-русской части представлено 1 370 897 словоупотреблений болгарских слов и 1 207 503 словоупотребления русских слов. Обработано двадцать произведений болгарской художественной литературы восьми авторов и их

переводы на русский язык, осуществленные шестнадцатью переводчиками»¹. Нами было проанализировано 1007 примеров на обоих языках, среди которых 169 оказались случаями употребления исследуемой нами формы.

ПЕРФЕКТ КАК ВРЕМЯ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Изъявительное наклонение болгарского языка насчитывает девять времен, среди которых значимое место занимает перфект, или прошедшее неопределенное время, – время, показывающее наличествующий в момент речи результат предшествующего действия [Пашов, 2015].

Традиционно, в качестве главных значений времени выделяются акционный перфект, или перфект действия, и статальный перфект, или перфект результата, между которыми нам необходимо провести четкую границу для дальнейшего анализа.

Вслед за Р. Ницоловой, под акционным перфектом мы понимаем разновидность прошедшего неопределенного времени, глагол в котором обозначает не результат, но действие, стоящее за этим результатом и оказывающее влияние на настоящее [Ницолова, 2008]. Стоит отметить, что в данном своем значении перфект существует в обоих видах.

1. ...а снощи нито **съм минувал** из Петканчовата улица (И. Вазов. *Под Игото*). – ...а по Петканчовой улице вчера даже и **не проходил** (Пер. М. Михелевич).

Статальный перфект – это разновидность прошедшего неопределенного времени, глагол в котором обозначает результат действия, а само протекание действия в прошлом остается нерелевантным по отношению к данной ситуации [Ницолова, 2008], в связи с чем на первый план выходит компонент результата. В отличие от акционного перфекта, перфект результата употребляется только с глаголами совершенного вида, что напрямую следует из его значения.

2. Вие всички **сте прибръзали** да вините него... (И. Вазов. *Под Игото*). Вы все слишком **поспешили** обвинить его... (Пер. М. Михелевич).

Нельзя не отметить, что иногда при употреблении статального перфекта опускается вспомогательный глагол *съм*, в преобладающем большинстве случаев – в 3Sg/Pl:

3. Полето пусто. Път кален и безкраен. Небето **се схлупило** над земята (Е. Пелин. *Хумреци*).

¹URL: http://rbcorpus.com/opisanie_rus.php

Л. Андрейчин назвал эту разновидность перфекта констатацией состояния, после чего в 1974 году термин вошел в употребление [Андрейчин, Попов, Стоянов, 2020]. Все обнаруженные нами примеры подобного употребления перфекта называют природные явления и обозначают фоновые события текста.

Иные проявления перфекта, среди которых перфект повторяемости, перфект в придаточных изъяснительных и обстоятельственных времени, а также все транспозиции имеют яркую синтаксическую и / или коммуникативную окраску, что снимает проблему отбора материала для анализа статального перфекта.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Как мы уже отмечали ранее, особенностью статального перфекта является выведение на первый план не процесса действия, а его результата и имеющихся последствий, оказывающих влияние на настоящее. Беря во внимание два развернутых наименования данного времени (прошедшее неопределенное и настоящее результативное), можно сделать вывод о том, что болгарский перфект находится на границе между прошедшим и настоящим временными планами, а аспект статальности склоняет его больше в сторону второго.

Было бы справедливо предположить, что выбор времени в русском языке для передачи статального перфекта будет зависеть исключительно от темпоральной ориентации всего высказывания, однако М. В. Кузина отмечает, что результативность – это гораздо более многогранное понятие, которое в большей степени затрагивает сами лексические единицы. В своей работе она вводит понятие «чистой» результативности (т. е. результативности, не отягощенной дополнительными смыслами), которая, по мнению исследователя, включает в себя компонент длительности: «результативность и длительность связаны, так как действие, не чуждое идее результата и направленное на его достижение, и действие, имеющее значение результата, обязательно имеют значение длительности» [Кузина, 1991, с. 7]. Подобные соображения высказаны и в более давних работах, лежащих в основе данной теории [Мучник, 1971]. Однако стоит отметить: несмотря на то, что чисто результативные глаголы содержат в себе компонент длительности, он выражается в них имплицитно, из-за чего они не могут считаться эквивалентными глаголам болгарского языка в аспекте статального перфекта, поскольку статальный перфект тяготеет к ориентации на настоящее (длительность), а не прошедшее (результат).

Особое внимание обратим на глаголы, названные М. В. Кузиной глаголами-«хамелеонами»:

1) глаголы точечного, мгновенного действия, которые изначально результативны, но могут приобретать яркий компонент длительности в контексте:

4. Больной *медленно, с трудом сел* на кровать (Кузина, 1991).

2) глаголы изменения свойств и положения в пространстве, которые изначально чужды результативности, однако приобретают ее при наличии соответствующих рамок:

5. Я *похудела* на пять килограммов, *как и хотела* (там же).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в русском языке идея результативности заключена не столько в категории времени, сколько в самом глаголе, который в определенных контекстах способен приобретать один из двух недостающих компонентов (длительность или результативность).

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Для проведения переводоведческого анализа было выбрано несколько групп глаголов, которые при употреблении в перфекте чаще всего проявляют себя в качестве статальных¹ в исследуемых текстах.

- 1) глаголы движения: *отида, дойда, тръгна* (452 вхождения, 106 статальных перфектов);
- 2) глаголы изменения физического положения субъекта: *седна, легна* (183 вхождения, 39 статальных перфектов);
- 3) глаголы изменения состояния (362 вхождения, 24 статальных перфекта):
 - а) цвет: *бледнея, белея, сивея, синея, чернея*;
 - б) природное явление: *цъфна, мръкна, разсъмна се, здрача се*;
 - в) физическое явление: *болея, топя, влоша се*.

По результатам анализа отобранных фрагментов оригиналов и переводов нами была составлена таблица, отображающая частоту появлений тех или иных грамматических форм и переводческих решений при передаче статального перфекта на русский язык.

¹В связи с отсутствием несовершенного вида в аспекте статальности (Ницолова, 2008) глаголы первых двух групп указаны в совершенном виде; некоторые глаголы третьей группы указаны в несовершенном виде в связи с большой вариативностью приставок, образующих совершенный вид данных глаголов. При анализе переводов будут учтены все приставочные варианты.

Таблица

ЧАСТОТНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ИЛИ ИНЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ СТАТАЛЬНОГО ПЕРФЕКТА С БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Форма передачи статального перфекта на русский язык			Движение			Изменение физического положения субъекта		Изменение состояния			Частота от общего числа вхождений, 100 % (169)
			Отида (7)	Дойда (76)	Тръгна (23)	Седна (27)	Легна (12)	Цвет (14)	Природное явление (7)	Физическое явление (3)	
НАСТ	НСВ	ПР			2		1		2		2,9
		БПР		1	6	11	4	1	1	1	14,8
ПРШ	НСВ	ПР									0
		БПР				1					0,5
	СВ	ПР	5	54	9	10	2	10	3	1	55,7
		БПР	1	7	1	1	2				7,2
БУД	НСВ	БПР				2					1,1
ГРЗ			1	3		1	2	2	1	1	6,5
НС				11	5	1	1	1			11,2

Список сокращений:

НАСТ – глагол в настоящем времени; ПРШ – глагол в прошедшем времени; БУД – глагол в будущем времени
 НСВ – глагол несовершенного вида; СВ – глагол совершенного вида; ПР – глагол с приставкой
 БПР – глагол без приставки; ГРЗ – грамматическая замена; НС – нулевое соответствие

По результатам анализа мы можем выделить три наиболее частотных паттерна передачи статального перфекта болгарского языка на русский:

1) приставочным глаголом СВ в прошедшем времени (55,7 %);

2) бесприставочным глаголом НСВ в настоящем времени (14,8 %);

3) нулевым соответствием (11,2 %).

Мы можем обнаружить лидирование двух видов форм для передачи статальности – настоящего НСВ и прошедшего СВ, что подтверждает обозначенную нами проблематику.

Преимущественный выбор приставочных глаголов совершенного вида в прошедшем времени для передачи статального перфекта обнаруживается в глаголах первой группы – глаголах движения *отида* (71,4 %), *дойда* (71 %) и *тръгна* (39 %).

Глаголы *отида* и *дойда* преимущественно передавались такими лексическими единицами, как *ушёл* и *пришёл* в соответствующих лицах и числах. Мы полагаем, что подобный выбор переводчиков

продиктован тем, что в русском языке данные глаголы движения не имеют однокоренной неопределённой пары, которая могла бы вывести на первый план не только результат, но еще и его продолжительность.

6. – Извините, но **не съм дошъл** тук да се лекувам! – казах аз недружелюбно (*П. Вежинов. Барьерата*).
 – Извините, но я **пришёл** сюда не лечиться! – сказал я недружелюбно (*Пер. М. В. Тарасовой*).

В этом примере единственным глаголом, который мог бы показать континуативность действия, является глагол *находиться*, однако его использование нарушило бы узус русского языка и не позволило бы выполнить ключевую задачу переводного текста.

Подобная же ситуация наблюдается и с глаголом *отида*:

7. – А ти защо **не си отишъл**? (*Б. Райнов. Реквием за една мръсница*). – Кстати, а почему ты сам **не сходил**? (*Пер. А. Собковича*)

Глагол *тръгна* проявляет большую вариативность при переводе – количество переводов, содержащих приставочные глаголы СВ прошедшего времени, бесприставочные НСВ настоящего времени и нулевые соответствия, приблизительно равно (с небольшим преобладанием первого варианта). Это объясняется тем, что данный глагол, имея значение начала физического движения (рус. отправляться), занимает гораздо меньше пространства действия в повествовании, в связи с чем он открывает дорогу для различного рода переводческих трансформаций и окказиональных решений, обусловленных контекстом:

8. – Боже, за какво **са тръгнали** посред нощ по къщите... (П. Константинов. *Синият аметист*). – Господи, и **чега то они** среди ночи людей **будят**... (Пер. Н. Нанкиновой, К. Козовска).

Нельзя не заметить, что у всех исследуемых нами глаголов или групп глаголов встречается хотя бы один случай их передачи на русский язык приставочной формой СВ в прошедшем времени.

В глаголах второй группы – изменение физического положения субъекта – наблюдается обратная картина: преобладающей формой являются бесприставочные глаголы настоящего времени (*седна* – 40,7 %; *легна* – 33,3 %). Подобное явление может быть объяснено тем, что, в отличие от глаголов движения, эти два глагола имеют однокоренную не-предельную пару в русском языке: *сесть* – *сидеть*, *лечь* – *лежать*, – где на первый план может быть выдвинута продолжительность действия с сохранением элемента результативности за счет контекста.

Интересно отметить, что в 63,4 % (*седна*) и 100 % случаев (*легна*) окружение данных глаголов, выраженных НСВ без приставки в настоящем времени, также составляет настоящий контекст, что говорит о прямой корреляции между выбором времени для передачи данных глаголов и необходимостью сохранять повествование в одном временном плане. Сюда же можно отнести и случаи появления деепричастий несовершенного вида в качестве грамматической замены:

9. Има и една жена, навярно ползуваща се благоволением на Димов, защото **е седнала** до него и си позволява да го нарича «Боре» (Б. Райнов. *Господин никой*). – Есть среди них и дама, пользующаяся по всем признакам благоволением Димова; **сидя** рядом с ним, она позволяет себе ласково называть его Борей (Пер. А. Собковича).

Нельзя не отметить и наличествующую континуативность у некоторых глаголов СВ в прошедшем

времени, продиктованную особенностью модифицирующей приставки, например, у глагола *засесть*:

10. Съображението «сега или никога» **е заседнало** в главата ми още от мига, в който съм научил, че тръгваме за Майнц (Б. Райнов. *Денят не си личи по заранта*). – Мысль о том, что «теперь или никогда», **засела** у меня в голове еще в тот момент, когда я услышал, что мы едем в Майнц (Пер. С. Никоненко).

У глаголов третьей группы – изменение состояния – наблюдается равномерное распределение по всем исследуемым нами способам передачи. Единственное заметное отклонение встречается у глаголов, выражающих изменение цвета: 71,4 % случаев приходится на приставочные глаголы СВ в прошедшем времени. Подобное распределение обусловлено тем, что в русском языке распространен приставочный способ передачи изменения цвета: *покраснеть*, *побледнеть*, *порозоветь*, *позеленеть* и др. Приставка *по-* в данном случае содержит в себе как компонент результативности, так и континуативности, что отвечает особенностям стального перфекта болгарского языка.

Не менее интересно отметить случаи передачи категории изменения состояния прилагательными:

11. Състоянието на Едит съвсем **се е влошило** (Б. Райнов. *Няма нищо по-хубаво от лошото време*). – Состояние Эдит **очень тяжелое** (Пер. А. Собковича).

Подобная грамматическая замена позволяет вывести на первый план компонент континуативности, поскольку прилагательные в таком употреблении имеют значение состояния, однако результативность в данном случае теряется.

Случаи грамматической замены обнаруживаются и в других группах глаголов:

12. – Ралф **се е облегал** на стената, без да помисли за туй, че цапа костюма си (Б. Райнов. *Тайфуни с нежни имена*). – Ральф **стоит, опершись** спиной о стену, больше не заботясь о том, что испачкает костюм... (Пер. А. Собковича).

В данном случае за результативность отвечает деепричастие совершенного вида, а за продолжительность – глагол в настоящем времени, что создает эквивалентность при передаче стального перфекта на русский язык.

Нельзя не отметить и нулевое соответствие, которое является третьим по частотности способом передачи стального перфекта на русский язык. Больше

всего подобную трансформацию мы можем обнаружить в глаголах движения *дойда* (14,4 %) и *тръгна* (21,7 %). Подобное переводческое решение может быть обусловлено однородным сказуемым, обозначающим полноценное длящееся действие, или иными лексическими единицами, показывающими результативность / континуативность:

13. – Ние **сме дошли** тук, за да я приложим (*Д. Димов. Осъдени души*). – Мы **здесь**, чтобы претворить ее в жизнь (*Пер. Т. Рузской*).

В данном случае компонент результативности ослаблен, что не передает суть статального перфекта в полной мере. Если обратиться к примеру 6, то можно обнаружить, что нулевое соответствие с контекстным обозначением настоящего времени может быть непредельной парой к глаголу *прийти* в прошедшем времени (ср.: *Извините, но я пришёл сюда не лечиться!* и *Извините, но я здесь не для того, чтобы лечиться!*). Тем не менее в первом случае будет ослаблен компонент континуативности, а во втором – результативности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного нами исследования можно сделать следующие выводы:

1) статальный перфект болгарского языка является безэквивалентным для русского, в котором отсутствует промежуточное звено между прошедшим и настоящим временами. Некоторые глаголы русского языка могут обладать таким же набором характеристик, как и исследуемое нами значение перфекта, однако набор подобных глаголов ограничен их морфологическими свойствами (например, возможностью присоединять те или иные приставки с необходимым модифицирующим значением), а также контекстом, который должен восполнять один из двух отсутствующих компонентов: результат или длительность;

2) наиболее частотными способами передачи статального перфекта болгарского языка на русский являются использование приставочного глагола совершенного вида в прошедшем времени (55,7 %), бесприставочного глагола несовершенного вида в настоящем времени (14,8 %) и нулевого соответствия (11,2 %). 8,2 % случаев приходится на бесприставочные глаголы совершенного вида в прошедшем времени, которые уже содержат в себе яркий компонент результативности и не требуют для этого присоединения модифицирующих приставок. 6,5 % случаев приходится на грамматические замены, т. е. передачу статального перфекта прилагательными, причастиями и иными частями речи. Остальные способы встречаются в менее чем в 3 % случаев каждый;

3) выбор того или иного способа передачи статального перфекта на русский язык должен производиться в соответствии со следующими факторами:

- наличие предельной / непредельной однокоренной или контекстуальной пары у передаваемого глагола (например, *сестъ* – *сидеть*, *лечъ* – *лежать*, *уйти* – *отсутствовать* и др.);
- возможность компенсировать отсутствие у глагола одного из двух «перфектных» компонентов (результативность, длительность) словообразовательным путем (например, *засестъ*, *побледнеть* и др.);
- возможность компенсировать отсутствие у глагола одного из двух «перфектных» компонентов (результативность, длительность) иными лексическими единицами;
- общий временной план повествования и возможность осуществления его смены без нарушения пространства текста.

Дальнейшее исследование статального перфекта болгарского языка в сопоставительном и переводческом аспектах может помочь выявить дополнительные особенности его передачи на русский язык.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Стоянов С. Граматика на съвременния български език: 3 т. София: Издателство на Българската академия на науките, 1983. Т. 2 : Морфология.
- Андрейчин Л., Попов К., Стоянов С. Граматика на българския език. София: Просвета, 2020.
- Ницилова Р. Българска граматика. Морфология. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2008.
- Макарцев М. М. Эвиденциальность в пространстве балканославянского текста. СПб.: Нестор-История, 2014.
- Григоренко Ю. А. Болгарский перфект и его русские «спутники» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (37). Ч. II. С. 70–74.
- Пашов П. Българска граматика. Пловдив: Хермес, 2015.
- Кузина М. В. Средства выражения результативности действия в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

8. Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971.

REFERENCES

1. Stoyanov, S. (1983). Gramatika na savremenniya balgarski ezik = Modern Bulgarian grammar (vol. 2. Morphology): in 3 vols. Sofia: The Bulgarian Academy of Science Publishing House. (In Bulg.)
2. Andreichin, L., Popov, K., Stoyanov, S. (2020). Gramatika na balgarskiya ezik = Bulgarian grammar. Sofia: Prosveta. (In Bulg.)
3. Nitsolova, R. (2008). Balgarska gramatika. Morfologia = Bulgarian grammar. Morphology. Sofia: Sveti Kliment Ohridski. (In Bulg.)
4. Makartsev, M. M. (2014). Evidentsialnost v prostranstve balkanoslavyanskogo teksta = Evidentiality in the space of Balkan-Slavic text. St.Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
5. Grigorenko, J. A. (2014). Bolgarskij perfekt i ego russkie "sputniki" = Bulgarian perfect and its Russian "companions". Philological Sciences. Issues of theory and practice, 7(37), 2, 70–74. (In Russ.)
6. Pashov, P. (2015). Balgarska gramatika = Bulgarian grammar. Plovdiv: Khemes. (In Bulg.)
7. Kuzina, M. V. (1991). Sredstva vyrazheniya rezultativnosti deistviya v russkom yazyke = Means of expressing the resultiveness of action in the Russian language : abstract of Senior Doctorate in Philology. (In Russ.)
8. Muchnik, I. P. (1971). Grammaticheskie kategorii glagola i imeni v sovremennom russkom literaturnom yazyke = Grammatical categories of verb and name in the modern Russian literary language. Moscow: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лучаев Дмитрий Ильич

преподаватель кафедры английского языка как второго
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Luchaev Dmitry Ilich

Lecturer at the Department of English as a Second Language
Faculty of Translation
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

04.07.2024
05.08.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 811+81'272+811.531

Социолингвистические особенности функционирования английского языка в Республике Корея

Т. С. Мозоль*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия**yoondanhee@gmail.com*

Аннотация. Под влиянием глобализационных процессов, активного сотрудничества между Республикой Корея и США во всех сферах и в условиях интенсивного языкового контакта в Республике Корея создалась особая социолингвистическая ситуация. Целью данной работы является рассмотрение современного состояния англо-корейского языкового контакта, а также статуса и особой роли английского языка в южнокорейском обществе. Несмотря на то, что английский язык не имеет статуса официального, в Республике Корея владение английским ассоциируется с успешностью и благосостоянием, а также с приоритетами национального развития в рамках глобальной экономики. Кроме того, в современном южнокорейском обществе английский язык стал особым культурным капиталом и инструментом воспроизводства социальных отношений.

Ключевые слова: роль английского языка в Республике Корея, неолиберализм, культурный капитал, воспроизводство социальных отношений, социальный престиж

Для цитирования: Мозоль Т. С. Социолингвистические особенности функционирования английского языка в Республике Корея // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. (11) 892. С. 60–66.

Original article

Sociolinguistic Aspects of English Language Functioning in the Republic of Korea

Tatiana S. Mozol*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia**yoondanhee@gmail.com*

Abstract. The processes of globalization, active cooperation between the Republic of Korea and the United States in all fields (economic, political, cultural, etc.) and intensive language contact have created a special sociolinguistic situation in the Republic of Korea. The aim of this paper is to examine the current state of English-Korean language contact, as well as the status and special role of English in South Korean society. Although English does not have the status of an official language, English proficiency is associated with success and prosperity in the Republic of Korea, as well as with national development priorities in the global economy. Moreover, English has become a special cultural capital and a tool of social reproduction in the contemporary South Korean society.

Keywords: the role of English in the Republic of Korea, neoliberalism, cultural capital, social reproduction, social prestige

For citation: Mozol, T. S. (2024). Sociolinguistic aspects of English language functioning in the Republic of Korea. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, (11)892, 60–66. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Республику Корею в соответствии с классификацией Б. Качру традиционно относят к странам расширяющегося круга, т. е. странам, где английский язык считается иностранным и его изучают в качестве иностранного языка в школах, университетах и т. п. [Kachru, 1985]. Однако с социолингвистической точки зрения данный вопрос не представляется столь однозначным.

Проблема англо-корейского языкового контакта и роли английского языка в Республике Корея изучалась корейскими (서강옥, 2006; 남혜령, 2011; 김태영, 2015), зарубежными (H. Shin, J. S.-Y. Park, 2015; J. S. Lee, 2020; J. Kiaer, H. Ahn, 2024) и, в частности, российскими исследователями (Прошина, 2002; Шевчук, 2011; Гаврилова, Амирханова, 2018).

Под влиянием глобализационных процессов, активного сотрудничества между Республикой Корея и США во всех сферах (экономической, политической, культурной и др.) и в условиях интенсивного языкового контакта в Республике Корея создавалась новая социолингвистическая ситуация, которая требует особого изучения и анализа. В связи с этим в данной работе будет кратко рассмотрена история англо-корейского языкового контакта и его современное состояние, предложена его возможная периодизация, изучены статус и значение английского языка в свете неолиберализации южнокорейского общества, с социокультурной точки зрения проанализирована роль английского языка в Республике Корея. В статье изучены и учтены результаты предыдущих исследований по вопросу англо-корейского языкового контакта, рассмотрены соответствующие законы, постановления и архивные документы правительства Республики Корея, статистические материалы (в том числе Национального статистического портала Республики Корея, Института экономических исследований Самсунг, Института развития Кореи), публикации ведущих южнокорейских СМИ по социальной тематике.

СТАТУС АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

В «Основном законе о национальном языке» (2005) Республики Корея говорится о том, что национальным языком в стране является корейский язык (п. 3)¹. Английский язык с правовой точки зрения в настоящее время является иностранным. Однако в южнокорейском общественном

пространстве с конца XX века ведутся активные дискуссии о целесообразности придания английскому статусу официального или второго языка. Начало подобному обсуждению положил в 1998 году южнокорейский писатель и общественный критик Пок Коиль, выпустивший книгу «Национальный язык в эпоху языка международного общения» (복거일, 1998). В своем труде он призвал дать английскому языку статус официального для того, чтобы корейцы смогли выжить в условиях глобализации, во главе которой стоят США. Выход этой книги стал поводом для многочисленных общественных дискуссий и социологических опросов о статусе английского языка. Так, например, в 2000 году газета «Chosun Weekly» провела опрос среди 3 253 читателей по этому вопросу². Большинство опрошенных (52,95 %) поддержали придание английскому языку статуса официального, чуть меньше половины (41,27 %) – высказались против, а 5,78 % респондентов не определились со своей позицией. Многочисленные опросы, проводимые в других средствах массовой информации, имели схожие результаты³. В 2001 году Демократическая партия Республики Кореи выступила с предложением придать английскому статус второго языка на острове Чечжудо⁴. В 2005 году Министерство образования и Центр развития профессиональных навыков выступили с инициативой сделать английский официальным языком в трех особых экономических зонах (г. Инчхон, район Пусан – Кённам – Чинхэ, провинция Чолла Намдо), а также в г. Чечжу⁵. Подобная дискуссия возобновилась в газете «The Korea Economic Daily» в 2015 году по инициативе писателя Пок Коиля и вице-президента крупной компании «Dongwon Group» Пак Ингу, которые утверждали, что придание английскому языку статуса официального повысит доходы населения, занятость и общий уровень развития страны⁶.

Стоит отметить, что подобные призывы натолкнулись на ожесточенное сопротивление консервативных кругов, Национального института корейского языка и Общества корейского языка, в итоге данная инициатива не была реализована. Тем не менее сам факт подобных продолжительных многолетних дебатов заслуживает внимания,

²Chosun Ilbo. URL: https://www.chosun.com/site/data/html_dir/2000/12/13/2000121370207.html

³См. 서강옥 2006.

⁴Donga Ilbo. URL: <https://www.donga.com/news/article/all/20010514/7689426/1>

⁵Министерство образования и развития людских ресурсов и др. (2005). Второй базовый план государственного развития людских ресурсов (2006–2010).

⁶The Korea Economic Daily. URL: <https://www.hankyung.com/article/2015072035741>

¹Национальный центр правовой информации Республики Корея URL: <https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%EA%B5%AD%C9%96%B4%EA%B8%B0%EB%B3%B8%EB%B2%95>

поскольку говорит о том, что английский язык играет важную роль и имеет особый статус в стране.

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И РОСТ ЗНАЧИМОСТИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Существуют различные взгляды на периодизацию англо-корейских языковых контактов¹, однако наиболее логичным представляется выделение трех основных периодов в зависимости от изменения статуса и роли английского языка в корейском обществе.

Первый период с 1876 по 1945 год ознаменовался знакомством с английским языком, в это время в стране формируется система преподавания английского языка, в корейский язык начинают проникать первые англицизмы (главным образом косвенным путем через японский язык). Можно сказать, что процесс открытия Кореи как таковой начался в 1876 году с подписания Канхваского договора с Японией, затем в 1882 году был подписан корейско-американский договор о дружбе и торговле, аналогичные договоры были подписаны также с другими странами в конце XIX века. Проникновению английского в Корею также способствовало появление первых христианских миссионеров в конце правления династии Чосон (1392–1910). Однако долгое время английский язык не играл значимой роли в языковом пространстве на Корейском полуострове.

Во втором периоде с 1945 по 1985 год происходит активное развитие прямых языковых контактов. После освобождения от японского колониализма, образования двух государств КНДР и Республики Корея, а также окончания Корейской войны (1950–1953) роль США на юге полуострова становится поистине гегемонистской во всех сферах (политической, экономической, культурной и пр.), а английский язык (особенно американский вариант) приобретает статус самого популярного, престижного и важного иностранного языка.

Третий период с 1986 года по настоящее время – это период неолиберальной глобализации общества, именно в это время английский язык в Республике Корея становится символическим капиталом в классовом различии. В 1995 году президент Ким Ён Сам провозгласил новый курс на глобализацию, который должен был помочь Южной Корее стать частью мирового сообщества², а правительство при этом должно было уделять большое

внимание обучению английскому языку. Интеграция Республики Корея в мировую рыночную экономику в конце XX века, в частности вступление в ОЭСР (1996), а также азиатский валютно-финансовый кризис (1997), в свою очередь, ускорили экономическую неолиберализацию общества.

Неолиберализм как экономическая доктрина, провозглашающая свободу индивидуального предпринимательства и рыночные преобразования в обществе, оказывает влияние на многие сферы, имеющие важное значение для функционирования языка в социуме. В рамках неолибералистской доктрины считается, что постоянное развитие собственного потенциала и навыков должно получать материальное вознаграждение, однако при этом игнорируется тот факт, что социальные условия могут препятствовать этому [Shin, Park, 2016]. В неолиберальном обществе происходит коммодификация языковых и коммуникативных навыков, которые можно и нужно монетизировать, а успешное владение языками становится важной характеристикой идеального работника³. Язык входит в ключевой набор «мягких навыков» неолиберального субъекта. Образование также играет в этих условиях важную роль для развития человеческого капитала и превращается в экономический ресурс как для самого государства, так и для корпоративного сектора [Hyslop-Margison, Sears, 2006].

С конца XX века многие корейские компании стремились выйти на зарубежные рынки и найти иностранных партнеров, соответственно востребованными стали работники, владеющие английским языком. Повышенный спрос на рынке труда и идеологическая рационализация спроса на навыки устной коммуникации в условиях неолиберальной экономики сделали английский язык важным атрибутом успешного работника⁴. Начиная с 1990-х годов, многие крупные корейские компании стали использовать стандартизированные тесты на знание английского в качестве одного из основных критериев при трудоустройстве [Koo, 2007; Park, 2009; Park, 2011]. При этом «хорошим» английским в Республике Корея стал считаться английский, выученный в англоговорящих странах. Это вариант языка стал новой формой «легитимного» варианта английского и ключевым источником символического капитала в формировании элитарного авторитета в неолиберальной Республике Корея.

Таким образом, в результате политики неолиберализации с конца XX века английский стал важным атрибутом компетентного работника,

¹См. труды 정규태, 1998; 정지선, 2007.

²Как отмечает П. Бурдьё, в символической борьбе за монополию легитимной номинации как официального благословения легитимного видения социального мира агенты используют символический капитал. При этом символическим капиталом может выступать любой вид капитала (физический, экономический, культурный, социальный), когда он воспринимается социальными агентами, которые в состоянии узнать и признать, придать ему ценность [Бурдьё, 2007, с. 27, 234].

³См. труды Cameron, 2000; Gee, Hull, and Lankshear, 1996; Urciuoli, 2008; Heller, 2010; Urciuoli and LaDousa, 2013.

⁴См. также Shin, 2018.

а само владение английским языком подверглось коммодификации. Владение английским языком стало востребованным ресурсом на рынке труда, тесно связанным с процессом социального отбора и социально-экономической мобильности, а также важным элементом для экономического роста и благосостояния нации в масштабе всего государства. Английский язык получил статус престижного, поскольку хорошее владение английским также ассоциируется с высокой культурой, искусством, талантом, профессионализмом и успехом, с особым культурным капиталом¹.

РОСТ ИНДУСТРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Неолиберализм, коммодификация английского языка, укрепление статуса английского языка в качестве языка международного общения в мире привели к распространению массового обучения английскому языку и масштабному развитию «индустрии английского языка» в Республике Корея. Уверенность корейских родителей в том, что английский является важным социальным капиталом безусловна, они хотят, чтобы их дети «изучали английский любыми способами и любой ценой» [Park, 2008, с. 118]. Размеры рынка частного образования в сфере английского языка в Южной Корее весьма впечатляющие.

Республика Корея – одна из стран мира, где с самого раннего детства изучению английского языка придается огромное значение. Корейцы тратят значительную часть своих доходов на его изучение. Взрослые и дети массово посещают частные школы английского языка. Их посещают более 95 % детей, начиная с детского сада и заканчивая старшими классами школы [Kim, 2010]. Согласно данным Института экономических исследований «Самсунг», корейские учащиеся в среднем тратят 15 548 часов на изучение английского языка, начиная со средней школы и до окончания университета (т. е. в течение 10 лет). Кроме того, по оценкам данного института, в 2005 году корейцы потратили 14,3 трлн вон на частные занятия по английскому языку, а также 700 млрд вон на сдачу различных тестов по английскому языку. Итого расходы на частное обучение (частные занятия, сдача тестов) достигли 15 трлн вон [삼성경제연구소, 2006], т. е. на них приходится 1,9 % от ВВП (806,6 трлн вон) Республики Корея в 2005 году. Весь бюджет на образование составил 30,1 трлн вон в 2005 году, а расходы на частное обучение английскому языку – 14,3 трлн вон (47,5 %)². Если сюда добавить

расходы на обучение за рубежом, то эта цифра будет гораздо больше. Данный тренд сохранился и в последующие годы. Так, к примеру, в 2011 году около 8 % ВВП Республики Корея было потрачено на образование, из них – 4,8 % на государственную образовательную систему и 2,8 % – на изучение английского языка в частных школах и на курсах³.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Стремительный процесс неолиберальной глобализации привел к росту социальной и экономической поляризации и углублению неравенства в Южной Корее. В неолиберальной идеологии английский язык представляется как важный, но относительно доступный навык, который может приобрести каждый, уделив достаточно времени и усилий [Park 2011; Shin, Lee, 2019]. Однако в реальности высокий спрос на знание английского языка в Республике Корея породил так называемое неравенство из-за английского языка, в условиях которого возник барьер для социального и профессионального роста тех, кто не владеет английским языком или владеет им недостаточно хорошо. Высокие расходы на обучение обусловили классовую разницу в возможностях изучения английского языка, что спровоцировало еще больший социальный разрыв. Овладение английским языком в Южной Корее зависит в значительной степени от достатка родителей. Можно сказать, что английский язык служит привратником, потенциальным барьером на пути к социальной мобильности и получению образования. Поступление в привилегированные университеты, получение высокооплачиваемой работы и продвижение по службе – всё это в значительной степени связано с высоким уровнем знания английского языка, которого невозможно достичь за счет государственного образования [Park, 2011].

Согласно отчету Корейского института развития, сотрудники, у которых на 100 баллов больше по экзамену TOEIC (Test of English for International Communication), чем у коллег, зарабатывают в среднем на 1,7 млн вон в год больше. Кроме того, увеличение дохода родителей на 1 млн вон приводит у их детей к повышению балла по TOEIC в среднем на 21 балл. Разрыв в расходах на частное обучение английскому языку увеличивается до десяти раз между семьями с ежемесячным

¹О престижном имидже английского языка см. исследование 최선훈, 최유정 2011.

²Национальный статистический портал Республики Корея URL:

<https://kosis.kr>

³The Korea Herald. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20131230000632&ACE_SEARCH=1.

доходом выше 7 млн вон и теми, чей ежемесячный доход ниже 1 млн вон¹.

Возникновению и усилению подобного неравенства во многом способствовала неолиберальная политика государства в сфере образования, в рамках которой произошел сдвиг в образовательных ценностях и целях от эгалитаризма к элитарности [Shin, 2016]. Так, в 1995 году был принят неолиберальный пакет реформ образования – «План реформ образования для создания новой системы просвещения»². По сути, этот план был направлен на увеличение автономии университетов и диверсификацию требований к набору абитуриентов, а также создание разных типов школ. В 2000-х годах в Республике Корея были открыты разные виды средних школ для элитного образования, целью которых было воспитание школьников, которые станут компетентными гражданами в эпоху глобализации. Многие из этих элитных школ стали предлагать обучение на английском языке. Как правило, средняя плата за обучение в частных школах примерно в несколько раз выше, чем в обычных государственных. С возрождением элитного образования и диверсификацией школьного выбора учащиеся, имеющие опыт изучения английского языка за рубежом или дорогостоящее частное образование, получили большой доступ к элитным школам и университетам, для поступления в которые необходимы знание английского языка и высокий уровень доходов. В последние годы всё больше южнокорейских университетов также предлагают учебные дисциплины на английском языке (в том числе с целью повышения показателей интернационализации и привлечения большего количества иностранных студентов), поэтому результаты тестирования по английскому важны для поступления [Мозоль, 2018].

Дифференцированный доступ к услугам частного образования, в том числе стажировкам за рубежом, в зависимости от уровня доходов и социального класса способствует воспроизводству социальных отношений, затруднению доступа к качественному среднему и высшему образованию и вертикальной социальной мобильности.

Проблема социального неравенства из-за английского языка нашла отражение в корейской «теории столовых приборов» (수저계급론), которая возникла в корейском интернет-пространстве

в начале 2015 года как реакция на высокий уровень безработицы среди молодежи, экономическую стагнацию, растущее социальное неравенство и классовое разделение³. Данная теория была подхвачена средствами массовой информации, получив широкое распространение по всей стране. Название «теории столовых приборов» происходит от английской идиомы *born with a silver spoon in one's mouth*, в которой подчеркивается важность богатства и наследования благосостояния от родителей. Корейские интернет-пользователи создали по аналогии термины, обозначающие принадлежность к определенному социальному классу: «золотая ложка», «серебряная ложка», «бронзовая ложка», «земляная ложка». В «теории столовых приборов» центральное место занимает идея воспроизводства социальных отношений, т. е. тип «ложки», обозначающий уровень благосостояния родителей, определяет социальное положение, условия жизни и возможности достижения успеха.

Основные идеи данной теории перекликаются с идеями П. Бурдьё о том, что различия в образе жизни формируются благодаря возможностям, которые определяются в зависимости от классовой принадлежности и разных социально-экономических ресурсов. Образ жизни в «теории столовых приборов» является индикатором принадлежности к какому-либо социальному классу, определяющей дальнейшую жизнь и возможности человека. Так, например, хорошие навыки английского языка в «теории столовых приборов» рассматриваются как естественное отражение законной принадлежности к высшему классу, английский язык воспринимается как символ развития и экономических возможностей, а также как инструмент социального неравенства.

С одной стороны, английский язык – самый популярный иностранный язык в Южной Корее, который открывает все возможности (от поступления в элитную школу или университет до трудоустройства на высокооплачиваемую работу). С другой – акцент на роли английского языка для достижения успеха в обществе представляется как основной социальный механизм, оправдывающий и поддерживающий классовые привилегии, поскольку доступ к изучению английского языка определяется классовой принадлежностью.

Прекрасные навыки английского языка представляют собой важный социально значимый

¹Korea Development Institute. URL: https://www.kdi.re.kr/research/forumView?pub_no=12399

²Министерство внутренних дел и безопасности Республики Корея, Архив Администрации Президента Республики Корея. <https://www.archives.go.kr/next/newsearch/listSubjectDescription.do?id=003284&sitePage=>

³См. материалы ведущих южнокорейских СМИ по данной теме: Kyunghyang Shinmun URL: <https://www.khan.co.kr/opinion/editorial/article/201511172020555>; The Korean Economic Daily URL: <https://www.hankyung.com/article/2015102868445>; The Hankyoreh URL: https://www.hani.co.kr/arti/economy/economy_general/715139.html

признак, отличающий людей, родившихся в состоятельных семьях. Английский язык – это товар, который люди из богатых семей могут легко купить благодаря своему достатку, в то время как у людей с низкими доходами нет возможности изучить его на высоком уровне. В итоге английский язык выполняет роль инструмента для поддержания социального контроля и для воспроизводства социального неравенства, а не для обеспечения возможностей социальной мобильности. Даже в «теории столовых приборов», несмотря на критику неравенства и использования правящим классом английского языка как средства доминирования, признается его безусловная важность, а также легитимность его высокого статуса.

Таким образом, английский язык в Республике Корея – это символ возможностей для национального развития в глобальной экономике и для личного успеха и благосостояния, с одной стороны, а также инструмент воспроизводства социальных отношений и социального детерминизма – с другой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С конца XX века ведутся дискуссии о целесообразности придания английскому языку статуса официального в южнокорейском общественном пространстве. В настоящее время английский язык не имеет подобного статуса в Республике Корея. Однако несмотря на это, владение английским языком в Республике Корея тесно связано с властью, политикой и языковой идеологией. Английский язык выступает в качестве механизма воспроизводства социальных отношений и символа классовой привилегированности. Знание английского языка – это показатель престижа и принадлежности к более высокому социальному классу, показатель успешности и карьерного роста, что, в свою очередь, способствует проникновению английского языка в отдельные социальные домены южнокорейского общества (наука, образование, работа и трудоустройство и т. п.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kachru B. Standards, codification and sociolinguistic realism: English language in the outer circle // R. Quirk & H.G. Widowsen (eds.) English in the world: Teaching and learning the language and literatures. Cambridge: Cambridge University Press. 1985. P. 11–30.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии: Алетей, 2007.
3. Shin H., Park J. S.-Y. Researching language and neoliberalism // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2016. Vol. 35. Iss. 5. P. 443–452.
4. Hyslop-Margison E. J., Sears A. M. Neo-liberalism, globalization, and human capital learning: reclaiming education for democratic citizenship. Dordrecht: Springer, 2006.
5. Koo H. The changing faces of inequality in South Korea in the age of globalization // Korean Studies. 2007. Vol. 31. P. 1–18.
6. Park J. S.-Y. The local construction of a global language. Ideologies of English in South Korea. Berlin: Mouton de Gruyter. 2009.
7. Park J. S.-Y. The promise of English: linguistic capital and the neoliberal worker in the South Korean job market // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2011. Vol. 14 (4). P. 443–455.
8. Park H.-Y. Linguistic imperialism and the English-learning boom in Korea: A case of analysis of weekend Korean schools in the US // The Review of Korean Studies. 2008. Vol. 11 (2). P. 117–137.
9. Kim J. VIP report: private education present problems and possible solutions // HRI report / Ed. by W. Ju, J. Lee, C. Lee. Seoul: Hyundai Research Institute, 2010. P. 1–17.
10. 삼성경제연구소 / SERI. 영어의 경제학. CEO Information, 2006 = Институт экономических исследований. Самсунг. Экономика английского. CEO Information. 2006. Vol. 528.
11. Shin H., Lee B. “English Divide” and ELT in Korea: Towards Critical ELT Policy and Practices // Second Handbook of English Language Teaching. Springer International Handbooks of Education / Ed. by X. Gao. Cham: Springer. 2019. P. 73–90.
12. Shin H. Language ‘skills’ and the neoliberal English education industry // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2016. Vol. 37 (5). P. 509–522.
13. Мозоль Т. С. «Мягкая сила» высшего образования Республики Корея: успехи и задачи на пути интернационализации // Восточная Азия и изменения глобального миропорядка: материалы V Международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 249–256.

REFERENCES

1. Kachru, B. (1985). Standards, codification and sociolinguistic realism: English language in the outer circle. In Quirk, R., Widowsen, H. G. (Eds.), *English in the world: Teaching and learning the language and literatures* (pp. 11–30). Cambridge: Cambridge University Press.
2. Bourdieu, P. (2007). *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva = Sociology of Social Space*. Moscow; St.Petersburg: Institute of Experimental Sociology : Aleteia. (In Russ.)
3. Shin, H., Park, J. S.-Y. (2016). Researching language and neoliberalism. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 37(5), 443–452.
4. Hyslop-Margison, E. J., Sears, A. M. (2006). *Neo-liberalism, globalization, and human capital learning: reclaiming education for democratic citizenship*. Dordrecht: Springer.
5. Koo, H. (2007). The changing faces of inequality in South Korea in the age of globalization. *Korean Studies*, 31, 1–18.
6. Park, J. S.-Y. (2009). The local construction of a global language. *Ideologies of English in South Korea*. Berlin: Mouton de Gruyter.
7. Park, J. S.-Y. (2011). The promise of English: linguistic capital and the neoliberal worker in the South Korean job market. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 14(4), 443–455.
8. Park, H.-Y. (2008). Linguistic imperialism and the English-learning boom in Korea: A case of analysis of weekend Korean schools in the US. *The Review of Korean Studies*, 11(2), 117–137.
9. Kim, J. (2010). VIP report: private education present problems and possible solutions. In Ju, W., Lee, J., Lee, C. (Eds.), *HRI report* (pp. 1–17). Seoul: Hyundai Research Institute.
10. 삼성경제연구소/SERI. (2006). *영어의 경제학*. CEO Information = Samsung Economic Research Institute. The economics of English. CEO Information.
11. Shin, H., Lee, B. (2019). “English Divide” and ELT in Korea: Towards Critical ELT Policy and Practices. In Gao, X. (Ed.), *Second Handbook of English Language Teaching*. Springer International Handbooks of Education (pp. 73–90). Cham: Springer.
12. Shin, H. (2016). Language ‘skills’ and the neoliberal English education industry. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 37(5), 509–522.
13. Mozol, T. S. (2018). Soft power of South Korean higher education: achievements and challenges for internationalization. *East Asia and Changes in the Global World Order: Proceedings of the V International Conference of Young Orientalists at the Institute of the Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences* (pp. 249–256). Moscow: IFES RAS. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мозоль Татьяна Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент
заведующий кафедрой восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mozol Tatiana Sergeevna

PhD (Pedagogy), Associate Professor
Head of the Oriental Languages Department Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

03.07.2024
29.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Концептуальные конфигурации аддитивных структур

Ю. В. Овсейчик

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

ovsei77@rambler.ru

Аннотация. Цель исследования – выделить концептуальные конфигурации аддитивных структур (на примере французских связующих единиц *en outre, de plus, en plus*), рассматриваемых как частный случай оформления сочинительной связи. На основании корпусных данных отобраны контексты, в которых исследуемые единицы в коннективной функции маркируют логико-семантическое отношение аддитивности. В работе использована конвенциональная модель сочинительной структуры Р. Лангакера. В результате дифференцированы шесть концептуальных конфигураций исследуемых аддитивных структур: новое множество, асимметричные подмножества, свойства объекта, асимметрия фоновая, асимметрия фокусная и симметрия аккумулирующая.

Ключевые слова: аддитивные структуры, концептуальное содержание, типовые ситуации, связующие единицы, сочинительная связь

Для цитирования: Овсейчик Ю. В. Концептуальные конфигурации аддитивных структур. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 67–75.

Original article

Conceptual Configurations of Additive Structures

Yuliya V. Auseichyk

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

ovsei77@rambler.ru

Abstract. The article aims to highlight the conceptual configurations of additive structures (using the example of the French connecting units *en outre, de plus, en plus*), considered as a special case of the design of a coordinating connection. Based on corpus data, contexts were selected in which the units under study in the connective function mark the logical-semantic relation of additivity. The work uses the model of coordination structure proposed by R. Langacker. As a result, six conceptual configurations of the studied additive structures were differentiated: a new set, asymmetric subsets, object properties, background asymmetry, focal asymmetry and accumulating symmetry.

Keywords: additive structures, conceptual content, typical situations, connecting units, coordinating connection

For citation: Auseichyk, Yu. V. (2024). Conceptual configurations of additive structures. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 67–75. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследования сочинительных союзов и союзных слов на материале разных языков в рамках разновекторных научных направлений имеют давние традиции¹. Когнитивный подход, предполагающий схематичность не только для лексических единиц, но и для любых грамматических структур², позволяет рассмотреть семантику связующих единиц в новом ракурсе. В этой связи особого внимания заслуживает структурированная и конвенциональная символизация концептуального содержания грамматических структур Р.Лангакера. Так, исходя из того, что существенным смыслом, присущим самому понятию «сочинительная связь», является мысленное соположение равных элементов, т. е. элементы воспринимаются вместе в едином мыслимом пространстве [Langacker, 2008]. Р. Лангакер приводит концептуальную схему³ сочинительной структуры с союзом *and* на примере частного случая *bacon, ham and sausage* (см. рис. 1).

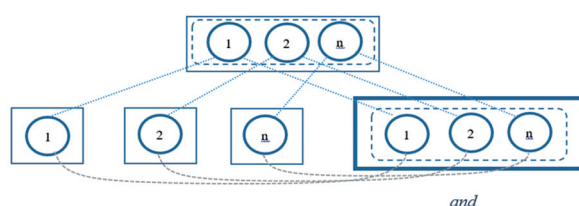

Рис. 1. Сочинительная структура с союзом *and*

Согласно представленной на рисунке 1, концептуализация сочинительной структуры сводится к наличию сосуществующих множественных профилей, каждый из которых соответствует одному и тому же элементу общего типа. При этом количество профилируемых объектов может быть разным (при условии, что их больше одного), а профилируемыми объектами могут быть как процессуальные, так и не-процессуальные отношения. Р. Лангакер подчеркивает концептуальную амбивалентность профилируемой производной структуры: с одной стороны, отдельно профилируемые соединенные элементы *bacon*, *ham* и *sausage* (рис. 1) могут интерпретироваться как отдельные сущности, с другой – допустима их интерпретация как сущности более высокого порядка, возникающей из их совместного восприятия (например, *начинка в пицце*) [Langacker 2008].

Считаем, что схема сочинительной структуры с союзом *and*, предложенная Р. Лангакером, предполагает серию ее концептуальных конфигураций

на базе фамильного сходства (*family resemblance*) для сочинительных структур с единицами, выступающими в ряде контекстов функционально-семантическими эквивалентами соединительного союза *and* [Geeraerts, Cuypkens, 2007].

ОБЪЕКТ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом исследования являются французские полифункциональные единицы *en outre* (*кроме; сверх того; а также*); *de plus* (*к тому же, в придачу, сверх того*); *en plus* (*в придачу, сверх того, вдобавок*)⁴. Под полифункциональностью понимается способность той или иной языковой единицы в зависимости от дистрибуции выполнять несколько синтаксических функций. В качестве иллюстрации приведем контексты с предложным (пример 1), адвербиальным (пример 2) и коннективным (пример 3) способом употребления единицы *en outre*.

1. Il lui fit **en outre** de ses appointements mensuels, une pension de trois cents ducats (*T. Gautier. Guide de l'amateur au Musée du Louvre*). – Он пожаловал ему **в дополнение** к его ежемесячному жалованью пенсию в триста дукатов⁵.
2. De l'intérieur d'immenses caravanes leur apportaient **en outre** des vivres, des chaussures et d'autres objets utiles (*M. P. Rey. L'Effroyable tragédie...*). – Из внутренних областей к ним навстречу прибывали **еще** и огромные транспорты с продовольствием, сапогами и другим снабжением.
3. L'obscurité se fit et on n'y vit plus guère. **En outre** un froid humide s'était abattu sur la carriole et ses occupants (*J.-Cl. Mourlevat. La rivière à l'envers*). – Стемнело, и не было видно ни зги. **Кроме того**, в повозке стало неуютно от холодного тумана.

Полифункциональные единицы *en outre*, *de plus*, *en plus* проявляют общее синтаксическое свойство выступать аналогом, или функционально-семантическим эквивалентом французского сочинительного союза *et* (*и*) [Grevisse, 2018], что дает основания причислять их в разряд периферийных единиц сочинения [Овсейчик, 2023]. В лексикографических источниках отмечается взаимозаменяемость указанных единиц в коннективной функции:

Ils sont arrivés à un excellent résultat, **en outre** (= *de plus*) ils sont en avance sur leur programme

¹См. работы Н. Б. Кудрявцевой (2009), Е. В. Урысон (2011), М. Haspelmath (2009) и др.

²См. работы М. Johnson (1990), G. Lakoff (1990) и др.

³Приводится по: [Langacker, 2008].

⁴Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь = Nouveau dictionnaire français-russe. М.: Просвещение, 2010.

⁵Зд. и далее перевод наш. – Ю. О.

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ
УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТИ ЕДИНИЦ *en outre*, *de plus*, *en plus* В КОРПУСЕ

Периоды	1800–1899			1900–1999			2000–н/в		
единицы	Q1	Q2	Q3	Q1	Q2	Q3	Q1	Q2	Q3
<i>de plus</i>	19 844	747	3,76	29 284	1 774	6,06	6 395	257	4,02
<i>en plus</i>	4 437	16	0,36	9 832	331	3,37	4 453	406	9,12
<i>en outre</i>	2 059	624	30,31	4 595	1 992	43,35	340	160	47,06

Примечание:

Q1 – общее количество вхождений единиц *en outre*, *de plus*, *en plus* (в ед.)

Q2 – количество контекстов, в которых единицы используются в коннективной функции (в ед.)

Q3 – доля контекстов с коннективным способом употребления исследуемых единиц (в %)

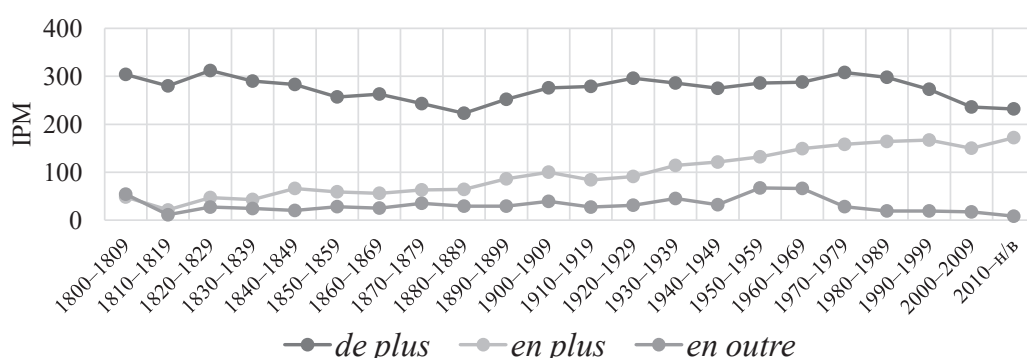

Рис. 2. Частотное распределение единиц *en outre*, *de plus*, *en plus* в корпусе «Frantext»

de travail. – Они добились отличного результата, **к тому же** (= **более того**) они опережают свою рабочую программу¹.

Общим семантическим свойством единиц *en outre*, *de plus*, *en plus* является способность оформлять отношение между двумя и более сосуществующими положениями дел, дополняющими друг друга. На основании логико-семантической операции соотношения общего и частного или элемента и множества, что подчеркивает факт включения элементов в некоторое множество, мы квалифицируем эти единицы как аддитивные²: «Аддитивная интерпретация возникает в таких семантических структурах, в которых к первому положению дел добавляется второе, и ситуации эти могут быть как однотипными, так и различными» [Inkova, 2014, с. 310].

В работе использовались данные Национального корпуса французского языка «Frantext»³ и параллельный француско-русский подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ)⁴.

В результате обращения к корпусу «Frantext» установлено частотное распределение единиц *en*

outre, *de plus*, *en plus* на 1 млн словоупотреблений (IPM, вертикальная ось на диаграмме) в диахроническом отрезке с 1800 года по настоящее время с десятилетним интервалом (горизонтальная ось на диаграмме, см. рис. 2).

Графики кривых распределения относительной частности единиц *en outre*, *de plus*, *en plus* характеризуются сглаженностью, отсутствием резких колебаний в разном числовом диапазоне: относительная частотность единицы *de plus* до 1980 года значительно превосходит относительную частотность единиц *en outre* и *en plus*; на всем диахроническом отрезке с 1800 года по настоящее время единица *en outre* в отличие от единиц *de plus* и *en plus* сохраняется как низкочастотная.

Отбор контекстов, в которых единицы *en outre*, *de plus*, *en plus* используются в коннективной функции, т. е. соединяют два и более предикативных компонента, занимают позицию перед одним из них и сопровождаются пунктуационной маркированностью (точка, точка с запятой, запятая) (см. выше пример 3), проводился вручную с использованием функционала корпус-менеджера. Установленная динамика употребительности единиц *en outre*, *de plus*, *en plus* в коннективной функции относительно общего количества вхождений каждой отдельно взятой единицы представлена в таблице 1.

¹URL: <https://larousse.fr/dictionnaires/francais/>

²Подробно о логико-семантическом отношении аддитивности см.: [Зализняк, 2017; Инькова, 2018].

³URL: <http://www.frantext.fr/>

⁴URL: <https://ruscorpora.ru/>

Таблица 2

ПЕРЕВОДНЫЕ ВАРИАНТЫ ФРАНЦУЗСКИХ СВЯЗУЮЩИХ ЕДИНИЦ
EN OUTRE, DE PLUS, EN PLUS В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

№	Переводные варианты	en outre	de plus	en plus	№	Переводные варианты	en outre	de plus	en plus
1	–	++	++	++	11	и потом	–	+	–
2	к тому же	++	++	++	12	и сверх того	–	+	–
3	да и	++	++	++	13	этого мало	–	+	–
4	а	++	++	++	14	а главное	+	–	–
5	кроме того	++	++	++	15	вдобавок	+	–	–
6	а кроме того	++	++	++	16	и вдобавок	+	–	–
7	еще	–	++	++	17	кстати	+	–	–
8	и	–	++	++	18	помимо	+	–	–
9	более того	–	++	+	19	и наконец	+	–	–
10	и более того	–	–	–	20	мало того	+	–	–

Как следует из таблицы 1, из трех полифункциональных единиц только одна (*en outre*) демонстрирует устойчивую тенденцию к более частому использованию в коннективной функции (от 30,31 % до 47,06 %). Для единиц *de plus* и *en plus*, отличающихся большей частотностью (табл. 1), такой способ употребления не является основным: доля контекстов с их коннективным способом употребления колеблется от 0,36 % до 9,12 %. Полагаем, что в функционально-семантическом ряду коннективных аддитивных единиц количественное преобладание в относительных показателях частотности единицы *en outre* является результатом ее большей конъюнкционализации вследствие более широкого использования в разнообразных контекстах в отличие от единиц *de plus* и *en plus*.

Для установления переводных вариантов единиц *en outre*, *de plus*, *en plus* в коннективной функции дополнительно использовался параллельный французско-русский подкорпус НКРЯ. В таблице 2 представлены переводные варианты исследуемых единиц в ранжированном порядке: более частотные (++) , менее частотные (+) , не зафиксированные в корпусе для каждой отдельно взятой единицы (–).

Единицы *en outre*, *de plus*, *en plus* имеют в русском языке схожие переводные эквиваленты, представленные разнообразными средствами: наречия, союзы, наречные обороты и др. В большинстве контекстов используются одинаковые способы передачи аддитивной семантики (*к тому же*, *да и*, *кроме того*, а также опущение связующей единицы).

Отобранные для каждой отдельно взятой единицы *en outre*, *de plus*, *en plus* в коннективной функции контексты из двух корпусов использовались для выявления концептуальных

конфигураций аддитивных структур с указанными единицами.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Семантика коннективных аддитивных единиц *en outre*, *de plus*, *en plus* предполагает единственную когнитивную область – пространство. Указанные единицы оформляют совместное существование непроецессуальных или процессуальных сущностей в одном пространстве. Информация, представленная в присоединенных посредством аддитивных единиц *en outre*, *de plus*, *en plus* компонентах, соотносится либо с некоторым элементом, входящим в множество в текущий момент, либо с одним из событий, сосуществующим с другим в текущий момент. На основании общности содержательных и формальных признаков мы выделяем две типовые ситуации отношений, оформляемых коннективными аддитивными единицами *en outre*, *de plus*, *en plus*: сосуществование объектов и сосуществование событий в одном пространстве. Рассмотрим каждую типовую ситуацию отдельно.

Сосуществование объектов. Отличительными смысловыми признаками этой типовой ситуации являются: 1) то, что находится в фокусе внимания говорящего – множество или сам объект; 2) если описывается множество, то каков его объем; 3) каково количественное соотношение элементов множества, обладающих тем или иным свойством¹.

¹Эти и другие смысловые признаки выделяются в толковании русских единиц со схожей семантикой *к тому же*, *кроме того*, *вдобавок* (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003.)

В зависимости от соотношения обозначенных признаков нами разграничиваются три разновидности данной типовой ситуации: новое множество, асимметричные подмножества, свойства объекта.

Новое множество. Единицы *en outre, de plus, en plus* оформляют отношение аддитивности при включении в новое множество нескольких объектов (более двух), принадлежащих к разным другим классам, на основании выделения их общих свойств, например:

4. Mon père a été pendant dix-huit ans chef de service dans cette maison, ainsi que ma mère, vingt-deux ans. **De plus** mon grand-père y a été chef de fabrication en 1880... (A.-M. Garat. *L'enfant des ténèbres*). – Мой отец был управляющим в этом доме восемнадцать лет, как и моя мать, двадцать два года. **Более того**, мой дед работал там заведующим производством в 1880 году...

Формирование нового множества основано на двух общих свойствах субъектов ситуации (*занимать управляющую должность в одном и том же месте и быть родственником*), хотя сами субъекты принадлежат к разным классам (*мужчина – женщина*). Соответственно, исходная, базовая схема сочинительной структуры (рис. 1) имеет модификацию, представленную на рисунке 2, где 1 – *мой отец управляющий*, 2 – *моя мать управляющая*, 3 – *мой дед управляющий*.

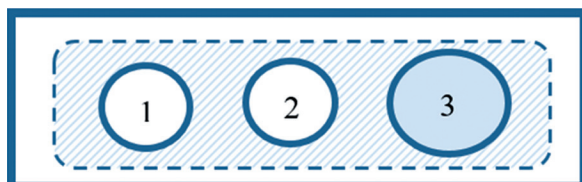

Рис. 3. Модификация 1-й базовой сочинительной структуры

Последний профилируемый компонент структуры, присоединенный аддитивной единицей *de plus*, приводит к формированию нового множества из трех элементов (*отец, мать, дед*), выведенного в фокус, в отличие от высказывания с элиминированной связующей единицей, которое интерпретируется как простое перечисление элементов, не образующих множество. Сравните:

Mon père a été pendant dix-huit ans chef de service dans cette maison, ainsi que ma mère, vingt-deux ans. Mon grand-père y a été chef de fabrication en 1880... – Мой отец был управляющим в этом доме восемнадцать лет, как и моя мать, двадцать два года.

Мой дед работал там заведующим производством в 1880 году...

В контекстах такого рода при выделении двух и более сходств у объектов из разных классов допускается взаимозаменяемость единиц *en outre, de plus, en plus*, выступающих функционально-семантическим эквивалентом соединительного союза *et (и)*, обладающим исключительным свойством образовывать множество, состоящее из однородных элементов.

Асимметричные подмножества. Исследуемые единицы оформляют логико-семантическое отношение аддитивности, когда два класса объектов разных по объему характеризуются противоположным распределением одного и того же действия, состояния или свойства и вместе образуют одно множество.

5. Une trentaine de consommateurs occupaient de petites tables. Quelques uns vidaient des pintes de bière anglaise, d'autres, des brocs de liqueurs alcooliques. **En outre**, la plupart fumaient de longues pipes de terre rouge (J. Verne. *Le tour du monde en quatre-vingt jours*). – Человек тридцать посетителей сидело за маленькими столиками. Одни пили английское пиво, другие предпочитали ликер. **Кроме того**, большинство курило длинные глиняные трубки.

Концептуальная конфигурация аддитивной структуры такого семантического типа представлена на рисунке 3, где 1 – *люди, распивающие слабые алкогольные напитки*, 2 – *люди, распивающие сильные алкогольные напитки*, 3 – *люди, курящие трубку*. Информация, представленная в профилируемом последнем компоненте структуры, введенном аддитивной единицей *en outre*, не позволяет идентифицировать соотношение элементов каждого подмножества относительно того, сколько в нем людей, курящих трубку, относительно пьющих слабые и сильные алкогольные напитки.

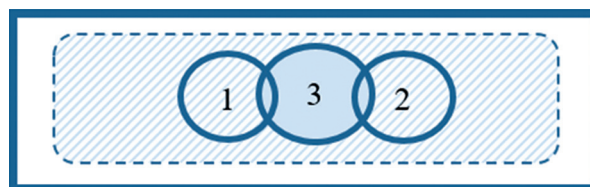

Рис. 4. Модификация 2-й базовой сочинительной структуры

В представленной разновидности типовой ситуации аддитивности из рассматриваемого функционально-семантического ряда используется исключительно коннективная единица *en outre*,

что обусловлено наличием в ее семантической структуре противительного компонента, этимологически восходящего к *лат. ultra*, означающего *de l'autre côté – с другой стороны*¹.

Свойства объекта. Типовая ситуация аддитивности может складываться иначе: указанные единицы могут использоваться в ситуации, в которой информация в присоединенном с их помощью компоненте соотносится со свойствами одного объекта, мыслимого как пространство. При этом единицы *en outre*, *de plus*, *en plus* либо выдвигают на передний план совокупность характерных свойств одного объекта для его идентификации, либо квантифицируют степень распространения на объект того или иного свойства. Так, в примере 6 профилируются существенные свойства субъекта ситуации (*носить бороду, очки и брезентовый плащ*) для установления его сходства с братом, а в примере 7 в фокусе внимания находится неустойчивость красителя.

6. Ça doit être sûrement son frangin, il lui ressemble avec de la barbe, **en plus** il a des lunettes et une belle «bâche» à inscription (*L.-F. Céline. Mort à crédit*). – Это наверняка ее брат, он на нее похож с бородой, **к тому же** у него есть очки и красивый «брезент» с надписью.
7. Tous ces mollusques donnent des tons allant du rouge au noir, en passant par toute la gamme des bleus et des violets. **En outre**, une fois entrée dans les fibres du tissu, la couleur continue d'évoluer (*M. Pastoureau. Bleu. Histoire d'une couleur*). – Цвет, который производят эти моллюски, варьируется от красного до черного, включая все оттенки синего и фиолетового. Вдобавок, уже после того, как краска въедается в волокна ткани, цвет продолжает меняться.

Для данной разновидности типовой ситуации концептуальная конфигурация аддитивной структуры представлена раздельно в двух вариантах на рисунке 4.

При выдвигании существенных свойств объекта (рис. 4а) каждый элемент, содержащий информацию о его свойствах, одинаково значимых для его идентификации, профилируется отдельно (1 – *носить бороду*, 2 – *носить очки*, 3 – *быть одетым в брезентовый плащ*), при профилировании изменяющегося свойства (рис. 4б) каждый этап изменения этого свойства выделяется отдельно: 1 – *изменение цвета*, 2 – *попадание краски в волокна*, 3 – *продолжающееся изменение цвета*².

¹URL: <https://larousse.fr/dictionnaires/francais/>

²См. теорию фокусирования внимания Л. Талми, О. К. Ирисхановой [Talmy, 2000; Ирисханова, 2014].

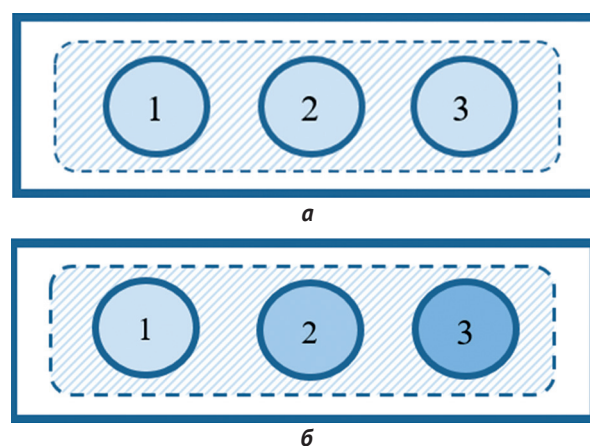

Рис. 4. Модификация 3-й базовой сочинительной структуры

Сосуществование событий. Данная типовая ситуация предполагает развертывание двух сосуществующих событий, одно из которых выступает фоном, другое – выводится в фокус. При этом одно без другого не существует, т. е. речь идет о сопутствовании. Отличительные смысловые признаки этой типовой ситуации сводятся к следующему:

- 1) какой фрагмент ситуации – фоновое или фокусное событие – вводит связующая единица;
- 2) оценивается ли сумма фонового события и фокусного события как нечто значительное;
- 3) какой фрагмент ситуации – фоновое или фокусное событие – оценивается как более значительное.

В зависимости от соотношения обозначенных смысловых признаков выделяются следующие разновидности данной типовой ситуации: асимметрия фоновая, асимметрия фокусная и симметрия аккумулирующая.

Асимметрия фоновая. Коннективные аддитивные единицы *en outre*, *de plus*, *en plus* присоединяют предикативный компонент, репрезентирующий фрагмент ситуации, относящийся к фоновому событию. Неравноправие двух сосуществующих событий следует из того, что фокусное событие добавляется к очень значительному фоновому событию, усиливая при этом его воздействие на общее положение вещей.

8. Que leur importait? ils étaient tourbillon. La bravoure devint inexprimable. **En outre**, ils avaient derrière eux la batterie toujours tonnante. Il fallait cela pour que ces hommes fussent blessés dans le dos (*V. Hugo. Les Misérables*). – Но разве это имело для них значение? Они стали вихрем. Их доблесть перешла границы возможного. А в тылу у

них непрерывно гремела батарея. Вот почему эти люди могли быть ранены в спину.

Концептуальная конфигурация такого семантического типа аддитивной структуры представлена на рисунке 5, где на уже существующее, достаточно масштабное фоновое событие 1 – *батаре́йный гром в тылу* налагается на усиливающее его фокусное событие 2 – *героически сражаться*.

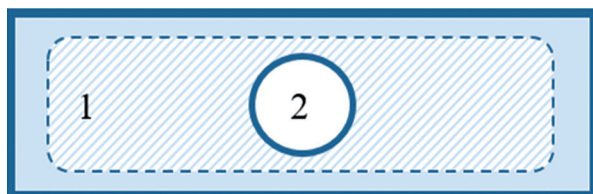

Рис. 5. Модификация 4-й базовой сочинительной структуры

Асимметрия фокусная. Коннективные аддитивные единицы *en outre*, *de plus*, *en plus* присоединяют предикативный компонент, репрезентирующий фрагмент ситуации, относящийся к фокусному событию. Предполагается, что более масштабное фокусное событие добавляется к менее значительному, а иногда незначительному фоновому событию.

9. Des erreurs commises par Napoléon dans son appréciation des données diplomatiques et militaires, il est en revanche plus rarement question. **En outre**, l'historiographie française a préféré garder le silence sur des sujets tabous, dont les cas d'anthropophagie (M.P.Rey. *L'Éfroyable tragédie...*). – А вот об ошибках Наполеона в оценке дипломатических и военных сведений речь идет гораздо реже. **Кроме того**, французская историография предпочитала хранить молчание по поводу запретных тем, например, случаев антропофагии.

Концептуальная конфигурация такого семантического типа аддитивной структуры представлена на рисунке 6, где к незначительной фоновой ситуации 1 – *замалчивать ошибки Наполеона* добавляется значительная фокусная ситуация 2 – *запрет на упоминание случаев антропофагии*.

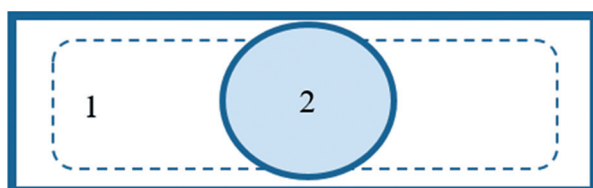

Рис. 6. Модификация 5-й базовой сочинительной структуры

В контекстах такого рода в большинстве случаев используется аддитивная единица *en outre*, профилирующая фокусное событие как один из частных случаев, отличающийся своей значимостью.

Симметрия аккумулирующая. Равноправие сосуществующих событий следует из того, что каждое из них одинаково важно для цельного восприятия сложившегося положения вещей. Сначала сообщается о серии сосуществующих событий, затем добавляется информация о существовании еще одного или нескольких. При этом интерпретация каждого события по отдельности не допустима. Все перечисленные синтаксические компоненты, репрезентирующие те или иные события, вместе представляют нечто значительное, превышающее собой какие-то ожидания или норму.

10. Mes yeux gonflaient, et la peau de la figure me brûlait. Ces phénomènes m'ont tenu éveillé toute la nuit. Ce matin, sous mes yeux, des rides profondes forment un bourrelet de l'une à l'autre. **En outre**, ma main droite me torturais entre les doigts. Mes aisselles ne me laissaient pas tranquille. Voilà le programme du désastre (J. Cocteau. *Difficulté d'être*). – Глаза заплывали, а кожа на лице горела. Ночь я провел без сна. К утру под глазами валиками легли глубокие складки. **Кроме того**, между пальцами правой руки у меня по-прежнему сильнейший зуд. Да и подмышки не дают житья. Вот полный отчет о моем состоянии.

Концептуальная конфигурация такого семантического типа аддитивной структуры представлена на рисунке 7, где каждый отдельно профилируемый фрагмент ситуации (1 – *вздутие век*, 2 – *жжение кожи*, 3 – *бессонная ночь*, 4 – *зуд между пальцами* и т. п.) одинаково значим для интерпретации общей ситуации (плачевное состояние здоровья субъекта ситуации).

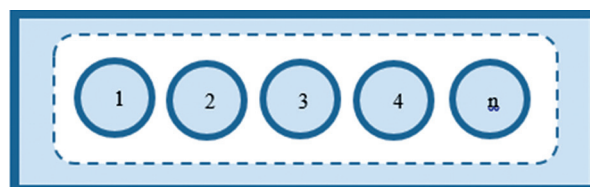

Рис. 7. Модификация 6-й базовой сочинительной структуры

При выделении совместно существующих равноправных фрагментов общей ситуации допускается использование всех трех единиц, выступающих функционально-семантическим эквивалентом соединительного союза *et* и, обладающим исключительным свойством соединять перечисляемые ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование конвенциональной символизации концептуального содержания рассмотренных аддитивных структур с единицами *en outre, de plus, en plus*, представленной в виде ряда модификаций базовой схемы сочинительной структуры, позволило в зависимости от реализации определенных смысловых признаков (разное соотношение объектов, образующих множество, и разное

соотношение фонового и фокусных событий) дифференцировать множественные связи между разнообразными совместно воспринимаемыми фрагментами внеязыковой действительности, которые могут быть симметрично или асимметрично соположены в линейной структуре компонентов аддитивной структуры и (не-)равнозначны как по статусу, так и по их роли в структурах более высокого уровня.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Langacker R. W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2008.
2. Geeraerts D., Cuypkens H. Introducing Cognitive Linguistics // Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 188–213.
3. Grevisse M. (ed.), Fairon C., Simon A.-C. Le petit Bon Usage de la langue française. Grammaire. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur, 2018.
4. Овсейчик Ю. В. Система единиц сочинения французского языка в диахронии. Минск: МГЛУ, 2023.
5. Зализняк А. А. О месте категории присоединения в описании коннекторов русского языка // Сопоставительно языковедение. 2017. № 4. С. 21–34.
6. Инькова О. Коннекторы русского языка с формантом *при*: корпусное исследование // Russ Linguist. 2018. Vol. 42. № 2. P. 159–190.
7. Inkova O. La corrélation en russe: Structures et interprétations. Berne: Peter Lang, 2014.
8. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.
9. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

REFERENCES

1. Langacker, R. W. (2008). Cognitive Grammar: A Basic Introduction. Oxford : Oxford University Press.
2. Geeraerts, D., Cuypkens H. (2007). Introducing Cognitive Linguistics. Handbook of Cognitive Linguistics (pp. 188–213). Oxford : Oxford University Press.
3. Grevisse, M. (2018). Le petit Bon Usage de la langue française. Louvain-la-Neuve : De Boeck Supérieur.
4. AUSEICHYK, Yu. V. (2023). Sistema edinits sochineniya frantsuzskogo yazyka v diakhonii = System of French coordination units in diachrony. Minsk: MSLU. (In Russ.).
5. Zaliznyak, A. A. (2017). O meste kategorii prisoedinenie v opisani konnektorov russkogo yazyka = About the place of the addition category in the description of Russian language connectors. S'postavitelno ezikoznanie = Comparative Linguistics, 4, 21–34. (In Russ.)
6. Inkova, O. (2018). Konnektory russkogo yazyka s formantom pri: korpusnoe issledovanie. = Connectors in Russian with the element *pri*: a corpus-based study. Russ. Ling., 42(2), 159–190. (In Russ.)
7. Inkova, O. (2014). La corrélation en russe: Structures et interprétations. Berne: Peter Lang.
8. Talmy, L. (2000). Toward a Cognitive Semantics. Cambridge, MA: MIT Press.
9. Iriskhanova, O. K. (2014). Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya = Language focus games. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Овсейчик Юлия Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики
Минского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Auseichyk Yulija Vlodimirovna
PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Theoretical and Applied Linguistics Department
Minsk State Linguistic University,

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	10.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	03.08.2024	
	06.08.2024	

Научная статья
УДК 81'33:811.112.2

Репрезентация сферы «культура и искусство» в корпусе современных средств массовой информации ФРГ

О. И. Писарик

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ksyfrolova93@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – выявить контексты употребления компонентов семантического ряда «культура и искусство» в современных немецких СМИ. В качестве материала применяются оригинальные тексты актуальных новостных статей газеты «Вестдойче альгемайне цайтунг». Основными методами работы являются корпусный анализ и контекстуальный анализ. Были отобраны девять лексем, а также единицы, в которых эти лексемы выступают как компоненты сложного слова. В результате на примере леммы «Kunst» было показано, что контексты тяготеют к нетрадиционным видам искусства, имеют место как абстрактные рассуждения, так и описания конкретных событий. Дополнительно были продемонстрированы возможности программного обеспечения, позволяющего осуществлять поиск практически в полностью автоматическом режиме.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, корпусная лингвистика, язык СМИ, немецкий язык, Вестдойче альгемайне цайтунг, культура и искусство

Для цитирования: Писарик О. И. Репрезентация сферы «культура и искусство» в корпусе современных средств массовой информации ФРГ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 76–82.

Original article

Representation of the Sphere “Culture and Arts” in the Corpus of Modern Germany Media

Oxana I. Pisarik

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ksyfrolova93@gmail.com

Abstract. The purpose of the study is to identify the contexts of the use of the components of the semantic series “culture and art” in modern German media. The original texts of current news articles of the newspaper “Westdeutsche Allgemeine Zeitung” are used as material. The main methods of the research are corpus analysis and contextual analysis. Nine lexemes are selected, as well as units in which these lexemes act as components of a complex word. As the result, using the example of the ‘Kunst’ lemma, it is shown that contexts tend towards non-traditional types of art, both abstract reasoning and descriptions of specific events are to be found. Additionally, the capabilities of the software are demonstrated, which allows searching in almost fully automatic mode.

Keywords: applied linguistics, corpus linguistics, language of the media, German, Westdeutsche Allgemeine Zeitung, culture and arts

For citation: Pisarik, O. I. (2024). Representation of the sphere “culture and arts” in the corpus of modern Germany media. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 76–82. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследования, объектом которых выступают тексты средств массовой информации (далее СМИ), являются чрезвычайно актуальными, поскольку язык прессы отражает смыслы, транслируемые обществу в данный период времени. Анализ содержания медийных публикаций позволяет понять широкий политический и социальный контекст, существующий в рамках того или иного государства, определить векторы его развития, по крайней мере, в ближайшей перспективе.

Интерпретация текстов СМИ с точки зрения используемых языковых средств, т. е. с позиции лингвистики, дает возможность распознать скрытые смыслы, а применение методов компьютерной лингвистики позволяет значительно повысить точность получаемых результатов.

Об *актуальности* настоящего исследования также свидетельствует значительное количество научных публикаций, посвященных проблеме языка СМИ. В частности, ученых интересуют особенности синтаксиса [Напольнова, Верховая, 2023]; семиотический и аксеологический аспекты [Бондарчук, 2024; Бредихин, 2024]; статистические параметры [Горожанов, Красикова, 2024; Степанова, 2023]; использование заимствований [Гуляева и др., 2021]; стилистические особенности [Брусенская, Куликова, 2022]; явление диалогизации [Каменский и др., 2024]; а также средства формирования образа отдельных персоналий, локаций и событий [Русакова, 2024; Виниченко, Петрова, 2023; Гусейнова, Горожанов, 2023].

Материалом исследования нами выбран массив текстов газеты «Вестдойче альгемайне цайтунг» (нем. Westdeutsche Allgemeine Zeitung), собранных в августе-сентябре 2024 года и преобразованных посредством специального программного обеспечения¹ в малый сбалансированный лингвистический корпус [Горожанов, Степанова, 2022]. Здесь под «малым» мы понимаем объем корпуса менее 1 млн единиц, поскольку полученный корпус содержит 181 106 токенов.

Выбор материала обусловлен важностью издания, которое является крупнейшей региональной ежедневной газетой ФРГ² и нередко оказывается в фокусе актуальных исследований [Зорина, 2024; Нефедова, 2023; Овсянникова, Северина, 2023].

¹Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023683209 Российская Федерация. «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» № 2023682269: заявл. 25.10.2023; опубл. 03.11.2023 / А. И. Горожанов; заявитель федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет». – EDN JHFXUV

²URL: https://old.bigenc.ru/political_science/text/4097163

Новизна предлагаемой работы состоит в том, что процедура анализа контекстов, посвященных сфере культуры и искусства, впервые проводится практически в автоматическом режиме, включая стадию сбора текстового массива, его преобразования в сбалансированный лингвистический корпус и получения контекстов для последующей «мысленной интерпретации» [Горожанов, Гусейнова, 2021, с. 45]. Тем самым в *практическом* отношении формируется новый метод анализа заданной тематической группы путем многоступенчатого процесса работы с исходным текстовым материалом вне зависимости от его объема.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи*:

- 1) собрать массив текстов газеты «Вестдойче альгемайне цайтунг» и преобразовать его в сбалансированный лингвистический корпус;
- 2) произвести автоматический поиск контекстов, содержащих лексемы из семантического ряда «культура и искусство»;
- 3) провести интерпретацию полученных контекстов.

В качестве дополнительной задачи укажем тестирование программного обеспечения «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер».

ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

В рамках решения первой задачи нами был осуществлен сбор языкового материала – текстов статей, опубликованных на официальном веб-сайте газеты «Вестдойче альгемайне цайтунг». При этом нами было принято решение не ограничиваться только рубриками «культура» или «досуг» (нем. «Kultur», «Freizeit»), но и охватить все темы выпусков, которые доступны читателю без абонентской подписки: «политика», «экономика», «спорт» (нем. «Politik», «Wirtschaft», «Sport») и др.

Собранный текстовый материал был преобразован в корпус объемом 181 106 токенов или 11 341 предложение, что является относительно хорошими показателями для также небольшого периода времени август – сентябрь 2024 года.

Далее необходимо было определить состав семантического ряда «культура и искусство» для осуществления поиска конкретных лексем (или лемм в терминологии корпусной лингвистики).

В рамках настоящего исследования были выбраны: *Kultur* (культура), *Kunst* (искусство), *Musik* (музыка), *Museum* (музей), *Konzert* (концерт), *Gemälde* (картина), *Foto* (фотография), *Theater* (театр), *Oper* (опера). Малочисленность рассматриваемых

лексем обусловлена рамками настоящего исследования, которое не позволяет нам рассмотреть весь семантический ряд «культура и искусство» в самых мелких деталях. Однако указанный набор является, на наш взгляд, достаточным для анализа ключевых компонентов и демонстрации технологии в целом.

Общий поиск по указанным леммам выдал 108 упоминаний в 101 предложении (см. табл. 1):

Таблица 1

Распределение найденных лемм в корпусе

Лемма	Количество упоминаний
Foto	19
Musik	18
Museum	18
Kunst	11
Konzert	9
Kultur	8
Theater	5
Gemälde	0
Oper	0

Мы видим, что «картина» и «опера» не были упомянуты ни разу, а максимальные показатели имеют «фотография», «музыка» и «музей».

Поскольку выбранные леммы, в силу особенностей словообразования немецкого языка, могут выступать в качестве компонентов сложных слов или являться основой другого слова, то нами был произведен соответствующий поиск.

Например, для *Oper* были дополнительно найдены употребления *Operngebäude* (здание оперного театра) и *Pferde-Operette* (~лошадиная оперетта).

Приведем ниже все результаты такого поиска в прежнем порядке следования (см. табл. 2):

Таблица 2

Распределение найденных лемм в корпусе

Лемма	Количество упоминаний
Foto:	19
Foto-Modus	1
Foto-Branche	1
Fotoapparat / Fotokamera	2
Fotograf	13
Fotografieren	1
Fotografiska	4

Лемма	Количество упоминаний
Foto-Händler	2
Fotostudio	7
Foto-Terminal	1
Fotowand	1
Итого:	33
Musik	18
Musiker	8
Musikbar	1
Musikbegeisterte	1
Musikgruppe	1
Musik-Kosmos / Musikwelt / Musikszene	3
Musiklegende / Musikstar	2
Musikpavillon	1
Musikveranstaltungen	1
Musik-Streamingdienst	1
Musikstil	1
Итого:	20
Museum	18
Cartoonmuseum	1
Comic-Museum	4
Dampflok-museum	1
Eisenbahnmuseum	5
Feldbahnmuseum	1
Industriemuseum	2
Kunstmuseum	3
Landesmuseum	1
Mini-Museum	1
Museumszug	9
Итого:	28
Kunst	11
Handwerkskunst	1
Konzeptkunst	1
Kunstprodukt	1
Kunstzentrum	1
Kunstformen	1
Kunstgattung	1
Kunsthalle / Kunsthaus	2
Kunsth Handwerk / Kunstwerk	4
Kunstprojekt	1
Kunstsammlung	1
Lichtkunstfestival	1
Итого:	15

Лемма	Количество упоминаний
Konzert	9
Konzerthaus	2
Konzert-Reihe	2
Konzertsaal / Konzerthaus / Konzertarene	4
Konzerterlebnis / Konzertereignis	2
Итого:	19
Kultur	8
Hochkultur	1
Industriekultur	3
Kulturangebot	1
Kulturevent	1
Kulturgeschichte	1
Kulturhauptstadtjahr	1
Kultur-Kastellan	1
Kulturküche	1
Kulturprodukt	1
Kulturregion	1
Kulturstiftung	1
Kulturzentrum	1
Popkultur	5
Steinzeitkultur	1
Willkommenskultur	1
Итого:	11
Theater	5
Theaterstück	2
Theaterton	1
Theater-Marathon	1
Theatergott	1
Theaterdonner	1
Theaterkarriere	1
Realtheater	1
Итого:	13
Gemälde	0
Итого:	0
Oper	0
Operngebäude	1
Pferde-Operette	1
Итого:	2

В результате лексема *картина* не была обнаружена ни в каком варианте, в то время как остальные леммы показали продуктивное словообразование и выступили компонентами для ряда сложных слов,

причем в числе «лидеров» по критерию разнообразия оказались «культура», «искусство» и «музей». Рассмотрим непосредственно полученные контексты на примере леммы *Kunst (искусство)*.

Из 29 зафиксированных употреблений два связаны с фотовыставкой «Fotografiska»¹, одно связано с фестивалем «светового искусства» «Lichtkunst-festival», еще по одному – с выставкой в Дюссельдорфе, посвященной Йоко Оно, и театральным марафоном в Лос-Анджелесе. Также фиксируются общие «рассуждающие» контексты, например:

Bildende Kunst könne eine inspirierende Quelle für das Entstehen von Geschichten und Bewegung sein. – Изобразительное искусство может быть вдохновляющим источником для создания историй и направлений².

Wie kann Kunst zu den Menschen kommen? – Как искусство может прийти к человеку?

Im Gegensatz zu den großen Dramen galten die meisten Genrefilme eher als Kunst zweiter Klasse oder zumindest als die anspruchslosere Unterhaltung. – В противоположность великим драмам фильмы на бытовые сюжеты считались скорее искусством второго сорта или, по меньшей мере, развлечением для более непритязательного зрителя.

Единичные случаи являются формальными упоминаниями о событиях, их организаторах и спонсорах:

Das Projekt wird ermöglicht durch die Kunst- und Kulturstiftung Mülheim an der Ruhr in Kooperation mit dem Verein Realtheater und Bühne. – Этот проект реализуется благодаря поддержке фонда искусства и культуры Мюльгейма на Руре, а также Общества реального театра и сцены.

Остальные употребления касаются конкретных культурных событий, например, выставки комиксов в Дортмунде:

Das Ruhrgebiet würde sich dabei als Standort gut eignen, überlegt Braun: Es ist ideal, um eine Lanze für eine Kunstform zu brechen, die immer alle im Blick hatte: Der Comic ist ein durch und durch demokratisches Medium. – Рурская область хорошее место, считает Браун: «Она идеальна для того, чтобы оказать поддержку той форме искусства, о которой всегда все думали: комиксы – это в высшей степени демократичный жанр».

¹URL: <https://www.fotografiska.com>

²Зд. и далее перевод примеров на русский язык наш. – О. П.

Formal ist der Schauraum Comic dem Museum für Kunst- und Kulturgeschichte angeschlossen und wird mit der Stadt- und Landesbibliothek Dortmund organisiert. – Экспозиция комиксов формально присоединена к Музею искусства и истории культуры и организована городской и земельной библиотекой Дортмунда.

Das Ziel war eine seriöse Verbreitung der Kunstgattung Comic. – Целью являлось серьезное распространение комикса как вида искусства.

В целом контексты говорят скорее о инновационных формах искусства, чем о классических, например:

Mit dem Projekt bietet das Kunstmuseum neue Rezeptionsansätze an, die unterschiedliche Kunstformen vereinen und den Raum für kreative Ausdrucksmöglichkeiten erweitern. – Этим проектом музей искусств формирует новый подход к восприятию, который объединяет различные формы искусства и расширяет пространство для креативного самовыражения.

Die Teilnehmerinnen und Teilnehmer begegnen der Kunst tanzend, sie entwickeln – inspiriert von einigen ausgewählten Exponaten aus der Ausstellung – Bewegungsfolgen und eine Choreographie. – Посетители встречают искусство танцуя, они разучивают – вдохновленные некоторыми экспонатами выставки – последовательность движений и учатся хореографии.

Заметим, что многие лексемы из рассмотренного семантического ряда пересекаются в пределах одних и тех же контекстов, что не удивительно, например, «искусство», «культура», «фотография» и «музей».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы извлекли из текстового массива, преобразованного в малый сбалансированный лингвистический корпус, контексты употребления некоторых единиц семантического ряда «культура и искусство» и проанализировали содержание контекстов леммы «искусство».

Все этапы исследования проводились преимущественно в автоматическом режиме благодаря применению специализированного программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер», разработанного в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета.

Указанное программное обеспечение позволило не только провести поиск по «чистым» леммам, но также найти лексемы, в которых исходные леммы являются составными компонентами, находясь в начале, в конце или внутри слова (*Kunsthalle*, *Handwerkskunst*, *Lichtkunstfestival*).

В перспективе возможно более детальное обращение к каждому из компонентов семантического ряда «культура и искусство».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Напольнова Е. М., Верхова К. А. Синтаксис языка СМИ в контексте исторического развития турецкого литературного языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. № 1. С. 73–87. DOI 10.21638/spbu13.2023.105. EDN DLYFKZ.
2. Бондарчук Г. Г. Семиотические функции английских наименований одежды в публицистическом тексте (корпусное исследование) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 4 (885). С. 23–29. EDN BXILCR.
4. Бредихин С. Н., Каменский М. В., Шибкова О. С. Новые медиа в процессе модификации концептуально-валерного пространства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 2. С. 107–111. EDN XHTUDA.
5. Горожанов А. И., Красикова Е. А. Получение значимых данных из неподготовленного текста путем его автоматической обработки авторскими лингвистическими инструментами (на материале электронных китайских СМИ) // Вопросы прикладной лингвистики. 2024. № 54. С. 115–138. DOI 10.25076/vpl.54.05. EDN GGUQXL.
5. Степанова Д. В. Программный комплекс для генерации динамического корпуса текстов СМИ // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2023. № 6 (127). С. 123–130. EDN FMBTKO.
6. Гуляева Е. В., Денисенко М. В., Никитина И. С. Употребление заимствований в современных СМИ: коммуникативные риски // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 1. С. 146–157. DOI 10.15688/jvolsu2.2021.1.12. EDN XXLBN.

7. Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Анималистическая метафора в современном политическом медиадискурсе // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2022. № 6. С. 87–108. DOI 10.30547/vestnik.journ.6.2022.87108. EDN LQJDYD.
8. Каменский М. В. и [др.]. Потенциал дискурсных маркеров диалогичности медиатекста в СМИ / М. В. Каменский, С. Н. Бредихин, О. С. Шибкова, Т. В. Марченко // Вопросы журналистики. 2024. № 15. С. 71–89. DOI 10.17223/26188422/15/5. EDN JIXBQD.
9. Русакова Ю. Е. Реконструкция медиаобраза Омска на основе текстов региональных СМИ и коммуникации интернет-пользователей // Политическая лингвистика. 2024. № 3 (105). С. 108–116. EDN NOPRWG.
10. Виниченко Л. Г., Петрова Е. И. Медийная презентация образа канцлера Германии Олафа Шольца в современных СМИ (на материале публикаций журнала «Spiegel») // Политическая лингвистика. 2023. № 3(99). С. 38–46. EDN NOBBKI.
11. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 6. С. 911–920. EDN HZMXIN.
12. Горожанов А. И., Степанова Д. В. Интерпретация художественного произведения: корпусный подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 1. С. 203–208. DOI 10.30853/phil20220020. EDN TCZLAF.
13. Зорина А. В. Метафора как продуктивное средство вербализации эмоций в политическом дискурсе Германии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 4. С. 1026–1031. DOI 10.30853/phil20240149. EDN BVNSMO.
14. Нефедова Л. А. Новый образ женщины во фразеологии современного немецкого языка // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 163–173. DOI 10.20323/2499_9679_2023_3_34_163. EDN SVDGZG.
15. Овсянникова А. А., Северина Е. А. Феномен эвокативности в медиальном и театральном видах дискурса в эпоху цифровизации // Междисциплинарные проблемы человеко-машинного взаимодействия: Сборник научных статей. М.: ОнтоПринт, 2023. С. 115–126. EDN SEGTPQ.
16. Горожанов А. И., Гусейнова И. А. Прикладные аспекты анализа и интерпретации текстов (на материале немецкого и русского языков). Казань: Бук, 2021. ISBN 978-5-00118-759-2. EDN UNZHVK.

REFERENCES

1. Napolnova, E. M., Verkhova, K. A. (2023). Syntax of mass media language in the context of historical development of Turkish literary language. Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African studies, 15(1), 73–87. 10.21638/spbu13.2023.105. EDN DLYFKZ. (In Russ.)
2. Bondarchuk, G. G. (2024). Semiotic functions of English clothing names in a journalistic text (corpus-based study). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(885), 23–29. EDN BXILCR. (In Russ.)
3. Bredikhin, S. N., Kamensky, M. V., Shibkova, O. S. (2024). New media in the process of conceptual value space modification. Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, 2, 107–111. EDN XHTUDA. (In Russ.)
4. Gorozhanov, A. I., Krasikova, E. A. (2024). Obtaining meaningful data from an unprepared text by automatically processing with author's linguistic tools (based on the material of electronic Chinese media). Issues of applied linguistics, 54, 115–138. 10.25076/vpl.54.05. EDN GGUQXL. (In Russ.)
5. Stepanova, D. V. (2023). Software package for generating a dynamic media texts corpus. Minsk State Linguistic University bulletin. Series 1. Philology, 6(127), 123–130. EDN FMBTKO. (In Russ.)
6. Gulyaeva, E. V., Denisenko, M. V., Nikitina, I. S. (2021). Communicative risks related to unjustified use of borrowings in modern media. Science journal of Volgograd State University. Linguistics, 20(1), 146–157. 10.15688/jvolsu2.2021.1.12. EDN XXLBN. (In Russ.)
7. Brusenskaya, L. A., Kulikova, E. G. (2022). Animalistic metaphor in the modern political media discourse. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika, 6, 87–108. 10.30547/vestnik.journ.6.2022.87108. EDN LQJDYD. (In Russ.)
8. Kamensky, M. V., Bredikhin, S. N., Shibkova, O. S., Marchenko, T. V. (2024). Potential of dialogization discourse markers of the media text in mass media. Russian journal of media studies, 15, 71–89. 10.17223/26188422/15/5. EDN JIXBQD. (In Russ.)
9. Rusakova, Yu. E. (2024). Reconstruction of the media image of Omsk based on texts from regional media and communication of internet users. Political linguistics, 3(105), 108–116. EDN NOPRWG. (In Russ.)

10. Vinichenko, L. G., Petrova, E. I. (2023). The media presentation of German chancellor Olaf Scholz in today's media (based on publications in der Spiegel). *Political linguistics*, 3(99), 38–46. EDN NOBBKI. (In Russ.)
11. Guseinova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 16(6), 911–920. EDN HZMXIN. (In Russ.)
12. Gorozhanov, A. I., Stepanova, D. V. (2022). Work of fiction interpretation: corpus approach. *Philology. Theory & Practice*, 15(1), 203–208. 10.30853/phil20220020. EDN TCZLAF. (In Russ.)
13. Zorina, A. V. (2024). Metaphor as a productive means of verbalizing emotions in the political discourse of Germany. *Philology. Theory & Practice*, 17(4), 1026–1031. DOI 10.30853/phil20240149. EDN BVNSMO. (In Russ.)
14. Nefedova, L. A. (2023). The new image of a woman in the modern German phraseology. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 3(34), 163–173. 10.20323/2499_9679_2023_3_34_163. EDN SVDGZG. (In Russ.)
15. Ovsyannikova, A. A., Severina, E. A. (2023). The phenomenon of evocativeness in the media and theatrical types of discourse in the era of digitalization. *Mezhdistsiplinarnye problemy cheloveko-mashinnogo vzaimodeistviya = Interdisciplinary issues of human-machine interaction* (pp. 115–126): Proceedings of a scientific conference. Moscow: OntoPrint. EDN SEGTPO. (In Russ.)
16. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A. (2021). *Prikladnye aspekty analiza i interpretatsii tekstov (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov) = Applied aspects of text analysis and interpretation (based on German and Russian languages)*. Kazan: Buk. ISBN 978-5-00118-759-2. EDN UNZHVK. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Писарик Оксана Ивановна

младший научный сотрудник

лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pisarik Oxana Ivanovna

Junior Researcher

at the Laboratory for Fundamental and Applied Issues of Virtual Education

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.07.2024
30.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Применение модели усилий Даниэля Жилия к исследованию синхронного перевода в языковой паре «турецкий – русский» с целью выработки продуктивных переводческих стратегий

А. А. Саркисян

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sarkisyan.theinterpreter@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуются переводческие трудности, с которыми сталкиваются синхронные переводчики, работающие в языковой паре «турецкий – русский», и ставит целью предложить продуктивные стратегии перевода на основании природы их происхождения. В поиске способов преодоления таких трудностей автор приводит «модель усилий» Даниэля Жилия, в основе которой лежит понятие «усилия», как основного переводческого ресурса. Исследование проводится на материале выступлений официальных лиц Турецкой Республики. Делается вывод о причинах появления основных трудностей и их влиянии на распределение переводческого «усилия» при помощи вышеуказанной модели, а также даются рекомендации о применении переводческих стратегий и тактик.

Ключевые слова: синхронный перевод, турецкий язык, переводческая стратегия, модель усилий, тюркские языки

Для цитирования: Саркисян А. А. Применение модели усилий Даниэля Жилия к исследованию синхронного перевода в языковой паре «турецкий – русский» с целью выработки продуктивных переводческих стратегий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 83–89.

Original Article

The Application of Daniel Gile's Effort Model to the Research of Simultaneous Interpretation in the Turkish – Russian Language Combination with a View to Work Out Productive Interpreting Strategies

Aleksandr A. Sarkisyan

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sarkisyan.theinterpreter@yandex.ru*

Abstract: In this article, the author aims to explore the translation difficulties faced by simultaneous interpreters working in the Turkish-Russian language combination and to propose effective translation strategies based on their nature. In searching for ways to overcome such difficulties, the author provides an “effort model” proposed by Daniel Gile based on the notion of “effort” as the

interpreter's main resource. The study is conducted on the material of speeches of officials of the Republic of Turkey. In conclusion, the author identifies the causes of the main difficulties and their impact on the distribution of translation "effort" by means of the above mentioned model, and on their basis gives recommendations on the application of translation strategies and tactics.

Keywords: simultaneous interpretation, Turkish language, interpreting strategy, efforts model, Turkic languages

For citation: Sarkisyan, A. A. (2024). The application of Daniel Gile's effort model to the research of simultaneous interpretation in the Turkish – Russian language combination with a view to work out productive interpreting strategies. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(892), 83–89. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Синхронный перевод, считающийся одним из сложнейших видов переводческой деятельности, зародился в середине XX века и стал активно использоваться в международных отношениях с образованием Организации Объединенных Наций. Развиваясь, синхронный перевод перестал быть атрибутом исключительно международной политики и дипломатии и проник в такие сферы, как экономика, культура, промышленность, технологии, образование и т. д., в которых стал необходимым элементом интернационализации. Помимо проникновения в новые сферы, синхронный перевод также начал использоваться в новых языковых парах. Спустя несколько лет данный вид перевода обратил на себя внимание ученых и стал объектом экспериментальных исследований. Его изучение продолжалось достаточно активно вплоть до конца XX века. Однако с начала нового столетия в изучении синхронного перевода наблюдается серьезный спад [Конина, Черниговская, 2018]. Специалисты связывают это с самой сущностью данного вида перевода, которая обуславливает ряд методологических сложностей при исследованиях. Например, нет четкого понимания, какой когнитивный механизм является ведущим при переводе.

На протяжении всей истории исследования синхронного перевода учеными предпринимались попытки моделирования процесса работы переводчиков. Хотя на данный момент считается, что всеобъемлющей модели синхронного перевода нет, с 1970-х годов ученые, обобщая теоретические разработки, выдвигали свои модели механизмов синхронного перевода, рассматривающие этот процесс с разных позиций. В данной статье речь пойдет о «модели усилий», предложенной французским лингвистом Даниэлем Жилем, и о ее применении при исследовании синхронного перевода в языковой паре «турецкий – русский» [Gile, 1995].

Актуальность исследования, представленного в статье, заключается в том, что, несмотря на

очевидную практическую необходимость, значительно повысившуюся за последнее десятилетие, синхронный перевод в данной языковой паре считается трудновыполнимым вследствие значительных различий в структуре двух языков. Соответственно, среди переводчиков нет четкого понимания эффективных стратегий и тактик перевода, а теоретическая база, равно как и методическая (программы подготовки и учебные пособия, разработанные специально с учетом специфики данной языковой пары) для подготовки новых переводчиков в вышеназванной языковой комбинации (в сравнении с такими языковыми парами, как «русский – английский», «русский – французский» и др.) по-прежнему мала.

В рамках данного исследования были поставлены следующие задачи:

- проанализировать и систематизировать переводческие трудности, выявленные в результате изучения выступлений официальных лиц Турецкой Республики;
- изучить основы «модели усилий» Даниэля Жила и дать оценку выявленным трудностям с точки зрения затраченного «переводческого ресурса»;
- выявить, на какой из стадий перевода происходит чрезмерное расходование «переводческого ресурса»;
- на основании полученных результатов предложить способы эффективного преодоления переводческих трудностей и сбалансированного распределения ресурсов в процессе перевода.

По нашему мнению, изучив процесс синхронного перевода в языковой паре «турецкий – русский» с позиции «модели усилий», мы получим ключ к пониманию сущности трудностей, с которыми сталкиваются переводчики при работе в данной языковой комбинации, и сможем лучше понять, с помощью каких способов возможно упростить процесс и повысить качество работы переводчика.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ «МОДЕЛИ УСИЛИЙ»

Даниэль Жиль – французский лингвист, почетный профессор школы перевода ESIT (Ecole Supérieure d'Interprètes et de Traducteurs) при Университете Париж III Новая Сорбонна, а также практикующий конференц-переводчик, член Международной ассоциации переводчиков конференций (AIIC). Жилю принадлежат научные статьи, книги и монографии, в которых рассматриваются когнитивные процессы при устном переводе, а также вопросы дидактики перевода. Видное место среди его исследований занимает изучение распределения усилий переводчика при синхронном переводе, обобщенное в виде «модели усилий». Впервые модель упоминается в работах ученого в 80-е годы прошлого века.

Согласно модели Жилья, синхронный перевод можно разложить на несколько операций, каждая из которых требует определенных усилий, а именно:

- прослушивание и анализ (Listening and Analysis – далее **L**);
- краткосрочное запоминание / работа краткосрочной памяти (Short Term Memory – **M**);
- воспроизведение перевода (Production – **P**);
- Координация, необходимая для объединения вышеперечисленных усилий (Coordination – далее **C**).

Д. Жиль утверждает, что операции, составляющие процесс синхронного перевода, не являются автоматическими и не могут быть автоматизированы, и следовательно, требуют усилий от переводчика. В зависимости от потока речи эти операции могут происходить поочередно, а могут наслаиваться друг на друга, так как при синхронном переводе (далее в схеме обозначен как SI) «как минимум часть времени переводчик слушает текст, обдумывает перевод и воспроизводит его одновременно» [Gile, 1995, с. 161].

Суммируя данные операции, Жиль формулирует следующую схему:

$$SI = L + M + P + C$$

В зависимости от сложности текста на каждой из стадий перевода возникают требования (на схеме ниже и далее обозначены буквой R) к выделению переводчиком ресурса внимания. Таким образом, требования к выделению ресурса внимания на этапах прослушивания и анализа высказывания, краткосрочного запоминания и воспроизведения перевода формируют общее требование к выделению ресурса внимания [Gile, 2023].

$$R(SI) = R(L) + R(M) + R(P) + R(C)$$

Согласно модели Даниэля Жилья, синхронный переводчик обладает ограниченным запасом ресурса внимания (упоминается автором как attentional resources / available processing capacity, далее **A**), который, в зависимости от особенностей прослушиваемого текста, распределяется на несколько операций, каждая из которых требует определенных усилий. Перевод производится успешно, когда на каждом отдельном этапе и в сумме ресурс внимания переводчика равен или превышает требования к выделению этого ресурса [Gile, 1995].

$$R \leq A$$

$$R(L) \leq LA$$

$$R(M) \leq MA$$

$$R(P) \leq PA$$

Сложности на одной из стадий могут привести к чрезмерной концентрации внимания на ней. В результате у переводчика остается меньше свободных усилий на другие операции, что влечет за собой снижение качества перевода.

Таким образом возможны два варианта развития ситуации.

Первый вариант: переводчик успешно справляется с дешифровкой полученного сообщения, но оставляет меньше ресурса внимания на обработку, запоминание и перевод того же высказывания, что может повлечь за собой ошибки или опущения;

Второй вариант: переводчик не полностью справляется с дешифровкой сообщения, но сохраняет достаточно ресурса для запоминания, обработки и воспроизведения перевода той части, которая была понята переводчиком.

Следует отметить, что, по мнению Жилья, такая модель распределения усилий будет актуальна как для начинающих переводчиков, так и для опытных. Именно с помощью нее автор объясняет ошибки опытных переводчиков даже при работе со знакомыми текстами [Gile, 1995].

АНАЛИЗ ВОЗМОЖНЫХ ТРУДНОСТЕЙ ПРИ СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ С ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ПРИ ПОМОЩИ МОДЕЛИ УСИЛИЙ

Рассуждая о своей модели усилий, Даниэль Жиль отмечает ее способность объяснять повторяющиеся трудности в синхронном переводе. Многие из них сводятся к так называемой *когнитивной ситуации*, которая случается, когда требования к вниманию на стадии работы краткосрочной памяти повышаются вплоть до пределов имеющегося

ресурса [Gile, 2023]. Такие ситуации имеют место, когда в языковых парах язык оригинала сообщения и язык перевода различаются синтаксически, и переводчику приходится удерживать в голове большой объем информации, прежде чем его можно будет, переформулировав, начать переводить [Gile, 1995].

Именно с таким различием мы имеем дело при работе в языковой паре «турецкий – русский». Для нашего исследования нам важно не только доказать, что эти различия приводят к сложностям при синхронном переводе, но и выявить, на какой из стадий происходит чрезмерное расходование ресурса внимания, приводящее к снижению качества перевода. С опорой на сделанные выводы возможно предлагать наиболее релевантные стратегии и тактики перевода.

Для агглютинативного турецкого языка аффиксация является основным инструментом словообразования. Порядок слов, называемый SOV, требует постановки сказуемого в конце предложения. Глагольные именные формы, выполняющие роль придаточных предложений в турецком языке, всегда предшествуют главному предложению или его сказуемому. Собственно-тюркские предикативные модели, такие как *имена действия*, не имеют аналогов в русском языке [Гузев, 2015], равно как и послелоги, использующиеся в турецком языке вместо предлогов. В качестве особенностей, затрудняющих процесс перевода, практикующие переводчики также указывают на большой удельный вес лексических заимствований из арабского и персидского языков и на высокий темп речи ораторов [Саркисян, 2022].

Для изучения проявления этих особенностей в речи спикеров, мы взяли фрагменты двух выступлений с прошедшего в июле 2023 года визита делегации Турецкой Республики в Саудовскую Аравию: выступления Министра торговли Турецкой Республики Омера Болат¹, а также выступление Министра финансов Нуреддина Небати². В режиме реального времени оба выступления переводились синхронно. Выбранный нами фрагмент выступления Омера Болат длительностью 2 мин. 54 сек. содержит 251 слово или 628 слогов. Темп речи оратора составил 3,6 слога в сек. (216,6 слога в мин.). Фрагмент выступления Нуреддина Небати длительностью 3 мин. 2 сек. содержит 239 слов или 686 слогов. Темп речи оратора составил 3,77 слога в сек. (226,4 слога в мин.). Таким образом, выступления обоих ораторов были медленнее средней скорости говорения на турецком языке (5,33 слога в сек. / 320,7 слогов в мин.) [Cangi et al., 2020].

¹URL: https://youtu.be/JfbFJQE_eMw?list=LL&t=691

²URL: <https://youtu.be/Ktkg3h85wp0?list=LL&t=4>

Следовательно, мы можем назвать такой темп речи комфортным для переводчика.

Рассмотрим в таблице 1, как проявляются вышеуказанные особенности турецкого языка в речи обоих ораторов.

Как видно из примеров, грамматические особенности турецкого языка проявляются в речи ораторов, демонстрируя синтаксическую асимметрию языковой пары «турецкий – русский», с чем приходится иметь дело синхронным переводчикам. Высказывания, по строению аналогичные указанным в таблице, типичны для данного дискурса и могут в большом объеме встречаться в рамках одного выступления, так как стилю языка официальных выступлений на турецком языке свойственны структурированность и строгость высказываний, сложные предложения, а также предложения, осложненные длинными определительными оборотами.

Рассмотрим перечисленные нами примеры с точки зрения распределения усилий. В первом случае: «*Kardeş ve dost ülke Suudi Arabistan'ın kıymetli kırsal işler belediye ve konut bakanı değerli dostum Sayın Macit el-Hogail...*» – синхронный переводчик получает достаточный для предварительного ориентирования в ситуации объем информации после 6 слов (*Kardeş ve dost ülke Suudi Arabistan – дружественная и братская страна Саудовская Аравия*), однако на слове *Arabistan* начинается изафетная конструкция, закрывающаяся только на слове *bakanı* (*Suudi Arabistan'ın ... bakanı – министр... Саудовской Аравии*). Это увеличивает протяженность определительной конструкции до 12 слов, что превышает комфортное отставание от оратора. В результате достижения *когнитивной сатурации*, могут наблюдаться две возможные ситуации:

1) требование к выделению ресурса внимания превышает имеющийся объем ресурса на данном этапе (особенно вероятно, если переводчику уже пришлось потратить достаточно большой объем внимания на распознавание речи; также релевантно для начинающих переводчиков, неспособных поддерживать высокое качество перевода, работая на большом отставании);

2) переводчик успешно удерживает в памяти необходимый фрагмент, но затрачивает на эту операцию слишком много усилий и сталкивается с трудностями при воспроизведении перевода (как с точки зрения подбора слов, так и с точки зрения подачи). Вероятность опущений и неточностей повышается в обоих случаях.

А. Ф. Ширяев считает оптимальным отставание от оратора в 1–3 секунды и отмечает, что увеличение этого отставания может привести к снижению качества и срыву перевода [Ширяев, 1979].

Таблица 1

Высказывание	Возможный вариант перевода	Комментарий
Kardeş ve dost ülke Suudi Arabistan'ın kıymetli kırsal işler belediye ve konut bakanı değerli dostum Sayın Macit el-Hogail...	Уважаемый Министр сельских и муниципальных дел, Министр жилищного строительства дружественной и братской нам страны – Саудовской Аравии, мой дорогой друг Маджит аль-Хогайль...	Распространенное определение, относящееся к слову <i>bakan</i> (министр), препозитивно, что не соответствует привычному порядку слов в предложении на русском языке.
Her iki ülke Avrupa, Asya ve Afrika kıtalarının kavşağında çok stratejik bir konumdadır.	Обе страны занимают стратегически важное положение на перекрестке между Европой, Азией и Африкой.	В турецком оригинале слово <i>kavşak</i> (перекресток) стоит после слов <i>Avrupa, Asya ve Afrika</i> ; положение фрагмента в стратегическом положении (<i>stratejik bir konumdadır</i>) также не соответствует положению данного фрагмента в русском предложении.
Ancak geldiğimiz bu seviyeyi daha ötesine taşıyabilmek amacıyla Cumhuriyetimizin yüzüncü yılıyla birlikte yeni bir atılım sürecini de başlatıyoruz.	Но чтобы не останавливаться на достигнутом и выйти на новый уровень, в год столетия Республики мы предпринимаем новый рывок.	Простое предложение осложнено оборотом цели, находящемся в начале предложения, в то время как подлежащее опущено, а на действующее лицо указывает аффикс сказуемости у глагола, завершающего предложение. В словосочетании <i>geldiğimiz bu seviyeyi</i> первые два слова служат определениями слову <i>seviye</i> (все вместе: <i>уровень, на который мы вышли</i>). Положение определения не соответствует типичному положению в высказываниях на русском языке.
Artık ileri teknoloji gerektiren savunma sanayi ürünleri üretebilen bir Türkiye var.	Наконец, Турция может производить изделия для военно-промышленного комплекса, нуждающегося в высоких технологиях.	В оригинале все слова до слова <i>Türkiye</i> являются причастным оборотом, служащим определением: <i>Турция, способная производить изделия...</i>

В данном высказывании, как и во многих в турецком языке, переводчик неизбежно будет вынужден работать на предельном отставании.

Во втором случае: «Her iki ülke Avrupa, Asya ve Afrika kıtalarının kavşağında çok stratejik bir konumdadır» – переводчик может вступить уже спустя три слова (*Her iki ülke...* – *Обе страны...*), однако далее будет необходимо взять паузу и прослушать фрагмент *Avrupa, Asya ve Afrika kıtalarının kavşağında* (на пересечении Европы, Азии и Африки) до конца, так как обозначение места в русском языке, соответствует местному падежу, выраженному аффиксом *-da* в слове *kavşağında*. Это вынуждает переводчика выдерживать паузу на протяжении шести слов и уделять чрезмерное внимание на краткосрочное запоминание, что также приближает его к когнитивной сатурации и повышает вероятность явлений, указанных нами в объяснении предыдущего примера.

В высказывании: «Ancak geldiğimiz bu seviyeyi daha ötesine taşıyabilmek amacıyla Cumhuriyetimizin yüzüncü yılıyla birlikte yeni bir atılım sürecini de başlatıyoruz» – слово *amacıyla* является послелогом цели и в указанном переводе соответствует слову *чтобы*. Несмотря на то что слово *ancak* выражает противительные отношения с предыдущим высказыванием и дает переводчику возможность спрогнозировать общий смысл предложения, его содержание раскрывается

только при прослушивании первой части предложения (*Ancak geldiğimiz bu seviyeyi daha ötesine taşıyabilmek amacıyla*), осложненной нетипичной для русского языка определительной конструкцией *geldiğimiz bu seviyeyi* – (*уровень, на который мы вышли*). В данном случае переводчик может применить тактику **сегментации**, переводя отдельно компоненты *Ancak / geldiğimiz bu seviyeyi / daha ötesine / taşıyabilmek amacıyla*, однако это приведет к нарушению привычного порядка слов в русском языке и осложнит понимание перевода слушателями. К тому же в условиях повышенного расходования ресурса внимания на удержание в памяти фрагментов высказывания и уменьшению ресурса на координацию операций переводчик, как и в случае с предыдущими предложениями, рискует столкнуться с неспособностью правильного выбора слов и выражений в переводе и неудачной подачей материала.

«Artık ileri teknoloji gerektiren savunma sanayi ürünleri üretebilen bir Türkiye var» – в данном фрагменте, как мы указывали выше, переводчик имеет дело с препозитивной определительной конструкцией **Artık ileri teknoloji gerektiren savunma sanayi ürünleri üretebilen** – наконец, способная производить изделия для нуждающейся в высоких технологиях военной промышленности к слову *Türkiye* (Турция), длиной в восемь слов (*bir* выполняет функцию неопределенного артикля). Такое

отставание также является достаточным, чтобы спровоцировать чрезмерные требования к выделению внимания на этапе работы краткосрочной памяти, что повышает вероятность снижения качества перевода и его воспроизведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учитывая особенности турецкого языка, проявляющиеся в выступлениях ораторов на международных мероприятиях, мы продемонстрировали трудности, с которыми приходится сталкиваться синхронным переводчикам в данной языковой паре, и при помощи модели усилий Даниэля Жилия смогли определить, что эти трудности возникают в результате несбалансированного распределения усилий в процессе перевода, чрезмерно затрачиваемого ресурса внимания на этапе краткосрочного запоминания фрагмента высказывания и, как следствие, приводят к когнитивной сатурации. В результате переводчик не сможет выделить требуемый объем усилий на воспроизведение перевода, а также прослушивание следующего высказывания. Это, в свою очередь, повышает вероятность ошибок, опущений и неточностей при переводе.

Также мы можем сделать вывод, что эти трудности имеют постоянный характер, что осложняет долгосрочную работу синхронных переводчиков, учитывая, что единичные случаи некорректного распределения усилий могут существенно снизить качество перевода. Исходя из этого, мы можем заключить, что даже небольшой сбой на этапе получения информации (будь то высокий темп

речи, неразборчивое произношение какого-либо фрагмента, помехи на канале связи и т. д.), который будет требовать перераспределения усилий переводчика, может привести к коммуникативной неудаче.

Исследовав влияние особенностей турецкого языка на работу синхронного переводчика, мы также можем предположить, что они не позволяют в полной мере прогнозировать дальнейшее развитие текста, т. е. нарушают работу механизма вероятностного прогнозирования на низших уровнях¹, что не дает возможности переводчику сбросить усилия. Тем не менее это утверждение нуждается в дальнейшей проработке.

Изученные нами трудности и последствия работы с ними заставляют задуматься о том, что переводческие стратегии и тактики должны обладать определенной спецификой, чтобы минимизировать трудности в процессе перевода. Помимо применения тактики сегментации предложений, упомянутой нами в качестве одного из переводческих решений при работе с одним из типовых высказываний, также возможно изучение применения тактики компрессии и увеличения отставания от оратора [Саркисян, 2022], требующих высокого мастерства переводчика. Подробное исследование этих и других тактик применительно к данной языковой паре может стать темой новых исследований.

¹Согласно Г. В. Чернову, вербальный уровень лексической сочетаемости, уровень лексико-семантической сочетаемости, уровень семантико-синтаксической сочетаемости [Чернов, 1978].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кони́на А. А., Черниговская Т. В. Синхронный перевод как экстремальный вид когнитивных процессов (обзор экспериментальных исследований) // Вопросы психолингвистики. 2018. № 4 (38). С. 178–203.
2. Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1995.
3. Gile D. The Effort Models and Gravitational Model Clarifications and Update. 2023. 10.13140/RG.2.2.20178.43209,
4. Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка / под ред. А. С. Аврутиной, Н. Н. Телицына. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2015.
5. Саркисян А. А. Об опыте проведения мастер-классов по синхронному переводу в языковой комбинации «турецкий – русский»: особенности подхода и методологии // Collegium Linguisticum – 2022 : сборник научных статей Ежегодной конференции студенческого научного общества МГЛУ, Москва, 16–19 марта 2022 года. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022. С. 1098–1104.
6. Cangı M. E. [et al.] A preliminary study of normative speech rate values of Turkish speaking adults / M. E. Cangı, A. Işıldar, A. Tekin, A. B. Saraç // ENT Updates. 2020. Vol. 10. P. 381–389.
7. Ширяев А. Ф. Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979.
8. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. М.: Международные отношения, 1978.

REFERENCES

1. Konina, A. A. Chernigovskaja, T. V. (2018). Simultaneous interpreting as an extreme cognitive activity (experimental studies review). *Voprosy psikholingvistiki*, 4(38), 178–203. (In Russ.)
2. Gile, D. (1995). *Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
3. Gile, D. (2023). The Effort Models and Gravitational Model Clarifications And Update. 10.13140/RG.2.2.20178.43209.
4. Guzev, V. G. (2015). *Teoreticheskaja grammatika turetskogo jazyka = Theoretical grammar of the Turkish Language*. Ed. by A. S. Avrutina, N. N. Telitsyn. St. Petersburg: Edition of St. Petersburg State University. (In Russ.)
5. Sarkisyan, A. A. (2022). On the experience of simultaneous interpretation master class in the Turkish – Russian language combination: specificity of approach and methodology. *Collegium Linguisticum – 2022* (pp. 1098–1104). Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
6. Cangı, M. E., Işıldar, A., Tekin, A., Saraç, A. B. (2020). A preliminary study of normative speech rate values of Turkish speaking adults. *ENT Updates*, 10, 381–389.
7. Shiryayev, A. F. (1979). *Sinkhronnij perevod. Deyatel'nost' sinkhronnogo perevodchika I metodika prepodavaniya sinkhronnogo perevoda = Simultaneous interpreting. Simultaneous interpreter's activity and the methodology of teaching simultaneous interpreting*. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
8. Chernov, G. V. (1978). *Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda = Theory and practice of simultaneous interpretation*. Moscow: Mezhdunarodnyje Otnosheniya. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Саркисян Александр Алексеевич

старший преподаватель кафедры восточных языков
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sarkisyan Aleksandr Alekseevich

Senior Lecturer at the Department of Oriental Languages
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

09.07.2024
02.08.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 347.78.034

Аллюзии и другие проявления интертекстуальности в локализации игр

М. О. Семенова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mariaurahara@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется процесс локализации игр, с момента появления этого вида профессиональной деятельности в 1980-е годы до современных публикаций. Обсуждаются этапы становления локализации, подчеркивается важность перехода от частичной к полной адаптации игр к различным культурным контекстам. Отмечаются сходства и различия с локализацией ПО, а также особенности, такие как фрагментация текста и аспекты отображения субтитров. Выделяется значимость исследования локализации игр в контексте глобальной индустрии развлечений и призывает к дальнейшим исследованиям для разработки эффективных стратегий локализации.

Ключевые слова: локализация, игровая индустрия, стратегия перевода, индустрия компьютерных игр, локализованный продукт

Для цитирования: Семенова М. О. Аллюзии и другие проявления интертекстуальности в локализации игр // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 90–96.

Original article

Allusions and Other Manifestations of Intertextuality in Game Localization

Maria O. Semenova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mariaurahara@mail.ru

Abstract. This comprehensive article provides an in-depth review of game localization, tracing its origins in the 1980s to modern practices such as «deep localization». Emphasis is placed on the evolution of localization practices, driven by advancements in technology and changing user expectations, necessitating deeper adaptation of games to various cultural and linguistic contexts. The article also discusses the similarities and differences between game and software localization, noting the unique considerations of game genres and gameplay mechanics. Despite parallels with audiovisual translation, game localization presents distinctive challenges like text fragmentation and subtitle display nuances, underscoring the need for specialized approaches. Overall, the article contributes significantly to understanding game localization research, emphasizing its importance in the global entertainment industry and the need for further investigation to develop effective localization strategies.

Keywords: localization, gaming industry, translation strategy, computer gaming industry, localized product

For citation: Semenova, M. O. (2024). Allusions and other manifestations of intertextuality in the localization of games. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 90–96. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В профессиональной сфере перевода локализация игр стоит особняком из-за своей специфики и особенностей адаптации культурных реалий. Прогнозируется, что индустрия компьютерных игр составит значительную часть мировой индустрии развлечений, а локализация играет важную роль в расширении их влияния, как культурного и развлекательного продукта. Исследование этой области может способствовать пониманию индустрии локализации с возможностью создания специализированного обучения для подготовки переводчиков.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью восполнить пробелы в такой сфере перевода, как разработка игр, а также неуклонно растущей популярностью индустрии компьютерных игр.

Цель исследования – выявить особенности художественного и технического перевода при локализации компьютерных игр с английского или китайского языков.

Задачи исследования включают:

- обзор работ по локализации в компьютерной индустрии;
- составление шаблонов элементов ономотопии;
- подробное описание классификаций культурно-специфических отсылок в локализации игр.

Исследование проводилось с использованием **методов** смыслового, контекстуального и лингвокультурологического анализа.

Материалом исследования послужили внутриигровые тексты таких продуктов, как «Путешествие на Запад» («Journey to the West») и «Романтика трех царств» («Romance of the Three Kingdoms»), которые в целом составили семь авторских листов.

Среди актуальных исследований на тему локализации игр значатся работы зарубежных авторов, например М. А. Берналь-Мерино (Bernal-Merino, 2006) и Х. М. Чендлер (Chandler, 2005).

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИГР

Перевод компьютерных игр как отраслевое направление появился относительно недавно. Глобализация компьютерных технологий в 1980-е годы привела к возникновению индустрии локализации программного обеспечения для удовлетворения специфичных запросов при адаптации продукта для международного рынка¹.

Локализацию чаще всего понимают как адаптацию к региону, где будет использоваться конечный продукт. В рамках Ассоциации отраслевых стандартов термин «локализация» определяют как процесс создания продукта, который будет восприниматься как результат национального производства. В выпущенной ассоциацией брошюре рассуждают о том, чем отличается перевод от процесса локализации, почему их нельзя смешивать, и как важно понимать, что локализация по своей сути гораздо шире просто попытки передать основное содержание, так как в процессе локализации большую роль играют культурологические и технические аспекты.

Многие лингвисты сутью локализации считают передачу языковых средств [Chandler, 2005]. Б. Эсселинк считал, что локализацию стоит классифицировать в зависимости от вида адаптируемого контента², он описал все этапы процесса локализации одного из продуктов.

В 1980-х годах популярность видеоигр привела к появлению совершенно новой отрасли. Так, на тот момент выделяли такие этапы адаптации, как «коробка и документы», «частичная локализация», «полная локализация» и «глубокая локализация» [Bernal-Merino, 2006]. В 1990-х переводили только внутриигровой текст и элементы интерфейса. Лишь у некоторых производителей получалось локализовать сопутствующее аудио. И только в XXI веке появилась такая серьезная отрасль, как «глубокая локализация». Занятые в данной области специалисты начали уделять внимание передаче разнообразных культурных отсылок, которые способствовали погружению в игру.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ

Локализацию игр часто соотносят с аудиовизуальным переводом, так дубляж внутриигровых диалогов считают одним из самых сложных этапов локализации [Chandler, 2005]. Хотя сходство между аудиовизуальным переводом и локализацией игр действительно существует, техники, используемые в аудиовизуальном переводе, не всегда применимы к локализации игр. Конечно, существует кодекс субтитрирования, но он неприменим к внутриигровым диалогам [Ivarsson, Carroll, 1998]. Для субтитров в играх не существует такого понятия, как «средней скорости отображения». Программисты зачастую не прописывают количество допустимых символов на экране. Помимо субтитров, в играх на экране и другие объекты, такие как текст пользовательского

¹Esselink B. A practical guide to localization. John Benjamins Publishing. 2000. Vol. 4.

²Там же.

интерфейса, системный текст, сообщения об ошибках, могут отображаться одновременно с субтитрами.

Благодаря фрагментации текста иногда на экране может быть представлена только одна строка с текстовым сегментом, который включает лишь часть реплики, иногда целиком состоящей из звукоподражания. Звукоподражательные слова ограничены звуковым составом каждого языка, а также разным восприятием естественных звуков. Такой контент стоит локализовать, опираясь на уже имеющиеся шаблоны переводов.

Рассмотрим таблицу с подобными шаблонами, составленную на основе любительской локализации китайской игры «Романтика трех царств» («Romance of the Three Kingdoms») с английского языка на русский. В данной работе представлена сокращенная версия таблицы соответствий, но она в полной мере дает представление о том, насколько обременительной была бы работа переводчика, если бы литературный редактор не составлял заранее

стилистические справочники и гайды с соотнесением имен собственных, элементов ономотопии и т.д.

Иногда из-за специфического перевода элементов звукоподражания приходится менять всю строку, в которой так или иначе задумано изначально определенное количество символов.

Творческая адаптация описывается как процесс, в котором переводчикам часто дают карт-бланш на изменение, адаптацию и удаление любых культурных отсылок, каламбуров и шуток, которые не будут работать на языке перевода. Перевод игр часто включает в себя добавление новых культурных отсылок, шуток или любых других элементов для создания нового перевода, который считается крайне важным для сохранения игрового опыта. Таким образом, переводчикам игр часто предоставляется большая свобода, поскольку они должны выбирать лингвистический аспект игры с учетом исходного текста, культуры перевода и игрового процесса [Mangiron, 2007].

Таблица

СООТНЕСЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ОНОМОТОПИИ В ЯЗЫКОВОЙ ПАРЕ «АНГЛИЙСКИЙ – РУССКИЙ»

Звук	Перевод	Значение
(W)Ahaha, ehehe, hoho, keke	Ха-ха, пхак, вхак, хо-хо, хе-хе	Смех
Ah, uh, oh, of, ack, agk, augh, cack, eugh, agh, argh	А/ах, эм/ух/ох, ай/ауч, уф, агх, аргх	Радость, удивление, страсть, боль, страх, гнев
Aahhhh	Ааааа	Крик
Achoo, ah-cho	Апчи, ап-чхи, чих	Чихание
Ahem, eghem	Кхем, кхе	Прокашляться
Ba-bump, ba-dum, ba-thump, thump, throb	Ту-дум	Биение сердца
Bam, bow, boot, bash, blam, bwam, bkang, crash, cling, clong, clang, donn, kaclang, klong, klunk, krang, kakroom, krak, krsh, krack, pow, poc, pang, swich, skrunch, screech, smack, smak, smash, swash, stab, thump, thunk, thud, toom, thwack, thwock, whack, wham, whap, whomp, whompf, wap, whang, whud	Бам(с), бац, бах, бом, блысь, бздык, бдым, бдыш, бздыш, кабздыш, вонзь, дыш, дын, дудух, дубась, жак, стук, тюх, тудх, тыш, тыдыш, [удар], резь, рубь, коц, лупь, пырь, цап, хлесь, хрясь, хренак, хуяк, хлобысь, хряк, швах/шпах, шандарах, [огрел, оглушил, врезал, подсек, шибанул, полоснул, вмазал, цапнул, царапнул]	Удар, быстрый удар, тяжелый удар
Bang, blam, bam, bv, bvf, bfv, ka-blam, pow, pew, poc, shpow, skpow, zap	Бам, стрель, пиу, пау, пиф, тыц, тыщ, пыщ	Выстрел
Arf, ar-roof, bark, bork, woof	Гав, тав/тявк/тяф, ваф/вуф, аф, [лай]	Гавканье собак
Beep, bip, breep, beeb	Пи/би, пип/бип, биип	Пищать, сигналить
Bing	Бим	Острый резкий звук
Bite, chew, ghaw, gobble, chomp, crunch, slurp, slrp	Хрум, кусь, хряп, ам, чавк, жув	Кусать, чавкать, грызть, есть, жевать
Bohoo, bwa, bwagh, wah, wuh	Уааа	Плач
Boing, bounce, leap, lean, fwum, jump, mwip, pang	Прыг, вскок, скок, туда-сюда, [отскочил]	Прыгнуть, вскочить, скакать

Звук	Перевод	Значение
Bonk, bump, bwoof, doink, frsh, pick	Пум, дунк, дынь, дыньк, дуньк, дуц	Слабый мягкий удар, звук отскока
Boof, dump	Спотык, буф	Споткнуться, упасть
Boom, blast, ba-boom, bwoom, brbraoom, burst, ch-doom, crash, shpow, ka-boom, wham	Бум, бах, быщ, ка-бум, бу-бум, бы-дых/бдых, бдыш, бабах, тыдых, тада-дах, [взрыв]	Взрыв, разрывы от выстрелов
Boop	Буп, бип, хлоп, пум	Шлепать, нажимать
Boot, pom	Пум, [пинок]	Потрясение, шок, пинок, удар
B-krak, crack, crick, crackle, crunch, crnch, crck, crk, krunch, krnch, krak, krack, krikl, krik, krick, skrak, skrch, rattle	Хрусь/хрусть, хрясь/хресь, треск, тресь, хруп, шерк, скреж, комк	Тресканье, хруст, скрежет, дребезжание, комкать
Bla	Бла	Чепуха, пустые разговоры
Bleeh, blugh, puke	Блев, блюв, буээ, тошнь	Блевать
Blink, squint	Щурь, жмурь, [моргнул]	Щуриться, жмуриться, моргать, мигать, коситься
Blip, burst, chrk, glow, shine, shing, shng, sparkle, spark	Сверк, блеск, блик, вспых, пых, мерц, пик, [сияние]	Яркая короткая вспышка
Blush	Краснь, вспых, ой, ох	Краснеть, смущаться
Bratata, gakangakan	Тра-та-та	Серия выстрелов, очередь из автоматического оружия
Break	Хрясь, треск, тресь, [сломал]	Сломать, разорвать, порвать, разбить
Brr	Брр	Замерзать
Brr, brmm, wrrr, vrr, rrr, vree, scree, skree, vwoom, wroom	Вррр, бррр, вжж, вжиу, врум, шерк	Звуки едущей машины, механизма, звук торможения, ревущий звук
Dam	Дун, пам	Звук резкого действия, движения, реакции
Dash, vssh	Фух, фш, вжух, рывк, прыг	Быстрое движение, бег, порыв
Din-don, ding-dong	Динь-дон, дин-дон	Звонок в дверь
Dip	[Макнул, окунул]	Погрузиться, падать, купаться
Dive	Нырь	Нырять
Dodge	Шарах, [уворот]	Увернуться, уклониться, избежать
Doom	Дум, дун, бум	Страшный суд, гибель
Drip, drop, plip/plop	Кап	Звук упавшей капли
Droop, drop, slump, swoop	Клонь, падь, юрк, бух, [поник]	Поникнуть, приуныть, наклониться

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ОТСЫЛОК К КУЛЬТУРЕ

Культурно-специфические отсылки – один из основных моментов при локализации игры. Сложность в определении того, какие элементы текста можно отнести к культурно-специфическим, возникает из-за того, что почти всё в тексте, включая язык и его использование, передает культурно-специфические черты.

Еще одной проблемой при локализации культурно-специфических ссылок является то, что отношения между двумя культурами меняются с течением времени, поэтому культурная дистанция может увеличиваться с течением времени в мире, который становится всё более взаимосвязанным. Подход к локализации, принятый несколько лет назад, может оказаться непригодным сегодня, как это следует из динамичного характера отношений между

двумя культурами. Культурно-специфические ссылки в исходной культуре также могут стать причиной небольших культурных потрясений для переводчиков, которым трудно найти эквивалент в культуре перевода, что называется «культурными кочками» [Leppihalme, 1997], и это потребует использования ряда переводческих стратегий. В категорию «культурные кочки» входят шутки, каламбуры, поэзия, аллюзии и т. д., встречающиеся в исходной культуре, но зачастую не имеющие официального эквивалента в культуре перевода. При работе с «культурными кочками» переводчикам часто приходится выбирать наиболее подходящую стратегию перевода, чтобы передать культурную отсылку в принимающую культуру. Когда «культурная кочка» не передается в целевую культуру, у игроков локализованной версии возникает чувство разобщенности и они не могут ассоциировать данный культурный элемент со своим собственным.

И. Ранзато предложил свою версию классификации культурно-специфических отсылок [Ranzato, 2018] (см. рис. 1).

Рис. 1. Классификация культурно-специфических отсылок

Большинство отсылок к исходному культурно-му наследию находят в вещах, местах и продуктах питания, о которых не знают местные жители. Они также могут содержать исторические, политические или социальные отсылы. Некоторые элементы исходной культуры имеют монокультурную природу, однако некоторые из них могут выходить за культурные границы и становиться популярными среди целевой аудитории. Эти отсылки происходят из целевых культур и иногда используются в исходных культурах, чтобы обозначить что-то неизведанное или неизвестное для целевой культуры. Если исходная культура использует отсылку к целевому сообществу для представления чего-то неизведанного, то переводческий

метод может включать в себя замену целевой культуры на что-то неизвестное исходным культурам, или использование отсылок к другой культуре, которая не получила широкого признания у исходной.

К категории межкультурных отсылок относятся те, в которых исходные отсылки исходной культуры были поглощены целевой культурой и обрели собственные ассоциации. Часто это монокультурные референты, которые изначально были перенесены в целевую культуру. Со временем они в разной степени усваиваются целевой культурой, а некоторые отсылки к исходной культуре полностью переходят в целевую культуру, становясь привычными культурными отсылками как в исходной, так и в целевой культуре, что делает их межкультурными отсылками.

К третьей культуре относятся культурные элементы, не имеющие никакого отношения к исходному или целевому обществу. Из-за различных подходов к интерпретации отсылок в исходных культурах интерпретация может отличаться, так как разные уровни знаний о третьей культуре имеют место и в исходном, и в целевом мышлении. В связи с широким распространением Интернета, появилась другая форма культурных отсылок, известная как «неологизм». В данную категорию включаются не только новые слова и словосочетания, но также и их значения, уже существующие в языке. Часто эти термины используются в различных областях, включая технологический прогресс, социальные и политические события, которые происходят в настоящее время, или термины из других культурных или политических культур. Открытые аллюгии или культурные сходства – это те элементы, которые связывают вымышленные тексты и произведения друг с другом. В этом случае мы имеем дело с явными отсылками к китайской классической литературе – «Путешествие на Запад», – а также к классическим китайским произведениям такого типа. Это отсылка к особым навыкам и артефактам из классической литературы. Скрытая аллюзия – это не явная аллюзия, а косвенные отсылки. Часто косвенные или подразумеваемые аллюгии могут оставаться незамеченными переводчиком, поскольку они слишком неясны для него.

Согласно определению Ж. Хроуста, существуют различные слои локализации, причем более высокие слои обычно строятся на более низких слоях локализации, как показано на рисунке 2 [Chroust, 2008].

В передаче особенностей культуры есть свои особые трудные по разрешению проблемы, такие как метафоры, жаргон и юмор. Согласно Ж. Хроусту, будущее локализации – это субкультура региона, религиозная и социологическая составляющие,

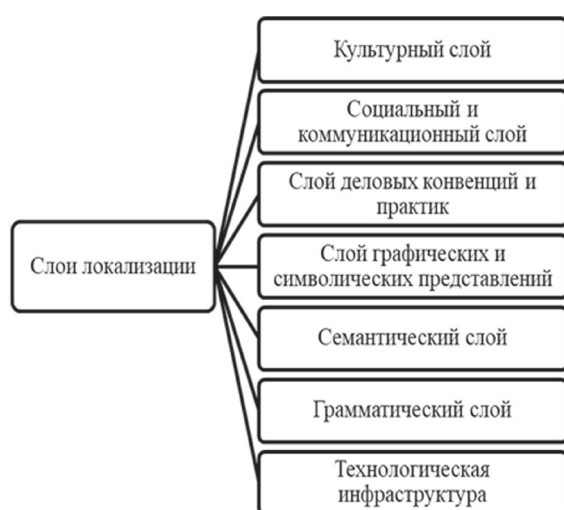

Рис 2. Слои локализации [Chroust, 2008]

которые станут все более важными в условиях глобальной трансформации. Культура является важным фактором локализации, так как конфликты между культурами могут оказать влияние на восприятие игры игроками или даже привести к цензуре в регионе. Контент – это культура. В игре будет представлена культура, которая была создана изначально, и эта реакция вызовет ответную реакцию у тех культур, которые будут представлены в этой игре. Чаще всего одну игру составляет множество авторов [Bernal-Merino, 2006]. Тексты можно назвать неотъемлемой частью культуры. Если каждый автор вносит элементы своей культуры в игру, то она может иметь более одной исходной культуры. В разговорной речи оттенки и нюансы значений будут представлять большую трудность для переводчиков. Кроме того, переводчикам игр часто приходится сталкиваться с межкультурными проблемами в процессе локализации.

Локализация является одним из трех этапов эволюции игры. Культуризация – это шаг за пределы локализации, когда предположения и творческий выбор в игре рассматриваются и оцениваются с учетом международных рынков и конкретных культур. Культуризация представляет собой шаг за рамки локализации игры, когда гипотезы и творческие решения в игре анализируются с учетом мировых рынков и определенных культурных традиций. Консольные игры, особенно со сложным сюжетом, ориентированы на большее вовлечение пользователей и включают в себя больше культурной составляющей. В отличие от локализации, культурализация позволяет игрокам глубоко погрузиться в культуру и надолго сохранит интерес к игре.

Межкультурные проблемы не обязательно будут статичными для разных языковых пар.

В отрасли бытует мнение, что, когда в процесс локализации вовлекается «недружественный язык локализации», «культурная дистанция» увеличивается. Большая «культурная дистанция» требует больших усилий по адаптации игры из исходной культуры в приемлемый и подходящий продукт в принимающей культуре. Примером языковой пары с большей «культурной дистанцией» является японский и английский языки [Di Marco, 2007].

Пытаясь адаптировать китайские игры, любой специалист понимает, что он должен обладать глубоким пониманием китайской культуры. Из-за разных типов построения языка считается, что труднее всего локализовать китайские игры в англоговорящих странах.

Коммуникация между культурами подразумевает множество составляющих, поэтому в процессе требуется гораздо больше усилий. В своей статье М. Б. Раренко отмечает, что «только благодаря переводу можно добиться снижения сложности коммуникативного барьера» [Раренко, 2018].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Статья представляет всесторонний обзор локализации игр, начиная с ее зарождения в 1980-х годах и до современной практики. Осуществлен анализ этапов развития локализации игр, начиная от простой «коробки и документов» до более комплексных подходов, ориентированных на создание полноценного пользовательского опыта на целевом рынке. Особое внимание уделено эволюции практики локализации, подчеркивая переход от частичной локализации к полной и глубокой. Развитие технологий и изменения в ожиданиях пользователей требуют более глубокой адаптации игр к различным культурным и лингвистическим контекстам.

В статье также обращается внимание на сходство и различие между локализацией игр и программным обеспечением. В то время как оба процесса включают перевод и адаптацию интерфейса, локализация игр также требует учета различных игровых жанров и особенностей геймплея. Несмотря на сходство с аудиовизуальным переводом, локализация игр имеет свои уникальные особенности, в особенности – фрагментация текста и особенности отображения субтитров, что обуславливает необходимость разработки специализированных подходов к локализации игрового контента.

Практическая значимость заключается во вкладе в понимание исследования локализации игр, подчеркивая ее важность в контексте глобальной индустрии развлечений и необходимость дальнейших исследований в этой области для разработки эффективных стратегий локализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Chandler, H. M. The game localization handbook. Massachusetts: Charles River Media, 2005. Vol. 1.
2. Bernal-Merino M. Á. On the translation of video games // The Journal of Specialised Translation. 2006. Vol. 6. P. 22–36.
3. Ivarsson J., Carroll M. Code of Good Subtitling Practice. Subtitling. TransEdit. 1998. P. 157–159.
4. Mangiron C. Video games localisation: Posing new challenges to the translator. Perspectives. 2007. Vol. 14. № 4. P. 306–323.
5. Leppihalme R. Culture bumps: an empirical approach to the translation of allusions. Multilingual Matters. 1997. Vol. 10.
6. Ranzato I. Culture Specific References. Translating Culture Specific References on Television: The Case of Dubbing. Routledge, 2018. P. 53–103.
7. Chroust G. Localization, culture, and global communication. Encyclopedia of networked and virtual organizations. IGI Global. 2008. P. 829–837.
8. Di Marco F. Cultural Localization: Orientation and Disorientation in Japanese Video Games. Tradumàtica: traducció i tecnologies de la informació i la comunicació. 2007. № 5. <http://www.fti.uab.es/tradumatica/revista/num5/articles/06/06central.htm>.
9. Паренко М. Б. «Community interpreting» vs «Социальный перевод» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 2 (791). С. 160–168. EDN XRLYTR.

REFERENCES

1. Chandler, H. M. (2005). The game localization handbook (vol. 1). Massachusetts: Charles River Media.
2. Bernal-Merino, M. Á. (2006). On the translation of video games. The Journal of Specialised Translation, 6, 22–36.
3. Ivarsson, J., Carroll, M. (1998). Code of Good Subtitling Practice. Subtitling (pp. 157–159). TransEdit.
4. Mangiron, C. (2007). Video games localisation: Posing new challenges to the translator. Perspectives, 14(4), 306–323.
5. Leppihalme, R. (1997). Culture bumps: an empirical approach to the translation of allusions. Multilingual Matters, 10.
6. Ranzato, I. (2018). Culture Specific References. Translating Culture Specific References on Television: The Case of Dubbing (pp. 53–103). Routledge.
7. Chroust, G. (2008). Localization, culture, and global communication. Encyclopedia of networked and virtual organizations (pp. 829–837). IGI Global.
8. Di Marco, F. (2007). Cultural Localization: Orientation and Disorientation in Japanese Video Games. Tradumàtica: traducció i tecnologies de la informació i la comunicació, 5. <http://www.fti.uab.es/tradumatica/revista/num5/articles/06/06central.htm>
9. Rarenko, M. B. (2018). “Community interpreting” vs “Social’ny’j perevod”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(791), 160–168. EDN XRLYTR.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенова Мария Олеговна

преподаватель кафедры переводоведения и практики перевода английского языка
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Semenova Mariia Olegovna

Lecturer at the Department of Translation Studies and Translation and Interpreting (the English Language)
the Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

08.07.2024
04.08.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Оценка документационного обеспечения международных мероприятий (переводческий аспект)

Е. М. Солнцев¹, Е. В. Зиновьева²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹snopf@list.ru

²zinovyevaservice@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются оценки документационного обеспечения международных мероприятий с точки зрения организации их перевода. В исследовании анализировались различные виды документов, которые использовались в ходе подготовки и проведения нескольких международных мероприятий, состоявшихся в России в последние 15 лет, в том числе документы, предоставленные переводчикам. В качестве основных методов исследования применялись наблюдение и сравнение. Целью статьи является определение основных параметров оценки качества документационного обеспечения, а также создание базы для разработки практических рекомендаций, адресованных организаторам мероприятий, подрядным организациям, оказывающим лингвистические услуги, письменным и устным переводчикам.

Ключевые слова: перевод на международных мероприятиях, документационное обеспечение мероприятий, подготовка к переводу, рабочий язык, языковая политика

Для цитирования: Солнцев Е. М., Зиновьева Е. В. Оценка документационного обеспечения международных мероприятий (переводческий аспект) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 97–104.

Original article

Evaluation of Documentation Support for International Events (Translation and Interpreting Issues)

Evgeny M. Solntsev¹, Elena V. Zinovyeva²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹snopf@list.ru

²zinovyevaservice@gmail.com

Abstract. The article deals with evaluating of documentation support for international events from the point of view of translation and interpreting services. The authors studied various types of documents handled before and during several large-scale and medium-scale international events held in Russia over the past 15 years, including documents submitted to translators and interpreters. The primary research methods were observation and comparison. The purpose of the study is to identify the major criteria for evaluation of documentation support and to create a basis for developing practical guidelines addressed to event hosts, language service providers, translators and interpreters.

Keywords: translation and interpreting at international events, documentation support for events, preparing for translation, working language, language policy

For citation: Solntsev, E. M., Zinovyeva, E. V. (2024). Evaluation of Documentation Support for International Events (Translation and Interpreting Issues). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 97–104. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Международные мероприятия, как правило, сопровождаются переводом в одной или нескольких парах языков. При этом применяется как письменный перевод документации, так и устный (чаще синхронный). В этой связи встает вопрос об оценке качества документационного обеспечения мероприятия. В настоящей статье предпринимается попытка решения следующих задач:

- описание критериев оценки качества решений, принимаемых организаторами мероприятия относительно документов, доступных участникам;
- описание критериев оценки качества документов, предоставляемых письменным и устным переводчикам;
- описание критериев оценки взаимодействия организаторов с подрядчиками-поставщиками лингвистических услуг, а также переводчиками.

На наш взгляд, оценка документационного обеспечения мероприятий с точки зрения переводческой деятельности включает два аспекта:

- 1) соответствие характеристик переводного текста задачам, поставленным организаторами мероприятия;
- 2) влияние качества предоставленных переводчикам материалов на качество перевода.

Указанные аспекты взаимосвязаны: при выявлении проблем, касающихся первого аспекта, необходимо обратить пристальное внимание на второй, поскольку он позволяет продемонстрировать то, что Е. А. Княжева называет «границей между теоретическим идеалом и реальной возможностью выполнения нормативных требований [к переводу]» [Княжева, 2017, с. 20].

В качестве материала исследования использовались документы, разработанные и переведенные в ходе подготовки и проведения международных мероприятий:

- Дни философии ЮНЕСКО (Москва, 2009);
- Зимние Олимпийские игры (Сочи, 2014);
- XIX Всемирный фестиваль молодежи и студентов (Сочи, 2017);
- Саммит и экономический форум «Россия – Африка» (Сочи, 2019);
- серия мероприятий, посвященных председательству Российской Федерации в Международной ассоциации экономических и социальных советов и схожих институтов (МАЭСССИ, 2021–2023);
- ИТ-форум «Россия – Африка» (Москва, 2023);

- Саммит и экономический форум «Россия – Африка» (Санкт-Петербург, 2023);
- Всемирный фестиваль молодежи (Сочи, 2024);
- отчеты о статусе французского языка на Олимпийских играх, предоставленные уполномоченными специалистами Международной организации франкофонии в период с 2004 года по настоящее время.

Постоянно возрастающая сложность организации международных мероприятий, изменения палитры языков и их статуса, а также тот факт, что проблематика оценки процесса результатов переводческой деятельности с точки зрения работы с документами разработана в научной литературе недостаточно, обуславливают актуальность и новизну предпринятого исследования.

ЗАДАЧИ ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕРОПРИЯТИЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА МЕРОПРИЯТИЯ

Специалисты по документоведению и архивоведению понимают под документационным обеспечением управления отрасль деятельности, обеспечивающую документирование и организацию работы с официальными документами [Кондюкова, 2006]. Мы в рамках переводоведческих исследований предлагаем определить документационное обеспечение мероприятий как организацию работы с документами, создаваемыми и обращающимися в рамках подготовки и проведения мероприятий различного типа и уровня. При этом значительная часть таких документов подлежит переводу, является результатом переводческой деятельности либо используется для подготовки к переводу.

Оценка документационного обеспечения – важный этап анализа прошедшего мероприятия, позволяющий организаторам использовать лучшие элементы опыта и исправлять выявленные недочеты. Особенностью документов, сопровождающих мероприятия, является тот факт, что значительная их часть хотя и доступна участникам мероприятия, но впоследствии не публикуется. Таким образом, оценку документационного обеспечения мероприятия могут проводить в основном его организаторы или заказчики. Безусловно, попытка оценки возможна и со стороны участников мероприятия, однако, как указывает Е. А. Княжева относительно оценки качества перевода, «непрофессиональная оценка в лице конечного получателя, т. е. оценка потребительская, базируется на субъективных представлениях и ожиданиях и обычно осуществляется с позиций нравится / не нравится» [Княжева, 2024, с. 51]. Нам представляется, что такое суждение можно

распространить на оценку документационного обеспечения мероприятия в целом.

В случае многоязычного мероприятия необходимо прежде всего определить статус языков, т.е. установить рабочие языки мероприятия, причем статус языков в рамках одного мероприятия может различаться. Неравноправный статус различных официальных языков может быть закреплён (де-юре или де-факто) не только на отдельных мероприятиях, но и в проводящих их международных объединениях и организациях либо их подразделениях [Крючкова, 2010; Slotta, Handman, 2024]. Даже если некоторые языки признаны в рамках организации равноправными, при проведении мероприятий за пределами штаб-квартир соответствующих организаций возможно варьировать использование таких языков. Так, в 2009 году при проведении Дней философии ЮНЕСКО в Москве рабочими языками были русский, английский и французский, причем соблюдалось полное равноправие трех рабочих языков (официальными языками ЮНЕСКО, помимо упомянутых трех языков, являются испанский, китайский и арабский). На зимних Олимпийских играх 2014 года в Сочи был обеспечен синхронный перевод всех мероприятий и письменный перевод официальных документов на русский и оба официальных языка МОК – французский и английский, тогда как информационные материалы и навигация для зрителей были подготовлены и размещены в основном на русском и английском языках с ограниченной долей французского, что отметила постоянный секретарь Французской академии Элен Каррер д'Анкокс в отчете, подготовленном по поручению Международной организации франкофонии (МОФ)¹.

Такие отчеты, издающиеся под эгидой МОФ по итогам Олимпийских игр с 2004 года, являются ценным источником сведений о динамике языковой политики, тем более что иные примеры систематического анализа качества лингвистических услуг на повторяющихся международных мероприятиях нам в настоящее время неизвестны. Особую ценность представляют рекомендации, формулируемые авторами отчета. Так, в отчете об Олимпийских играх в Сочи подчеркивалось, что уполномоченные органы Франции и Международный олимпийский комитет провели недостаточную работу по нормализации олимпийской терминологии, особенно касающейся новых олимпийских видов спорта, было предложено разработать и заранее предоставить в распоряжение персонала Игр качественно

новый трехязычный глоссарий. Действительно, по состоянию на 2014 год французская (как, впрочем, и русская) терминология сноуборда, фристайла и керлинга находилась в периоде становления [Матюшин, Солнцев, 2013]. Несмотря на такую неразработанность терминологии, Оргкомитет Олимпиады в Сочи за три недели до начала Игр предоставил большинству устных переводчиков официальный трехязычный (англо-французско-русский) глоссарий, содержащий более 10 тыс. терминов, включая термины указанных видов спорта. К достоинствам глоссария следует отнести его полноту, к относительным недостаткам – неудобство навигации (глоссарий представлял собой единую таблицу в формате .xlsx) и отсутствие последовательного разделения по видам спорта и иным темам.

В отчете для МОФ по итогам Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро (2016) отмечалось, что оргкомитет не успел вовремя разместить на внутреннем (доступном для персонала) портале качественно новый трехязычный глоссарий, который планировалось создать на основании лексикографического опыта, полученного в ходе подготовки Зимней олимпиады в Сочи. В целом лингвистические итоги Олимпийских игр 2016 года в Рио-де-Жанейро с точки зрения франкофонии были названы в отчете «неоднозначными» (*fp. bilan mitigé*) и расценены как шаг назад по сравнению с предыдущими Олимпиадами, в частности, пекинской (2008), лондонской (2012) и сочинской (2014)².

Следует также отметить, что, по мнению автора отчета для МОФ об Олимпиаде в Сочи, организаторам удалось поддержать ранее достигнутый уровень присутствия французского языка, считающегося первым официальным языком МОК. Отчет содержит отдельную высокую оценку отдельных элементов перевода на французский язык, однако автор обращает внимание на то, что, по ее мнению, линейные переводчики-волонтеры недостаточно владели переводческими навыками. На взгляд автора, это якобы объясняется тем, что переводческие факультеты в России отдают предпочтение обучению буквальному переводу (?). Данный вывод представляется нам необоснованным прежде всего потому, что массовое присутствие в качестве переводчиков-волонтеров студентов именно переводческих факультетов и направлений подготовки на Олимпиаде в Сочи было далеко не очевидно. Безусловно, организаторам подобных мероприятий следует обращать внимание на то, что, как неоднократно отмечалось в работах

¹Conclusions [...] sur l'usage de la langue française aux Jeux Olympiques et Paralympiques de Sotchi 2014. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2021-01/Rapport-d%E2%80%99H%C3%A9l%C3%A8ne-Carr%C3%A8re-d%E2%80%99Encausse_aux_JO-de-Sotchi-%282014%29.pdf

²Rapport <...> sur l'usage et la promotion du français et de la francophonie aux Jeux Olympiques et Paralympiques de Rio 2016. URL: <https://www.francophonie.org/sites/default/files/2021-01/Rapport-de-Manu-Dibango-aux-JO-de-Rio-%282016%29.pdf>

переводоведов, владение двумя или более языками отнюдь не гарантирует способность переводить на приемлемом уровне: требуется обучение специфически переводческим компетенциям [Тазина, 2012; Фирстов, 2012].

В октябре 2019 года на Саммите и экономическом форуме «Россия – Африка» рабочими языками были русский, французский, английский, португальский и арабский. Синхронный и письменный переводы официальных документов, включая пресс-релизы, были обеспечены со всех официальных языков и на все официальные языки, но языками информационных материалов (включая видеоматериалы на площадке мероприятия) и навигации были русский, английский и французский. Такие же рабочие языки были определены для Саммита и экономического форума «Россия – Африка» в июле 2023 года, однако доля французского языка в информационных материалах и навигации существенно сократилась (в большинстве случаев использовались только русский и английский языки).

Подобным образом, сопоставляя лингвистическое обеспечение XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов (2017) и Всемирного фестиваля молодежи (Сочи, 2024), можно отметить, что на втором мероприятии сфера перевода была в значительной степени сведена к языковой паре русский – английский, что было в некоторой степени неожиданным, особенно для участников из неанглоязычных стран Африки. Заметим при этом, что фестиваль 2017 года проводился под эгидой Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ) и вписывался в долгую историю подобных фестивалей (начиная с пражского фестиваля 1947), тогда как фестиваль 2024 года – мероприятие, подготовленное российским оргкомитетом, самостоятельно определявшим языковую политику. В то же время на мероприятиях, проводимых Общественной палатой РФ в рамках председательства России в МАЭСССИ (2021–2023), в случае присутствия франко- и испаноязычных участников систематически организовывался синхронный перевод, а также письменный перевод материалов на указанные языки – наравне с переводом на английский язык.

Таким образом, предметом оценки в отношении языкового разнообразия в рамках международных мероприятий могут являться:

1) соответствие выбора официальных / рабочих языков уровню, характеру, кругу участников и целям мероприятия, соблюдение правил, ранее установленных организаторами / соорганизаторами, особенно указанных в их основополагающих документах;

2) соответствие реализации языковой политики в рамках подготовки и проведения мероприятия заявленным параметрам.

Относительно второго пункта заметим, что нечеткое определение организаторами мероприятия его рабочих языков, недостаточно полное информирование участников (делегаций) о выборе рабочих языков, а также недостаточно последовательное применение в ходе мероприятия правил, касающихся рабочих языков, может приводить к дезорганизации и даже являться источником конфликтов. Например, по политическим соображениям организаторы могут выполнить частичный перевод документов на язык, не являющийся рабочим (а также разрешить участникам в виде исключения выступать на таком языке, при этом обычно приходится совмещать синхронный перевод с последовательным). Это может привести к неоправданным ожиданиям участников относительно наличия документов на языке, не имеющем статуса рабочего, либо возможности в короткие сроки выполнить такой перевод.

ТИПЫ МЕРОПРИЯТИЙ И ВИДЫ ОЦЕНКИ

К международным мероприятиям относятся встречи на высшем уровне (саммиты), встречи на уровне различных органов государственной власти, заседания постоянных органов международных организаций и компаний, международные форумы, конференции, семинары, круглые столы, видеоконференции, лекции (серии лекций), визиты делегаций, культурные мероприятия (фестивали, конкурсы), медиамероприятия (брифинги, пресс-конференции, пресс-подходы, презентации, пресс-туры) и др.

Пакет документов, сопровождающий организацию международного мероприятия и относящийся к сфере деятельности письменных переводчиков, может, в частности, включать документы для распространения среди участников мероприятия (папка участника, программа и т. п.), документы для ведения мероприятия (повестка дня, список участников и т. п.), документы для представителей СМИ (пресс-релизы и т. п.), сборники материалов мероприятия, материалы практического характера (информационные материалы, в том числе раздаточные, навигацию и т. д.)

При проведении оценки документационного обеспечения мероприятий перед экспертами могут быть поставлены следующие вопросы:

1) соответствовала ли практика управления документами в рамках подготовки и проведения мероприятия стандартам и нормам, определяющим параметры управления документами, в том числе

установленным в конкретной организации либо в отношении конкретного мероприятия? Следует обратить внимание на своевременное и полное информирование о таких стандартах и нормах, особенно касающихся параметров конфиденциальности, всех лиц, имеющих отношение к работе с документами, в частности, организаторов перевода и переводчиков, а также на размещение (при необходимости) информации о степени и сроках конфиденциальности на самих документах;

2) учтены ли при подготовке оригинальных документов, подлежащих переводу, прагматические параметры (в частности, профиль реципиентов, их профессиональные интересы)? В этой связи отметим, что в ряде случаев переводу текстов, особенно информационных и рекламных, на конкретный язык (языки) следует предпочесть создание текста сразу на двух и более языках, в том числе разными авторами, что может быть обусловлено лингвокультурологическими особенностями коммуникативной ситуации;

3) соответствует ли политика в области документационного обеспечения характеру, уровню, целям мероприятия?

4) соответствует ли документационное обеспечение мероприятия заявленной языковой политике?

5) как документационное обеспечение повлияло на результаты мероприятия?

Документационное обеспечение мероприятия может также подвергаться оценке на предмет соответствия требованиям переводческой отрасли, что может оказаться немаловажным при рассмотрении вопроса о качестве оказанных переводческих услуг. В этой связи могут быть поставлены следующие вопросы:

1. Были ли материалы, подлежащие письменному переводу, предоставлены переводчикам в разумные сроки, в полном объеме, в формате, наиболее комфортном из доступных?

Особенно важно предоставить доступ к имеющимся мини-словарям, двуязычным и многоязычным глоссариям по теме мероприятия. В случае если утвержденные эквиваленты отсутствуют либо имеются лишь приблизительные рекомендации относительно источников для лексикографического поиска, об этом следует сообщить переводчикам заблаговременно (всё сказанное касается и устных переводчиков). Часто организаторы не обращают внимания на то, что предоставление материалов в формате .pdf (нередатируемая версия), .jpeg и других несколько снижает скорость выполнения письменного перевода, при этом обнаруживается, что организаторы имели либо могли оперативно получить у выступающих тот же документ

в комфортных для переводчика форматах .docx, .rtf и т. п. Еще одна типичная проблема, возникающая при переводе документов для мероприятия – появление в последний момент «исправленной версии», на основании которой необходимо срочно внести правку в выполненный перевод, причем такое внесение правки на деле оказывается существенной переработкой текста. Немаловажно также, чтобы организаторы предоставляли, а подрядчики-поставщики переводческих услуг или переводчики запрашивали наиболее важные и информативные документы, по возможности в сжатой форме, особенно если время для осуществления письменного перевода или подготовки к устному переводу ограничено.

2. Было ли корректно сформулировано техническое задание на перевод, включающее временные, лингвопрагматические, технические и иные параметры?

Вопрос о формулировке технического задания стоит особенно остро, если часть документов переводится в удаленном режиме (заранее либо в ходе мероприятия), тогда как другая часть – письменной переводческой службой, созданной непосредственно на месте проведения мероприятия. В этом случае возникает проблема координации между переводчиками, работающими удаленно (обычно они привлекаются подрядчиком либо субподрядчиком) и находящимися на месте: непосредственная доступность последних, возможность давать им устные, формализованные указания может привести к снижению качества технического задания и для удаленных переводчиков.

3. Были ли устным переводчикам заблаговременно и в максимально возможном объеме предоставлены материалы для подготовки к работе?

В этой связи следует заметить, что переводчикам, осуществляющим устный перевод, необходимо по возможности предоставить как минимум список участников мероприятия (в том числе участников, выступление которых не планируется), но и (при их наличии) тексты или тезисы выступлений. На примере работы с материалами, предоставляемыми переводчикам, выявляется, функционирует ли обратная связь. В частности, может обнаружиться, что в списке участников на русском языке есть фамилии и имена, образование формы дательного падежа которых затруднено либо форма дательного падежа не опознается однозначно как таковая, например: вице-президент Лаоса с 2021 года г-жа Пани Ятоту (в другой орфографии – Ятхоту), председатель парламента Шри-Ланки с 2020 года г-н Махинда Япа Абейвардена, министр иностранных дел Замбии с 2024 года г-н Муламбо Хаимбе. В этом случае переводчикам либо подрядной

организации следует обратиться к организаторам мероприятия с просьбой о том, чтобы ведущий, говорящий на русском языке, при предоставлении слова участникам воздерживался от употребления формул *слово предоставляется N* либо *разрешите предоставить слово N*, поскольку при восприятии формы дательного падежа на слух переводчику будет сложно восстановить форму именительного падежа. Рекомендуемая при этом форма – *слово имеет N* либо *следующим выступает N ... пожалуйста, господин / госпожа N*.

ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНКИ ДОКУМЕНТОВ

Предыдущий раздел был посвящен процессу работы с документами, в основном подлежащими письменному переводу либо использующихся для обеспечения устного перевода. Наряду с этим могут быть выделены параметры, по которым может оцениваться документационное обеспечение мероприятий, в том числе многоязычных.

1. Соответствие документации (в частности, исходных текстов и текстов перевода) международным и национальным стандартам, а также внутренним стандартам и нормам отдельных организаций.

2. В случае переводных текстов – соответствие текста перевода тексту оригинала. В ходе такого анализа могут применяться достижения теории перевода, в частности, концепции эквивалентности и адекватности перевода, дихотомии Т. Сейвори, представляющие собой перечень противоположных требований к переводу, и т. д. Особое внимание должно быть уделено корректному переводу прецизионной информации.

3. Соблюдение в документах норм соответствующего языка. Особое внимание следует уделять стилистической корректности текстов официально-делового стиля, составляющих основной объем текстов, создаваемых в связи с проведением мероприятий. Важно соблюдение этикета деловой переписки, причем в ряде языковых сообществ в данной сфере в последнее время происходят существенные изменения, и стилистически «завышенное» употребление отдельных слов и выражений может оказаться столь же неуместным, как употребление стилистически «недостаточно высоких» формул. Такая тенденция, на наш взгляд, особенно ярко проявляется на материале английского языка в многоязычном контексте, при этом сегодня всё больше международных мероприятий проходит в разнородной среде, где не вполне соблюдаются некоторые нормы делового этикета.

4. Соответствие переводной документации лингвопрагматическим параметрам, основными из которых являются:

- степень знакомства целевой аудитории с данной предметной областью, влияющая, на применение специальной лексики, на степень детализации описания и т. п.;
- для мероприятий с выраженным межкультурным компонентом – степень знакомства реципиентов с реалиями иной культуры, влияющая, в частности, на выбор способа передачи реалий;
- наличие у реципиентов времени для ознакомления с документом, от чего зависят объем документа, объем применения графических символов вместо текста и т. д., причем такие параметры могут различаться в исходном тексте и в тексте перевода вследствие различных установок в отношении восприятия текста, бытующих в разных лингвокультурных общностях;
- учет фактора неродного языка, т. е. того, какая доля реципиентов, которым предназначен текст на данном языке, являются его носителями либо владеют им на достаточно высоком уровне: данный фактор влияет на выбор языковых средств при переводе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт, накопленный организаторами международных мероприятий, указывает прежде всего на необходимость выработки и фиксации языковой политики в отношении мероприятия, а также четкого следования ее принципам в ходе его подготовки и проведения. Следует четко определить, какие языки на данном мероприятии являются рабочими, и уточнить статус каждого из них.

Оценке могут подвергаться как оригинальные документы, предоставленные участникам мероприятия (включая элементы оформления, информационные указатели и т. д.), так и документы, предоставляемые переводчикам для осуществления письменного перевода либо подготовки к устному переводу. При этом может оцениваться соответствие документационного обеспечения заявленной языковой политике, соответствие оригинальных и переводных документов техническим стандартам, нормам соответствующего языка, лингвопрагматическим параметрам (в частности, профилю реципиентов), организация процесса перевода, включая взаимодействие организаторов с подрядчиками или непосредственно переводчиками, и другие параметры. На основании проведенной оценки могут быть выработаны рекомендации для всех участников процесса, включая способы по их взаимодействию. Представляется, что методика выработки таких рекомендаций могла бы стать предметом дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Княжева Е. А. Оценка качества перевода и проблема границ // Язык. Культура. Коммуникация. 2017. № 1–1 (20). С. 16–23.
2. Кондюкова Е. С. Основы документационного обеспечения управления: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский государственный технический университет, 2006.
3. Княжева Е. А. Оценка качества перевода как вид интеллектуальной деятельности и методы ее исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 5 (886). С. 48–55.
4. Крючкова, Т. Б. Языковая политика и реальность // Вопросы филологии. 2010. № 1 (34). С. 30–39.
5. Slotta J., Handman C. Global languages and communicative inequality in the “last place” on earth // Language and Social Justice: Global Perspectives (Contemporary Studies in Linguistics). London: Bloomsbury Academic, 2024. P. 369–391.
6. Матюшин И. М., Солнцев Е. М. Снег и лед: Зимние олимпийские виды спорта: учебное пособие для переводчиков французского языка. М.: Р. Валент, 2013.
7. Тазина К. А. Формирование готовности к письменному переводу // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (119). С. 79–83.
8. Фирстов М. С. Последовательный перевод: переводчик как идеальный слушатель // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 642. С. 211–220.

REFERENCES

1. Knyazheva, E. (2017). Translation Quality Assessment and the Problem of Boundaries. Language. Culture. Communication, 1–1 (20), 16–23. (In Russ.)
2. Kondyukova, E. S. (2006). Osnovy dokumentacionnogo obespechenija upravlenija: uchebnoe posobie = Fundamentals of documentary support of management. Text Guid. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj tehničeskij universitet. (In Russ.)
3. Knyazheva, E. (2024). Translation Quality Assessment as a Type of Intellectual Activity and Methods of Its Research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(886), 48–55. (In Russ.)
4. Kryuchkova, T. (2010). Language Policy and Reality. Voprosy filologii, 1(34), 30–39. (In Russ.)
5. Slotta, J., Handman, C. (2024). Global languages and communicative inequality in the “last place” on earth. Language and Social Justice: Global Perspectives (Contemporary Studies in Linguistics) (pp. 369–391). London: Bloomsbury Academic.
6. Matyushin, I. M., Solntsev, E. M. (2013). Sneg i led: Zimnie olimpijskie vidy sporta: uchebnoe posobie dlja perevodchikov francuzskogo jazyka = Snow and Ice: Winter Olympic Sports. Text Guid. Moscow: R. Valent. (In Russ.)
7. Tazina, K. (2012). Forming of Readiness for Written Translation. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 4(119), 79–83. (In Russ.)
8. Firstov, M. (2012). Consecutive Interpreting: Interpreter as a Perfect Listener. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 642, 211–220. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Солнцев Евгений Максимович

кандидат филологических наук
доцент кафедры французского языка
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Зиновьева Елена Валерьевна

старший преподаватель кафедры французского языка
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Solntsev Evgeny Maksimovich

PhD in philology

Associate Professor at the Department of the French Language

Faculty of Translation and Interpreting

Moscow State Linguistic University

Zinovyeva Elena Valerievna

Senior Lecturer at the Department of the French Language

Faculty of Translation and Interpreting

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.07.2024
04.08.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Культурно-семиотический подход к анализу новостного политического нарратива

Т. Ю. Тамерьян¹, А. М. Шаипова²

¹Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия
tamertu@mail.ru

²Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел России, Москва, Россия, amina_shaipova@mail.ru

Аннотация. Исследование направлено на герменевтический анализ вербально и вербально-визуально репрезентированных семиотических смыслов в российском политическом нарративе. В качестве основных задач предполагается выявление, декодирование и интерпретация когнитивных моделей поликодовых семиотических конструктов в электронных СМИ. Используются широкий социально-политический и культурный контексты, дешифровка семиотических кодов, применяемых на различных каналах перцепции. Приводятся бленды метафорических и метафтонимических когнитивных конструктов на основе мортальной, соматико-мифологической, религиозной, инструментально-религиозной, ретрибутивной, вендеттивной и протекционистской моделей.

Ключевые слова: политический новостной нарратив, политическая семиотика, хремотоним, метафорическая модель, метафтоним

Для цитирования: Тамерьян Т. Ю., Шаипова А. М. Культурно-семиотический подход к анализу новостного политического нарратива // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 105–111.

Original article

Cultural and Semiotic Approach to Political News Narrative Analysis

Tatiana Yu. Tameryan¹, Amina M. Shaipova²

¹Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia
tamertu@mail.ru

²Moscow State Institute of International Relations at the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
amina_shaipova@mail.ru

Abstract. The study is aimed at the hermeneutic analysis of verbally and verbally-visually represented semiotic meanings in the Russian political narrative. The main tasks are to identify, decode and interpret cognitive models of polycode semiotic constructs in electronic media. A wide socio-political and cultural contexts are used, deciphering semiotic codes used in various channels of perception. Blends of metaphorical and metaphonymic cognitive constructs are given based on the mortal, somatic-mythological, religious, instrumental and religious, retributive, vendetta and protectionist models.

Keywords: political news narrative, political semiotics, chrematonym, metaphorical model, metaphonym

For citation: Tameryan, T. Yu., Shaipova, A. M. (2024). Cultural and semiotic approach to analysis political news narrative. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 105–111. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Динамика современного развития в эпоху глобализации, когда движение информационных потоков происходит стремительно, невозможна без использования электронных средств массовой информации. Политические онлайн-нарративы являются наиболее актуальным жанром, транслирующим обширные новостные сведения и доносящие их ценностную ориентацию до различных социальных групп. Новостные интернет-сайты функционируют в мультимедийном формате, предполагающем сообщения с вербальными семиотическими элементами, визуальными, аудиальными или полимодальными текстами, в западной терминологии – синкретическими [Cosenza, 2020].

В связи с тенденцией использования языка в разных регистрах и тактико-стратегических приемах убеждения и оценки принято рассматривать политический нарратив как социальное явление, включающее серию коммуникативных событий между говорящим как убеждающим и аудиторией как получателем убеждения [Dijk van, 2006], с одной стороны, и как лингвокогнитивный феномен, направленный на манипулирование и контроль эмоций, убеждений и реакций аудитории – с другой [O'Keefe, 2002].

Семиотическое пространство политического новостного нарратива составляет поликодовая палитра вербальных, невербальных и гибридных элементов, включающих, как правило, политические, военные, дипломатические, технические и социальные термины, специализированные невербальные и культурные символы и изображения, проявляющие коннотативную характеристику и содержащие идеологический компонент [Гусейнова, Горожанов, 2023а; Гусейнова, Горожанов, 2023б].

Основной целью политической семиотики является осмысление и описание политической действительности с помощью семиотических инструментов, установление на основе различных дискурсивных практик спектра разнокодовых значений, включая традиционные образы и символы кодирования, раскрытие логики присвоения данных значений в свете задач власти. В связи с этим статья направлена на выявление ряда алгоритмов концептуального аппарата политической семиотики.

Политическая семиотика ориентирована на использование культурной семиотики в анализе политического дискурса / нарратива [Mihkelsaar, 2018]. Синтез культурной семиотики и дискурс-анализа направлен на создание междисциплинарного подхода, который служит основой для интерпретации моделей более сложного уровня [Selg, 2016; Selg, 2018].

В настоящем исследовании мы опираемся на культурно-семиотический подход, который методологически является наиболее сложным методом семиотики, расширяющим рамки интерпретации как Михаила Лотмана, так и Эрнесто Лакло. Межтеоретический подход, соединивший онтологический и методологический уровни, эксплицирует онтологические основания культурной семиотики, значительно повышая герменевтический потенциал дискурса власти [Selg, Ventsel, 2019]. Таким образом, культурно-семиотический подход позволяет осуществить множественность интерпретаций осложненного семиотического комплекса с учетом неоднородности внутренней и внешней структуры каждого объекта анализа с ракурса разных концепций и культур.

КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛИКОДОВОГО ОБРАЗА «ПЕРИМЕТР»

В статье рассматривается семиотика новостного политического нарратива на примере анализа поликодового образа Периметра [Tameryan et al., 2020]. Система управления ракетными войсками стратегического назначения, официально зарегистрированная под буквенно-цифровым индексом УРВ ЗВСН – 15Э601, в профессиональной среде получила номинацию «Периметр». Предыдущее название – «Барьер». Мотивационные основания первичного означивания системы эксплицирует семантику предотвращения удара и защиты от ядерной угрозы. Вторичная номинация «Периметр» (*др.-греч.* окружность), реализуемая территориальной метафорой, актуализирует ассоциативный перенос с референта-мотиватора (*периметр* как видимая или невидимая граница вокруг какого-либо объекта или территории, длина границы) на функциональные характеристики комплекса, инициируемые благодаря замкнутой системе датчиков, установленных на территории ключевых объектов автоматического управления массированным ответным ядерным ударом.

«Периметр» был создан на основе межконтинентальной баллистической ракеты «Тополь», лингвокогнитивные механизмы репрезентации которой в информационно-политических нарративах СМИ были рассмотрены нами в предыдущих исследованиях [Тамерьян, Шаипова, 2022].

Эту систему в США прозвали «Мертвая рука», у нас она носит название «Периметр». Она нанесет ответный ядерный удар – даже в самом крайнем случае, когда никто не сможет принять решение об этом ударе, просто реагируя на радиосигнал системы,

командующей боем. Сенсорные датчики измеряют сейсмическую активность, давление воздуха и радиацию – и сразу определяют, если что-то пойдет не так. Отсюда и прозвище «**Мертвая рука**» – присутствия человека и специального нажатия на красную кнопку не требуется. Достаточно анализа искусственного интеллекта¹.

Соматико-мифологический метафтономим *Мертвая рука* (англ. Dead Hand) маркирует образ *смерти* посредством номинации части мертвого тела или скелета, демонстрируя универсальные для многих культурных традиций функции и символику *руки* (рис. 1)²:

Рис. 1. «Периметр», или «Мертвая рука»

Концептуализация последствий применения системы «Периметр» объективируется гиперметафорами *катастрофы планетарного масштаба, апокалипсиса, ядерного Армагеддона*, реализуемыми образом не только *смерти*, но также *Судного дня, Страшного суда и возмездия*.

Рассмотрим один из синкретичных метафорических образов – образ *смерти* по мортальной модели «Периметр» – *смерть*, эксплицирующей трагический результат применения ядерного оружия.

Последствия применения комплекса «Периметр» осмысляются посредством ряда образов. Прежде всего, это *апокалипсис* (конец света; катастрофа), который представляется как угроза прекращения существования человечества или планеты Земля:

Система «Периметр» запускает апокалипсис. Россия обладает единственным в мире оружием, гарантирующим ответный ядерный удар по противнику даже в том кошмарном случае, если у нас уже некому будет принимать решение об этом ударе (рис. 2)³:

¹URL: https://pikabu.ru/story/yadernyy_shchit_rossii_sistema_perimetr_naneset_otvetnyy_udar_pri_lyubiykh_obstoyatelstvakh_5607490

²URL: <https://dzen.ru/a/XVWFLq5WzACsG2zi>

³URL: <https://warfiles.ru/13355-sistema-mertvaya-ruka-ili-perimetr-zapuskaet-apokalipsis.html>

Рис. 2. Система «Периметр» запускает апокалипсис

Схожей по метафорическому содержанию является представление об *Армагеддоне* как о месте последней битвы сил добра и зла в конце времен и самой битве:

Ядерный Армагеддон: как будет воевать Россия. *Армагеддон* начнется с разблокировки ядерных боеприпасов. Считается, что выход США из ДРСМД даст старт новой гонке вооружений и лишь обострит риски ядерного противостояния⁴.

Важный момент: в случае запуска системы включается точка невозврата, и остановить её невозможно, ведь создана она специально для условий «Армагеддона». Не стоит забывать, что на боевое дежурство она поступила в те времена, когда потенциальная ядерная война выглядела реальностью⁵.

Картины *апокалипсиса* и *Армагеддона* связаны с такими моделями религиозной метафоры, как *Судный день* и *Страшный суд*, когда в последний день существования мира Богом совершит последний страшный суд, выявляющий праведников и грешников. Заметим, что *Судный день* называют *днем гнева* (лат. Dies irae), предвестником конца света:

Скажем сразу: система эта суперсекретна. За десятилетия иностранной разведке удалось вывести лишь общие принципы ее работы<...>. Да, не все ядерные боеголовки прорвутся через систему ПРО США к назначенным целям. Но и тех, что прорвутся, достаточно, чтобы на месте Штатов остался пролив между южной Канадой и северной Мексикой... Это и будет *Судный день*⁶.

Семиотизация системы «Периметр» в политическом нарративе базируется также на технологическом компоненте понятийного ядра данного концепта – *машина / устройство / оружие / сеть*

⁴URL: https://pikabu.ru/story/mest_myortvoy_ruki_9114042

⁵URL: <https://www.gazeta.ru/army/2018/10/28/12038233.shtml>

⁶URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/interesnye-fakty/sistema-perimetr-ili-mertvaya-ruka>

спутников (инструментальная метафора), формируя метафтонимический бленд: *машина Судного дня / оружие / торпеда Судного дня / сеть спутников Судного дня*:

Машина Судного дня. Система «Периметр»: Ядерную атаку отразит машина Судного дня¹.

Подробности о нашей системе стали известны им только в начале 1990-х годов. Тогда на Запад перебежал один из ее разработчиков. 8 октября 1993 года газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью «Русская машина Судного дня». Там впервые в открытой печати появились сведения о системе управления советскими (тогда уже российскими) ракетными войсками. Впервые же было сообщено и ее название – «Периметр», когда-то сверхсекретное, а теперь известное всем² (рис. 3):

Рис. 3. Система «Периметр»: Ядерную атаку отразит машина Судного дня

Образ машины, приводящей в действие ответный ядерный удар, связан представлениями о «машинном зале» в глубине горы Ямантау, в котором находится центральный пульт управления системой, анализирующей информацию с датчиков по всей России³.

У американцев же китайцы взяли идею авиационного комплекса *машины Судного дня*⁴.

В приведенных выше и последующих примерах инструментально-религиозные метафорические номинации *машина / оружие / торпеда / сеть спутников Судного дня* переходят в окказиональные апеллативы со значением «ядерный комплекс ответного удара», утрачивая российскую этнокультурную специфику.

Оружие Судного дня. Настоящее оружие Судного дня: Запад оценил российскую ракету. <...> Западные

эксперты признают, что Россия вырвалась вперед в сфере создания гиперзвукового оружия. Особое внимание автор материала обращает на недавнее испытание противоракеты ПРС-1М⁵.

Торпеда Судного дня. Самое опасное оружие в мире готово: теперь Россию защищают *торпеды Судного дня*. Пожалуй, ни один вид российского оружия так не «щекочет нервы» Запада и не нагоняет на него такие жуткие страхи, как новейшая ядерная суперторпеда «Посейдон». Даже отдельные и скудные сообщения о ней вызывают в мировой прессе информационный «атомный» взрыв⁶.

Сеть спутников Судного дня. В последние годы США разворачивают на космических орбитах *сеть спутников Судного дня*. Эти спутники являются страховкой на случай ядерной войны. Они смогут поддерживать связь даже в экстремальных условиях⁷.

Рассмотренные модели инструментально-религиозной метафоры *машина Судного дня / оружие / торпеда Судного дня / сеть спутников Судного дня* представляют собой лингвокогнитивную экспликацию хрематонима «Периметр» в аспекте радиуса (периметра) охвата действия всех видов ядерного вооружения данной системы.

Ретрибутивная и вендеттивная метафорические модели «*Периметр* – это возмездие» и «*Периметр* – это месть» широко применимы в нарративах СМИ:

Возмездие. Система гарантированного ядерного возмездия «Периметр»⁸.

Неотвратимое *возмездие* за ядерное нападение⁹; Что мы знаем о российском секретном **оружии возмездия** – системе «Периметр» или «Мертвой руке», легенды о котором гуляют еще со времен СССР и которого страшатся американцы¹⁰.

Если однажды США и НАТО решат атаковать Россию, то *возмездие* придет неожиданно. Сначала «Периметр» протестирует уровень радиационного фона на критически важных объектах (Кремль, правительство, Минобороны и Генштаб, пункты управления военных округов и флотов, позиции Ракетных войск стратегического назначения, важнейшие авиа- и военноморские базы, города с важнейшими оборонными объектами)¹¹.

⁵URL: <https://rg.ru/2019/06/13/nastoiashchee-oruzhie-sudnogo-dnia-zapad-ocenil-rossijskuii-raketu.htm>

⁶URL: <https://www.kp.ru/daily/27452/4706659>

⁷URL: https://pikabu.ru/story/mest_myortvoy_ruki_9114042

⁸URL: <https://news.rambler.ru/weapon/48981646-mertvaya-ruka-samaya-strashnaya-rossiyskaya-sistema-oruzhiya-sudnogo-dnya>

⁹URL: <https://ria.ru/20181018/1530999011.html>

¹⁰URL: <https://x-true.info/81455-mertvaya-ruka-pochemu-v-ssha-tak-nazvali-russkuju-sistemu-perimetr.html>

¹¹URL: https://pikabu.ru/story/mest_myortvoy_ruki_9114042E

¹Там же

²URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/interesnye-fakty/sistema-perimetr-ili-mertvaya-ruka>

³URL: https://pikabu.ru/story/mest_myortvoy_ruki_9114042

⁴URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/princip-mertvoi-ruki-pocemu-idei-kitaya-ne-primet-rossiya-i-drugie-iz-yadernogo-kluba-5938850>

Наша концепция – это ответ на встречный удар <...>. Агрессор должен знать: *возмездие неизбежно*, всё равно он будет уничтожен.<...> А мы как жертва агрессии, мы как мученики попадем в рай, а они просто сдохнут», – сказал Путин. И добавил: «Потому что они даже раскаяться не успеют»¹.

Под возмездием понимается плата, кара за причиненное, совершенное зло². Возмездие по моральным и правовым нормам восходит к понятию талиона, т. е. возмездия, равного по силе совершенному преступлению. Оно возникло еще в родовом обществе и зафиксировано в ряде древних систем права, например, в кодексе Хаммурапи – «око за око, зуб за зуб»³.

На рисунке 4 с надписью «Периметр возмездия»⁴ закодированы образы *смерти* и *апокалипсиса*, глобальной катастрофы в результате ответного ядерного удара. Обигрывается номинация системы «Периметр», она же «Мертвая рука», черная от ядерного облака рука погибающего человека, цепляющаяся за круг знака радиационной опасности, символизирующий периметр возможного атомного разрушения, пытаясь воззвать к политическому благоразумию как к последнему шансу на спасение человечества для предотвращения катастрофы (рис. 4):

Рис. 4. Кара, расплата в виде ответного удара, который может нанести Россия

Важно обозначить отличие возмездия от мести. Возмездие трактуется как выражение высшей справедливости. Хотя месть и возмездие являются взаимообусловленными и взаимосвязанными понятиями, трактуемыми в том числе как синонимы, специфическим признаком мести считается намеренное причинение зла кому-л. с целью отплатить за потери, страдания, обиды и т. п.⁵. В рас-

сматриваемом фрагменте ядерный удар из мести предпринимается в качестве ответной реакции, когда существует масштабная угроза прекращения существования государства:

Месть «Мёртвой руки»: Почему США требуют запретить российскую систему «Периметр». Систему ответного ядерного удара создали на случай, если всё руководство страны будет уничтожено ядерным ударом противника. В США и НАТО заявляют, что реальное назначение системы остаётся неизвестным. <...> Официально система боевого автоматического управления «Периметр» <...> была введена в строй в 1985 году, но спроектировали уникальное оружие ещё в 70-х⁶.

И, наконец, протекционистская метафора «Периметр» – ядерный щит России» манифестирует стратегический потенциал создания данной системы для России как гаранта ядерного сдерживания:

Ядерный щит России: система «Периметр» нанесет ответный удар при любых обстоятельствах. «Демократическая» внешняя политика США уже давно стала притчей во языцех: Вашингтон нападает на слабые и уступающие в технологической силе страны под видом борьбы с терроризмом. Немногие страны могут достойно ответить американским завоевателям. Россия – одна из них. У нас существует система, которая гарантирует нанесение ответного ядерного удара при любых обстоятельствах⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в рамках культурно-семиотического подхода к анализу интернет-СМИ применительно к реализации в российском новостном нарративе концепта «Периметр» в аспекте когнитивной метафоризации и метафониимизации нами были интерпретированы вербальные и синкретические текстовые фрагменты, созданные на основе мультимодальных семиотических регистров.

Российская система массированного ядерного удара «Периметр» семиотизируется гиперметафорами *апокалипсиса* и *Армагеддона*, включающими образы *смерти* (мортальная метафора), *Судного дня*, *Страшного суда* (религиозная метафора), *возмездия* (ретрибутивная метафора) и *мести* (вендеттивная метафора). Соматико-мифологический метафтономим «Мертвая рука», «Периметр»

¹URL: <https://m.interfax.ru/633992>

²URL: <https://gramota.ru/meta/vozmezdje>

³URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/EText/hammurap.htm>

⁴URL: https://pikabu.ru/story/protokol_otvetnogo_yadernogo_udara_mertvaya_ruka_kak_yeto_rabotaet_9496463

⁵URL: <https://gramota.ru/meta/mest>

⁶URL: <https://life.ru/p/1444520>

⁷URL: https://pikabu.ru/story/yadernyy_shchit_rossii_sistema_perimetr_naneset_otvetnyy_udar_pri_lyubykh_obstoyatelstvakh_5607490

в западной интерпретации, эксплуатируя универсальную символику и функциональность *руки*, продуцирует картину гибели цивилизации после нанесения ядерного удара. Инструментально-религиозные метафорические модели «Периметр» – машина (оружие / торпеда / сеть спутников

Судного дня манифестируют способы и периметр нанесения удара.

Протекционистская метафора «Периметр» – ядерный щит России» раскрывает политические цели, требующие наличия данного комплекса на вооружении у России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cosenza G. What Can Semiotics Do for Political Communication? // *Comucazione Politica*. 2020. Вып. 21 (1). P. 99–114.
2. Dijk van T.A. Discourse and manipulation // *Discourse & Society*. 2006. Vol. 17 (3). P. 359–383.
3. O’Keefe D. J. Guilt as a mechanism of persuasion // *The Persuasion Handbook: Developments in Theory and Practice* / Ed. by J. P. Dillard, M. Pfafu. London: Sage Publications, 2002. P. 329–344.
4. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023а. Т. 16. № 6. С. 911–920.
5. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2023б. Т. 22. № 3. С. 67–76. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.3.6.
6. Mihkelsaar J. Lotman’s semiotic theory of culture or Laclau’s political ontology? // *Semiotica*. 2018. Vol. 224. P. 135–163.
7. Selg P. ‘The Fable of the Bs’: Between Substantialism and Deep Relational Thinking about Power // *Journal of Political Power*. 2016. Vol. 9 (2). P. 183–205.
8. Selg P. Power and Relational Sociology // *The Palgrave Handbook of Relational Sociology*. London: Palgrave Macmillan. 2018. P. 539–557.
9. Selg P., Ventsel A. What is political semiotics and why does it matter? A reply to Janar Mihkelsaar // *Semiotica*. 2019. Vol. 231. P. 1–10.
10. Tameryan T. Yu. et al. On language explication of the conceptualized meanings in ethno-cultural and socio-political aspects / T. Yu. Tameryan, M. R. Zheltukhina, I. G. Anikejeva, N. A. Arkhipenko, E. I. Soboleva, O. N. Skuybedina // *Opcion*. 2020. Vol. 36 (26). P. 456–475.
11. Тамерьян Т. Ю., Шаипова А. М. Межпрецедентное семиотическое пространство, или Когда гремят пушки, музы не молчат // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2022. № 4. С. 145–166.

REFERENCES

1. Cosenza, G. (2020). What Can Semiotics Do for Political Communication? *Comucazione Politica*, 21(1), 99–114.
2. Dijk van, T.A. (2006). Discourse and manipulation. *Discourse & Society*, 17(3), 359–383.
3. O’Keefe, D.J. (2002). Guilt as a mechanism of persuasion. In Dillard, J. P., Pfafu, M. (Eds.), *The Persuasion Handbook: Developments in Theory and Practice* (pp. 329–344). London: Sage Publications.
4. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023a). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 16(6), 911–920. (In Russ.)
5. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023b). Ideology as a Factor of Translation: Traditions in Innovation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 22(3), 67–76. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.6>. (In Russ.)
6. Mihkelsaar, J. (2018). Lotman’s semiotic theory of culture or Laclau’s political ontology? *Semiotica*, 224, 135–163.
7. Selg, P. (2016). ‘The Fable of the Bs’: Between Substantialism and Deep Relational Thinking about Power. *Journal of Political Power*, 9(2), 183–205.
8. Selg, P. (2018). Power and Relational Sociology. In Dépelteau, F. (Ed.), *The Palgrave Handbook of Relational Sociology* (pp. 539–557). London: Palgrave Macmillan.

9. Selg, P., Ventsel, A. (2019). What is political semiotics and why does it matter? A reply to Janar Mihkelsaar. *Semiotica*, 231, 1–10. 10.1515/sem-2018-0097.
10. Tameryan, T. Yu., Zheltukhina, M. R., Anikejeva, I. G., Arkhipenko, N. A., Soboleva, E. I., Skuybedina, O. N. (2020). On language explication of the conceptualized meanings in ethno-cultural and socio-political aspects, *Opcion*, 36(26), 456–475.
11. Tameryan, T. Yu., Shaipova, A. M. (2022). Interprecedent Semiotic Space, or When the Cannons are Heard, the Muses aren't Silent. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 4, 145–166. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тамерьян Татьяна Юльевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей
факультет международных отношений
Северо-Осетинского государственного университета

Шаипова Амина Мусаевна

преподаватель кафедры английского языка № 6
Московского государственного института международных отношений
Министерства иностранных дел России

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tameryan Tatiana Yulievna

Doctor of Philology, Professor
of Department of Foreign Languages for Non-linguistic Specialties,
Khetagurov North Ossetian State University

Shaipova Amina Musaevna

Lecture of the Department № 6 of English
Moscow State University of International Relations

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

04.07.2024
03.08.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 81-115:81'373.47:811.134.2

Понятие «человек» в испанской лексикографии XVII–XVIII веков

О. В. Федосова¹, А. Д. Ищенко²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹fedosova@yandex.ru

²alexandra.i1097@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть содержание и эволюцию понятия «человек» в испанской национальной картине мира, репрезентируемой в кастильском языке XVII–XVIII веков. Материалом исследования послужили испанские словари XVII–XVIII веков. Опираясь на метод анализа семантических полей, метод компонентного анализа, логико-семантический, диахронический методы и метод культурно-исторического анализа, авторам удалось установить объем и содержание понятия «человек» в испанской лексикографии выделенного периода, а также проследить его трансформацию в ходе развития испанского языка.

Ключевые слова: испанская лексикография, семантическое поле «человек», понятие «человек», семантическая структура слова

Для цитирования: Федосова О. В., Ищенко А. Д. Понятие «человек» в испанской лексикографии XVII–XVIII веков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 112–119.

Original article

The Concept of “Man” in the Spanish Lexicography of the XVII–XVIII Centuries

Oksana V. Fedosova¹, Alexandra D. Ishchenko²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹fedosova@yandex.ru

²alexandra.i1097@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to consider the content and evolution of the concept of “man” in the Spanish national picture of the world, represented in the Castilian language of the XVII–XVIII centuries. The Spanish dictionaries of the XVII–XVIII centuries served as the research material. Based on the method of analyzing semantic fields, the method of component analysis, logical-semantic, diachronic methods and the method of cultural and historical analysis, the authors managed to establish the scope and content of the concept of “man” in the Spanish lexicography of the selected period, as well as to trace its transformation during the development of the Spanish language.

Keywords: Spanish lexicography, the semantic field “man”, the concept of “hombre”, the semantic structure of the word

For citation: Fedosova, O. V., Ishchenko, A. D. (2024). The concept of “man” in the Spanish lexicography of the XVII–XVIII centuries. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 112–119. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Осмысление феномена «человек» пронизывает все сферы философской мысли, начиная с древних времен, когда человек только начал выделять себя из окружающего мира. Язык в этом смысле выступает не только инструментом осмысления человеком самого себя, но и способом отражения этого процесса, его закрепления в языковой картине мира. Значимые лексикографические источники являются не только важнейшими свидетельствами состояния языка в разные эпохи, но и отражают совокупность представлений коллективного сознания нации об окружающем мире, о познанной природе вещей и взаимосвязях между ними. Человек в этой картине мира всегда занимает центральное место, выступая точкой отсчета для осмысления всех других вещей и взаимосвязей между ними. Тем не менее идея самого человека изначально различается в разных культурах и цивилизациях, кроме того она подвержена трансформациям, которые в исторической парадигме могут носить радикальный характер.

Актуальность данного исследования заключается в экзистенциальном характере проблематики, связанной с идеей человека как такового. Будучи по-разному осмысленной в разных религиях, философских трудах и художественных направлениях, проблема человека выходит на первый план в переломные моменты истории. В настоящее время идея человека находит свое освещение преимущественно в концептуальных научных исследованиях, где концепт «человек» является предметом изучения различных направлений гуманитарных наук [Бринюк, 2020; Медведев, 2011; Сергеева, 2013]. Отдельные исследования имеются в области изучения лексико-семантических групп понятия «человек» [Кулькова, 2015; Пепеляева, 2019; Тиллоева, 2016]. Сложность феномена «человек», необходимость его осмысления в различных языках с учетом новых подходов и новых социальных реалий обуславливает необходимость дополнительных научных исследований в этой области. Следует также признать, что проблема полевого исследования лексемы «человек» на материале испанского языка до настоящего времени не попадала в фокус зрения ученых. Все эти факторы определяют новизну нашего исследования, целью которого является определение содержания понятия «человек» в испанской языковой картине мира XVII–XVIII веков.

Для достижения цели мы поставили следующие задачи: 1) используя комплексный методологический подход, включающий в себя методы семантического анализа поля, диахронического и компонентного анализа, изучить структуру семантического

поля «человек» в испанской лексикографии XVII–XVIII веков; 2) при помощи методов логико-семантического и культурно-исторического анализа выявить особенности понятия «человек» в испанской картине мира выделенного периода.

Материалом для анализа нами были выбраны словари С. де Коваррубиаса «Сокровищница кастильского, или испанского языка» (1611) и «Словарь авторитетов» Испанской королевской академии (1726–1739).

Теоретическую основу исследования составили научные концепции в области теории полей и полевой структуры языков [Trier, 1931; Duchacek, 1978; Адмони, 1988; Бондарко, 1984].

Практическое применение результаты нашего исследования могут найти в разработке и преподавании теоретических курсов испанского языка; также они будут полезны для смежных наук (филологии, социологии, культурологии и др.), ставящих в центр своих научных изысканий человека.

ПОНЯТИЕ «ЧЕЛОВЕК» В ИСПАНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Словом-идентификатором понятия «человек» в испанском языке является «hombre» – гиперлексема и архисема семантического поля «человек». В современном испанском языке ее лексико-семантическими вариантами выступают субстантив *persona*, субстантивированный адъектив *humano*, субстантивированный инфинитив *ser* и субстантивная конструкция *ser humano*. Сумма семантических структур данных единиц образует ядро современного семантического поля «человек», поэтому для его реконструкции необходимо рассмотреть семантическую структуру каждой из этих единиц в отдельности.

Понятие «человек»

в «Сокровищнице» Коваррубиаса

Впервые толкование лексемы *hombre* в испанской национальной лексикографии было представлено в толковом словаре испанского языка, составленном С. де Коваррубиасом (Covarrubias Orozco Sebastián, 1539–1613) «Сокровищница кастильского, или испанского языка» (*Tesoro de la lengua castellana, o española*, 1611)¹. Этот словарь, являющийся памятником испанской лексикографии, включает 11 261 словарную статью. Достоверность приведенных в нем значений подтверждается цитатами и примерами словоупотребления.

¹Hombre. Covarrubias Orozco S. de. *Tesoro de la lengua castellana, o española*. Madrid: Luis Sánchez, 1611. P. 475–476. URL: <https://archive.org/details/A253315/page/n987/mode/2up>

В толковании понятия «hombre» Коваррубиас опирается на три краеугольных камня, определявших мировоззрение испанца эпохи Возрождения: античную концепцию человека, представленную ее древнегреческим корнем и позднейшей латинской интерпретацией, а также ветхозаветным мифом о происхождении человека. Ссылаясь на античных философов, Коваррубиас фокусирует внимание на исключительном положении человека на Земле в силу свойственных только ему качеств и способностей:

Animal hoc prouidum, sagax, multiplex, acutum, mem-
mor, plenum rationis et consilii, quem uocamus homi-
nem (Cicero. *De legibus libri*, I)¹. – Человек – животное
гордое, сообразительное, сложное, способное смот-
реть в будущее, обладающее памятью, исполненное
разума и мудрости².

Коваррубиас выделяет психические и физи-
ческие параметры, благодаря которым человек –
единственное существо на Земле, которое может
устанавливать непосредственную связь с Богом:

Deus homines humo excitatos, celsos et erectos
constituit deorum cognitionem caelum intuentes
capere possent (Cicero. *De natura deorum*). – Бог создал
людей способными восхищаться, высокими и прямо-
ходящими, чтобы созерцая Небеса они познали Бога
(Цицерон. *О природе богов*).

Эту же мысль автор подтверждает цитатой из
«Метаморфоз» Овидия:

Pronaque quum spectent animalia cetera terram, / Os
homini sublime dedit, coelumque tueri Jussit, et erectos
ad sidera tollere vultus». – И в то время как остальные
животные, склонившись, в землю смотрят, / Высокое
дал он чело человеку, чтобы прямо в небо глядел он,
подымая к созвездиям очи³.

Коваррубиас не обходит вниманием вопрос
предназначения человека, также прибегая к цита-
ции Цицерона:

Ipse autem homo natus est ad mundum
contemplandum & imitandum. – Человек рожден
для созерцания мира и подражания ему.

На бытовом уровне понятие «hombre» опре-
деляется как *благородный мужчина* – *noble*. Автор
перечисляет черты характера и душевные свой-
ства, которые делают человека человеком, насто-
ящим мужчиной, т. е. *noble*: *valor* (*смелость, до-
блесть*), *prudencia* (*благоразумие*), *fortaleza* (*сила;
сила духа*), *compasibilidad* (*сострадательность*); он
способен *mandar* (*распоряжаться*), *defender* (*защи-
щать*). Периферийные значения *hombre*: **1.** взрос-
лый мужчина (*Es ya hombre, ha salido de la edad de
muchacho*); **2.** в отношениях с женщиной – муж (*La
mugier casada, entre gente baxa, llama a su marido Mi
hombre*).

Таким образом, выделяются следующие значе-
ния *hombre*: **1.** мужчина; **2.** благородный мужчи-
на; **3.** взрослый мужчина; **4.** муж; **5.** хозяин дома.
В идиоматизмах раскрываются дополнительные
смыслы: *El buei por el cuerno, y el hombre por la
palabra* (букв. 'Быка узнаешь по рогам, а человека –
по словам'), *Es hombre de su palabra* (Он хозяин сво-
их слов), *Huela casa a hombre* (букв. 'В доме пахнет
мужчиной' в значении «В доме есть хозяин»).

Так, в словарной статье *hombre* автор опреде-
ляет параметры, характеризующие основополага-
ющие аспекты природы человека:

- 1) физические (принадлежность к животно-
му миру; вертикальное положение тела; мужская
природа; взрослый возраст);
- 2) нематериальные (божественность; особое
предназначение; связь с Богом; благородство);
- 3) когнитивные (память, разум, мудрость,
сообразительность);
- 4) психоэмоциональные (гордость, стойкость,
восхищение, сострадание, сила духа);
- 5) социальные (представитель благородного
сословия, защитник, муж, хозяин дома).

Словарь включает лексико-семантический
вариант (ЛСВ) понятия «hombre» – субстантив
«persona»: «Персона есть индивидуальная суб-
станция разумной природы»³. Здесь акцентируется
индивидуально-личностное начало природы чело-
века, раскрываемое в дериватах «personalmente»
(лично), «apersonado» (видный, представительный
человек) и устойчивых оборотах «buena persona»
(хороший человек), «honorifica persona» (достой-
ный человек).

Словарная единица *humano*, имеющая общую
со словом *hombre* латинскую деривативную основу
(*hom-*), не является ЛСВ, так как в XVII–XVIII веках
имеет исключительно адъективную природу. Тем
не менее семантически и этимологически адъек-
тив *humano* (*человеческий; человеческий; гуманный*)

¹Цицерон М. Т. О законах. Кн. I. В литературном переводе В. О. Горенштейна; "существо, способное предвидеть, сообразительное, разностороннее, наблюдательное, памятлиное, преисполненное разума и мышленное. URL: <https://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=14148800>

²Зд. и далее, если не указано иного, перевод наш. – Авт.

³Persona. Covarrubias Horozco S. de. Tesoro de la lengua castellana, o española. Madrid: Luis Sánchez, 1611. P. 586. URL: <https://archive.org/details/A253315/page/n1209/mode/2up>

связан с субстантивом *hombre*. В словаре Коваррубиаса основные значения лексемы *humano* раскрываются следующим образом:

humano 1. простой в общении, снисходительный, доброжелательный, вежливый со всеми, независимо от положения; 2. «миролюбивый, сострадательный, любящий/нежный, добрый, кроткий»; 3. «пристрастный к плотскому, склонный к искушениям плоти»¹.

Все выделенные из соответствующих статей словаря смыслы понятия «человек» и характеризующие человеческую природу черты, репрезентируются конкретными лексическими единицами, которые сведены в таблицу (табл. 1).

Рассматривая понятие «человек» с концептуальной точки зрения, в «Сокровищнице» оно раскрывается в двух планах – онтологическом и бытовом. Философская концепция «человек» здесь характеризуется сложностью и противоречивостью, отражая, с одной стороны, гуманистическую идею человека, основанную на античном идеале

¹Hvmano. Covarrubias Horozco S. de. Tesoro de la lengua castellana, o española. Madrid: Luis Sánchez, 1611. P. 482. URL: <https://archive.org/details/A253315/page/n1002/mode/2up>

с присущим ему культом разума и благородства. Обращает на себя внимание характеристика речевого поведения человека: автор, по сути, излагает правила речевого этикета, согласно которым:

1) человек несет ответственность за свои слова («Es hombre de su palabra», «El buei por el cuerno, y el hombre por la palabra»);

2) значение имеют не только слова, но и коммуникативное поведение человека: следует быть приветливым, вежливым, простым и снисходительным по отношению к каждому собеседнику независимо от его социального положения; вести себя как Вочеловечившийся Бог («Humanarse, humillarse y reconocerse, ser cortés con todos, y afable, aunque sea gran señor», “como Dios humanado, Dios hecho hombre»).

С другой стороны, концепция «человек» у Коваррубиаса опирается на библейско-ветхозаветный фундамент с его идеями греховности человеческой природы. Так, сема «*mujer*» («женщина») в данном словаре не имеет своего места в семантической структуре «*hombre*» («человек»).

Бытовая концепция «*hombre*» несет в себе черты эпохи зрелого феодализма в Испании с присущими ему идеализированным образом мужчины-рыцаря и системой социальной иерархии,

Таблица 1

ПОЛЕ «ЧЕЛОВЕК» В СЛОВАРЕ С. ДЕ КОВАРРУБИАСА
«СОКРОВИЩНИЦА КАСТИЛЬСКОГО, ИЛИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА» (1611)

Основные структурные единицы понятийного ядра «человек»	Лексико-семантические группы (ЛСГ)	Содержание ЛСГ
hombre	Конституирующие начала природы	animal, carne, divinidad
caballero noble	Физические	alto, recto, fuerte, de edad masculina
varón	параметры	adulta
hombre adulto	Психоэмоциональная организация	orgullosa, fuerte, admirado, contemplativo, compasible, creyente
marido / pareja	Когнитивные способности	de memoria larga, inteligente, reflexivo, razonable, prudente, sagaz, sabio
amo de casa	Социальные роли и функции	amo de casa, defensor, marido
	Поведенческие характеристики	noble, valiente, valeroso, responsable
Persona		
Individuo	Проявленность в социуме	personalidad, individualidad
personalidad		
humano	Речевое поведение	cortés, afable, humilde
propio a la naturaleza humana	Природные свойства и черты характера	humano, apacible compasible, benigno, benévolo, manso, acariciador, carnal, pecaminoso
benévolo		
apacible		
pecaminoso		

признающей только за мужчиной благородного происхождения право считаться человеком.

Понятие «человек» в академическом «Словаре авторитетов»

Важнейшей вехой в испанской лексикографии явился первый словарь Испанской королевской академии (RAE), известный как «Словарь авторитетов» (Diccionario de Autoridades, 1726 – 1739). От «Сокровищницы» Коваррубиаса его отделяет исторический период длиной чуть более века. Тем не менее этот век в Испании был наполнен бурными событиями, вызвавшими значительные перемены в коллективном сознании.

Согласно «Словарю авторитетов», **hombre**¹ – «прямоходящее разумное животное, двуногое и двурукое, взгляд которого устремлен к Небесам. Его отличает социальная природа, предусмотрительность, проницательность, хорошая память,

¹Hombre – Animal racional, cuya estructura es recta, con dos pies y dos brazos, mirando siempre al Cielo. Es sociable, pródigo, sagaz, memorioso, lleno de razón y de consejo. Es obra que Dios hizo por sus manos a su imagen y semejanza. <...> y aunque el verdadero significado desta voz comprende hombre y muger, en Castellano se toma regularmente por el varón. <...> El hombre es un compuesto physico de cuerpo y alma racional // Diccionario de Autoridades. Tomo IV (1734). <https://apps2.rae.es/DA.html>

разум и рассудительность. Это творение, созданное Богом по своему образу и подобию; как мужчина, так и женщина, хотя в кастильском языке обычно употребляется по отношению к мужчине. <...> Единство физического тела и разумной души». Другие значения:

hombre зрелый, опытный мужчина («hombre hecho», «maduro»); взрослый мужчина («Es ya hombre»); подданный, вассал («súbdito o vasallo»); в семейных отношениях – муж («marido»); главный в доме или в роду; смелый, мужественный мужчина, готовый прийти на помощь.

Статья включает в себя ряд устойчивых выражений с *hombre* в качестве семантического центра, которые привносят в структуру слова дополнительные смыслы: *hombre de armas* – воин; *de bien* – честный, правдивый, благородный человек; *de negocios* – деловой человек; *de dos caras* – двуличный человек; *de su palabra* – человек слова; *miu hombre* – мужественный, храбрый и др. Приводятся также выражения пословичного типа, раскрывающие качества настоящего человека: *стойкость, умение переносить невзгоды* – *golpe de cobre, nunca mató hombre*; *собственное дело, постижение наук, морская служба, служение двору* – *tres cosas hacen al hombre* – *medrar, ciencia, mar y Casa Real*)

Таблица 2

ПОЛЕ «ЧЕЛОВЕК» В СЛОВАРЕ С. ДЕ КОВАРРУБИАСА «СОКРОВИЩНИЦА КАСТИЛЬСКОГО, ИЛИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА» (1611)

Основные структурные единицы понятийного ядра «человек»	Лексико-семантические группы (ЛСГ)	Содержание ЛСГ
hombre caballero noble varón mujer / hembra hombre maduro hombre adulto súbdito / vasallo amo de casa marido / pareja	Природная организация Физические параметры Психоэмоциональная организация Умственные способности Социальные роли Социальные функции Поведенческие характеристики	animal, cuerpo físico, <i>alma</i> , divinidad, <i>socialidad</i> recto, bípedo, de dos brazos, de edad masculina adulta fortaleza, valerosidad, <i>resistencia</i> memoria, mente, razón, prudencia, sagacidad <i>súbdito / vasallo, hombre de armas, defensor, hombre de negocios, marido, amo de casa</i> <i>hacer servicio, hacer negocio, dedicarse a ciencias, hacer carrera</i> esforzado, valeroso, responsable, <i>honesto</i> , noble, <i>de dos caras</i>
Persona – persona indefinida – individuo – personalidad	Проявленность в социуме	<u>Неопределенная проявленность личности</u> <i>qualquier hombre o mujer;</i> <i>alguien quien está presente físicamente</i> <u>Яркая проявленность личности</u> <i>individualidad, singularidad, hombre de distinción, hombre de prendas, hombre de capacidad, hombre de disposición, hombre de prudencia, hombre honorífico, hombre poderoso</i> <u>Опосредованная проявленность личности</u> <i>personaje teatral</i> categoría gramatical en una lengua categoría astrológica “ <i>núcleo de la personalidad</i> ”

Persona¹ – 1. представитель разумной, или человеческой природы (*Individuo de la naturaleza intelectual, o de la naturaleza humana*); 2. некто неопределенный; 3. выдающаяся личность; заслуженный, достойный или влиятельный человек (*el hombre distinguido, <...> con algún empleo muy honorífico, o poderoso*); 5. одаренный, способный человек (*hombre de prendas, capacidad, disposición y prudencia*); 6. в теологии – Лица Единого Бога; 7. категория лица в грамматике; 8. действующее лицо в театральной постановке; 9. ядро личности в астрологии.

Humano² – относящийся к человеку или свойственный ему; мирный, сострадательный, любезный, великодушный (*apacible, compasivo, afable y benigno*).

Для наглядности все выделенные значения трех лексем сведены в таблицу (см. табл. 2).

Анализ семантического ядра поля «hombre» в «Словаре авторитетов» демонстрирует ряд существенных отличий³, которые претерпело понятие «человек» в испанском языке. Семантическое ядро архисемы-гиперонима «hombre» расширилось за счет включения сем «mujer» и «súbdito / vasallo». В толковании понятия делается упор на социальную природу человека, на что есть указание уже в основной дефиниции («Es sociable»); вводится ряд понятий, отражающих большее разнообразие социальных ролей и функций; усложняется поведенческий портрет человека, особо выделяются ценные для социума индивидуальные черты личности (см. табл. 2). В то

же время из определения «hombre» в «Словаре авторитетов» исключена библейская трактовка природы человека, и, соответственно, не нашли отражения смыслы, связанные с понятием греха и морально-нравственными качествами человека (*pecaminoso* – греховный, *humilde* – смиренный, *manso* – кроткий, *cariñoso* – любящий, *carnal* – плотский). Суть этих изменений – трансформация картины мира в испанском коллективном сознании, которая затронула аксиологическую шкалу личности и общества в целом: в XVIII веке ценятся социально значимые функции и качества личности (*hacer servicio, hacer negocio, dedicarse a comercio, pasar estudios, hacer carrera, medrar*); средневековые и гуманистические ценности утратили свою актуальность. Словарь отражает начало преодоления гендерного неравенства в испанском обществе: впервые в испанской лексикографии было зафиксировано значение «mujer» («женщина») в семантической структуре понятия «hombre».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ понятия «hombre» на материале испанских словарей разных исторических эпох позволил реконструировать исторический концепт «человек» в период XVII–XVIII веков, проследить его трансформацию в испанской национальной картине мира. Данное исследование не претендует на полноту, так как наш анализ выполнен на ограниченном материале, будучи сосредоточенным на семантическом ядре поля «человек». Перспективной исследования может стать комплексный полевой анализ понятия «человек» в испанском языке, включающий анализ микрополей и ЛСГ, а также литературных и философских источников, что позволит получить более точные и объемные результаты.

¹Persona // Diccionario de Autoridades. 1737. Tomo V. URL: <https://apps2.rae.es/DA.html>

²Humano // Diccionario de Autoridades. 1734. Tomo IV URL: <https://apps2.rae.es/DA.html>

³В таблице 2 выделены жирным шрифтом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бринюк Е. В. Специфика репрезентации концепта «человек» в учебном креолизованном тексте по русско-му языку как иностранному // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 73–79. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-1-20-73-79.
2. Медведев В. А. Концепт человека в истории европейской философии и культуры // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2011. Вып. 11. С. 23–39.
3. Сергеева Е. В. Бог и человек в русском религиозно-философском дискурсе: монография. М.: Директ-Медиа, 2013.
4. Кулькова Е. С. Роль семантических оппозиций в формировании образа сознания (на материале анализа ассоциативного поля «возраст человека») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 20 (731). С. 434–444.
5. Пепеляева Е. А., Соболева О. В. О проблеме выявления состава и границ лексико-тематических групп семантического поля «человек» (на материале русского языка) // Вестник Российского нового университета. 2019. № 4. С. 79–85.

6. Тиллоева С. М. Анализ лексических единиц, входящих в лексико-тематическую группу «внешний облик человека»: сопоставительный аспект (на материале русского, таджикского и персидского языков) // Филологические науки. 2016. № 3–1 (57). С. 180–183.
7. Trier H. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg, 1931. Bd. 1. Vol. 41. S. 100–397.
8. Duchacek O. L'évolution de l'articulation linguistique du domaine esthétique du latin au français contemporain. Brno: Univerzita J. E. Purkyně, 1978.
9. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988.
10. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984.

REFERENCES

1. Brinyuk, E. V. (2020). Representation of concept of «human» in creolized educational texts for learners of Russian as a foreign language. The Upper Volga Philological Bulletin, 1(20), 73–79. 10.20323/2499-9679-2020-1-20-73-79. (In Russ.)
2. Medvedev, V. A. (2011). Koncept cheloveka v istorii evropejskoj filosofii i kul'tury = The concept of man in the history of European Philosophy and Culture. Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 11, 23–39. (In Russ.)
3. Sergeeva, E. V. (2013). Bog i chelovek v russkom religiozno-filosofskom diskurse = God and man in Russian religious and philosophical discourse: monograph. Moscow: Direkt-Media.
4. Kul'kova, E. S. (2015). Rol' semanticheskikh oppozitsij v formirovanii obraza soznaniya (na materiale analiza asociativnogo polya "vozrast cheloveka") = The role of semantic oppositions in the formation of the image of consciousness (based on the analysis of the associative field "human age"). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 20(731), 434–444. (In Russ.)
5. Pepelyaeva, E. A., Soboleva, O. V. (2019). O Probleme vyvavleniya sostava i granic leksiko-tematicheskikh grupp semanticheskogo polya "chelovek" (na materiale russkogo yazyka) = On the problem of identifying the composition and boundaries of lexical and thematic groups of the semantic field "man" (based on the material of the Russian language. Vestnik Rossijskogo novogo universiteta, 4, 79–85. (In Russ.)
6. Tilloeva, S. M. (2016). Analiz leksicheskikh edinic, vkhodyashchih v leksiko-tematicheskuyu gruppu «vneshnij oblik cheloveka»: sopostavitel'nyj aspekt (na materiale russkogo, tadzhikskogo i persidskogo yazykov) = Analysis of lexical units included in the lexical-thematic group "human appearance": a comparative aspect (based on the material of Russian, Tajik and Persian languages). Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 3–1(57), 180–183. (In Russ.)
7. Trier, H. (1931). Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg, 41(1), 100–397.
8. Duchacek, O. (1978). L'évolution de l'articulation linguistique du domaine esthétique du latin au français contemporain. Brno: Univerzita J. E. Purkyně.
9. Admoni, V. G. (1988). Grammaticheskij stroj kak sistema postroeniya i obshchaya teoriya grammatiki = Grammatical structure as a system of construction and general theory of grammar. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
10. Bondarko, A. V. (1984). Funkcional'naya grammatika = Functional grammar. Leningrad: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Федосова Оксана Витальевна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры испанского языка и перевода
Московского государственного лингвистического университета

Ищенко Александра Дмитриевна

преподаватель кафедры испанского языка и перевода
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Fedosova Oksana Vitalievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of the Spanish Language and Translation
Moscow State Linguistic University

Ishchenko Alexandra Dmitrievna

Lecturer
at the Department of Spanish and Translation
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	01.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	05.08.2024	
	06.08.2024	

Метафорическое пространство метаязыка трактата «Хуан Ди Нэй Цзин»

Чжао Ханьцин¹, Тянь Айся², Н. С. Шаталова³

^{1,2}*Синьцзянский университет, Урумчи, Китай*

³*Московский государственный лингвистический университет, Россия, Москва*

¹*hantsintchzhao@yandex.com,*

²*asya0086@yandex.ru*

³*shatalova59@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуется метафорический фрагмент терминосистемы традиционной китайской медицины. Материалом исследования стал трактат «Хуан Ди Нэй Цзин». Применялся комплекс методов: анализ дефиниций, контекстный анализ, концептуальный анализ метафорических моделей как общих схем установления связи между различными понятийными сферами. Результаты: уточнены философско-концептуальные основы китайской традиционной медицины; идентифицированы основные метафорические модели; дано комплексное описание метафорической модели репрезентации предметных знаний о физиологии человека, симптоматике заболеваний, методах лечения и профилактике – природоморфной метафоры, образующей собой многомерную систему видовых вариантов, имеющей корреляцию с такими типами концептуальных метафор, как артефактная и пространственная.

Ключевые слова: традиционная китайская медицина, метаязык, предметное знание, концептуальная метафора, модель

Для цитирования: Чжао Ханьцин, Тянь Айся, Шаталова Н. С. Метафорическое пространство метаязыка трактата «Хуан Ди Нэй Цзин» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 120–126.

Original article

The Metaphorical Space of the Metalanguage of the Treatise “Huang Di Nei Jing”

Zhao Hanqing¹, Tian Ayixia², N. S. Shatalova³

^{1,2}*Xinjiang University, Urumqi, China*

¹*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*

¹*hantsintchzhao@yandex.com*

²*asya0086@yandex.ru*

³*shatalova59@mail.ru*

Abstract. The article explores a metaphorical fragment of the term system of traditional Chinese medicine. The research material was the treatise “Huang Di Nei Jing”. A set of methods was used: the method of definition analysis, contextual analysis, conceptual analysis of metaphorical models as general schemes for establishing connections between different conceptual spheres. Results: the philosophical and conceptual foundations of traditional Chinese medicine are clarified; the main

metaphorical models are identified; a comprehensive description of the metaphorical model of representation of subject knowledge about human physiology, symptoms of diseases, methods of treatment and prevention is given – a naturomorphic metaphor forming a multidimensional system of species variants, correlating with such types of conceptual metaphors as artifact and spatial.

Keywords: traditional Chinese medicine, metalanguage, subject knowledge, conceptual metaphor, model

For citation: Zhao Hanqing, Tian Ayixia, Shatalova, N. S. (2024). The metaphorical space of the metalanguage of the treatise “Huang Di Nei Jing”. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(892), 120–126. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике аргументация метафоры как значимой ментальной операции, как способа познания, структурирования и интерпретации мира (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, М. Блэк, В.Г. Гак, М. Джонсон, Дж. Лакофф, В.Н. Телия, Ж. Фоконье, А.П. Чудинов и др.) обуславливает перспективность и актуальность исследований особенностей создания и функционирования концептуальных метафор, релевантных для континуума дискурсивных практик представителей различных лингвокультур.

Особый интерес современных лингвистов вызывает изучение национальной специфики метафорической концептуализации знания, имеющей свою объективацию в микро- и макросистемах средств метаязыка как «языка второго плана (особой семиологической системы)» [Гвишиани, 1986, с. 5], «используемого в определенных целях ограниченной группы пользователей и отражающий соответствующий сегмент внеязыковой реальности» [Ускова, 2006, с. 8].

Учитывая полифункциональность и междисциплинарность исследования метаязыков профессиональных дискурсов, обозначим следующие реперные точки актуального проблемного поля описания метафоры как универсального лингвокогнитивного средства создания, развития и передачи предметного знания: дискурсивно-семантический потенциал метафоры в общем процессе формирования и развития метаязыка профессиональной деятельности; параметризация универсальных и национально-специфических метафорических моделей, характерных для метаязыка различных по объему и конкретике профессиональных дискурсов (историко-генетический, сопоставительный, формально-структурный, коммуникативный, функциональный, лингвокогнитивный аспект); комплексное / аспектное описание метафорических моделей, релевантных для метаязыка специалистов как представителей определенного языкового коллектива; создание баз данных метафорических моделей, стратифицированных по различным параметрам (область профессиональной деятельности, язык, частотность и т. п.).

В настоящее время в исследованиях российских лингвистов Л. М. Алексеевой, М. Н. Володиной, Н. Н. Горбуновой, А. И. Деевой, С. Г. Дудецкой, С. Л. Мишлановой и др. – представлены результаты описания особенностей репрезентации понятий и категорий термином-метафорой в таких типах научного дискурса, как медицинский, юридический, экономический, технический, компьютерный, военный, метеорологический и др. Однако описания метафорического фрагмента метаязыка традиционной китайской медицины (*далее* ТКМ), для которой в последние десятилетия наступил период «теоретико-практического ренессанса» и в китайском, и в российском профессиональном дискурсе медиков, фрагментарны и немногочисленны, касаются прежде всего проблематики ее формирования и систематизации терминологии в целом, а также прагматики перевода терминов китайской традиционной медицины.

Таким образом, актуальность проведенного нами исследования обуславливается тем, что позволяет представить не только номенклатуру метафорических номинаций как единиц понятийно-категориального аппарата китайской традиционной медицины, но и определить национальную самобытность моделей представления знаний как мировоззренческого кода – «системы взглядов и представлений, свидетельствующих об общей методологической позиции исследователя» [Гвишиани, 1986, с. 3].

В данном контексте целью настоящей статьи является определение и описание метафорического фрагмента понятийно-категориальной системы ТКМ на основе анализа трактата «Хуан Ди Нэй Цзин» («Внутренний Канон Жёлтого Владыки о сокровенном») – одной из четырех основополагающих работ, определяющих методологию и практику КТМ, начиная с эпохи Воюющих царств (475–221 гг. до н. э.).

Для достижения цели необходимо было решить следующие задачи:

- уточнить философско-концептуальное основы ТКМ, обуславливающие фокус концептуализации предметного знания;

- провести отбор метафорических моделей трактата «Хуан Ди Нэй Цзин» и дифференцировать их в соответствии с их понятийными сферами семантического переноса;
- описать особенности языковой репрезентации метафорической концептуализации предметного знания.

Методологическим основанием исследования стала теория метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson, 1980], получившая дальнейшее уточнение и детализацию в работах российских лингвистов: В. А. Чудинова, З. И. Резановой, Н. А. Мишанкиной, С. Л. Милашновой и др.

В исследовании применялся следующий комплекс методов: анализ дефиниций, контекстный анализ, концептуальный анализ метафорических моделей как общих схем установления связи между различными понятийными сферами.

Материалом исследования стал трактат «Хуан Ди Нэй Цзин», состоящий из двух частей – «Сувэнь» (素问) и «Линшу» (灵枢), в которых представлены изложения: «Учение Инь, Ян и пять элементов (у син)»; «Учение о диагностике по пульсу»; «Учение Цзан Сян (диагностика внутренних болезней)»; «Учение Цзин-ло (учение о меридианах и коллатеральных)»; «Ян шэн (учение о вскармливании жизни)» [Тянь Дайхуа, 2005; Тянь Дайхуа, Лю Гэншэнь, 2005].

Объем фактического материала проведенного исследования составляет 15 тыс. 900 иероглифов.

Практическая значимость определяется возможностью использования результатов исследования в терминографии (специализированные / учебные словари), создании лингвистических баз данных, образовательной практике (преподавание лингвистических дисциплин, обучение иностранным языкам, переводоведение и перевод, межкультурная коммуникация).

ТРАДИЦИОННАЯ КИТАЙСКАЯ МЕДИЦИНА КАК ОСОБАЯ НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА

Теория ТКМ создавалась и развивалась в процессе интеллектуальной деятельности врачей в рамках философских концепций, характерных для ранних эпох культуры Китая. Это прежде всего натурфилософские учения – даосизм и холизм, – оказавшие бесспорное воздействие на «онтологическую, гносеологическую, методологическую составляющие ТКМ как целостной научно-практической системы» [Ван Хайянь, 2019, с. 127].

Ван Хайянь, трактуя учение даосизма, указывает следующие оказавшие влияние на ТКМ постулаты: понятие дуальности Инь и Ян; закон органического единства и взаимосвязь всего сущего; законы бытия можно познать и постичь

в непосредственной практике опыта; ци как функциональная основа дао и обеспечение жизнедеятельности всего сущего [Ван Хайянь, 2019].

Н. В. Пушкарская, анализируя способы познания и мировоззренческие установки, релевантные как для культуры Древнего Китая в целом, так и ее медицины, выделяет эпистемологическую доминанту – «холизм как представление о целостности мира на макро- и микроуровнях с предзаданной взаимообусловленностью всех элементов» [Пушкарская, 2022, с. 52].

Н. В. Пушкарской подробно рассмотрены прокатегориальные схемы, определяющие таксономические классификаторы познания:

- инь – ян 阴阳 – фундаментальная дихотомия, имеющая неограниченное число оппозиций, посредством которых осуществляется интерпретация всех возможных процессов и явлений;
- сань цай 三才 – небо – человек – земля как концепт неразрывной триединой связи человека с окружающим миром, соответствие человеческого организма как части природы законам мироздания;
- у син 五行 – пять стихий (вода – огонь – дерево – металл – почва) как обоснование взаимодействия пяти стихий и системных характеристик мира и человека [Пушкарская, 2022].

Методологическое основание ТКМ – это, прежде всего, реализация натурфилософских учений, детерминирующих вектор теории и практики профилактики, диагностики, лечения и реабилитации. Это обусловило и то, что ТКМ сформировала свою уникальную теоретическую систему, основанную на метафорической форме познания – 取象比类 (qǔ xiàng bǐ lèi – *аналогизм*), суть которой заключается в интерпретации неизвестного в терминах известного путем использования сходства в качестве связующего звена.

В «Хуан Ди Нэй Цзин Сувэнь» есть такое описание:

夫圣人之治病，循法守度，援物比类，化之冥冥，循上及下，何必守经。明引比类、从容，是以名曰诊经，是谓至道也 [прив. по: Яо Чуньпэн, 2022, 768]. – Мудрый врач лечит болезни, следуя правилам, проводя аналогии, анализируя и думая, и адаптация к изменениям в любое время. Мы должны понимать принцип аналогии, который составляет суть диагностического метода и самой передовой теории¹.

Подчеркнем, что 取象比类 (qǔ xiàng bǐ lèi – *аналогизм*) является важным принципом в ТКМ.

¹Зд. и далее перевод наш. – Авт.

Принцип аналогизма – 取象比类 (qǔ xiàng bǐ lèi – *соотношение сторон изображения*), собственно, и обусловил создание метаязыка, объективирующего процесс предикации объекту признаков, свойств, качеств источника аналогии (категориальный сдвиг) и его последующей фиксации как нового значения языковой единицы в узусе дискурса ТКМ.

Уточним, что концепты китайской натурфилософии, представленные в ТКМ и имеющие свою языковую объективацию, с одной стороны, характеризуются как «предельно когнитивно конденсированное образование, как генеральную совокупность разных терминологических информационных систем, представляющих стратификационное членение научного континуума (сферы знаний), адекватно реализующих когнитивно-гносеологическую, коммуникативно-прагматическую, деривационно-метаязыковую и другие базовые функции в процессе научной коммуникации» [Макаренко, 2008, с. 11]. С другой – концепты и мировоззренческий установки натурфилософии определяют кардинальное отличие ТКМ от классической европейской медицины, прежде всего в отношении метаязыковой онтологии.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ТРАКТАТА «ХУАН ДИ НЭЙ ЦЗИН»

Результатом осуществленного метафорического моделирования метаязыка «Хуан Ди Нэй Цзин» стала возможность выделить и дифференцировать в соответствии с различными источниками и объектами перцептивного опыта следующие основные модели метафоры: природная, социальная и философская. Учитывая формат статьи, рассмотрим *метафорическую модель природы*, которая характеризуется высокой степенью частотности во всех частях трактата «Нэй Цзин» как способу репрезентации предметного знания.

Подчеркнем, что концептуализация тематического знания «человек, его физиология» основана на эмпирике природных явлений и объектов (небо, земля, вода, огонь, река, море, луна, звезда, ветер, огонь, туман и т. п.), качественных характеристик природных материалов (камень, песок, почва, дерево, металл и т. п.) и территориально-региональной фауны и флоры.

Представленные в трактате природоморфные метафоры можно детерминировать как базу, на основании которых моделируются значения терминов медицинского дискурса и которые, в свою очередь, «действуют не изолированно, а образуют относительно независимые концептуальные блоки, которые, тем не менее, коррелируют между собой» [Порохницкая, Седова, 2020, с. 123], образуя тем самым достаточно многомерную систему

метафорических репрезентаций предметных знаний о физиологии человека, симптоматике заболеваний, методах лечения и профилактики.

Как показывает наше исследование, системообразующими в этом ряду концептуальных блоков, безусловно, является метафорическая интерпретация понятий ци, инь, ян как базовых концептов медицинской теории и практики. Например:

六经为川，肠胃为海，九窍为水注之气，以天地为之阴阳，人之，以天地之雨名之，人之气，以天地之疾风名之。暴气象雷，逆气象阳，故治不法天之纪，不用地之理，则灾害至矣 [прив. по: Яо Чуньпэн, 2022, с. 67]. – Шесть классических элементов – это река, желудок и кишечник – это море, девять чувств – это ци впрыскивания воды, небо и земля – это инь и ян, пот человека назван в честь дождя с неба и земли, а ци человека названа в честь ветра небес и земли. Жестокая погода и гром, противоречащие погоде и солнцу, так что правление беззаконных небес, без ведома земли, неминуемо приведет к катастрофе.

В «Хуан Ди Нэй Цзин Линшу» как части исследуемого нами трактата представлено следующее описание желудка посредством природоморфных метафор и артефактной метафоры:

胃者，水谷气血之海也。海之所行云气者，天下也 [прив. по: У Шаочжэнь, 2022, с. 216]. – Место, где собираются зерна (или пища) это – желудок, и желудок подобен морю, которое может вместить зерна (или пищу), Ци и Кровь «Сюе».

Морская вода испаряется в водяной пар и поднимается в небо, где образуются облака. Соответственно, желудок (вместилище зерен / пищи) вырабатывает ци и кровь, которые циркулируют по «цзин-ло».

Процесс круговорота воды в природе как сфера-источник метафорического описания процесса работы не только желудка, но и описания закономерностей физиологии различных органов тела в теории и практики акупунктуры. Ср., например, описание точек Шу акупунктуры, обозначение и интерпретации функций которых основаны на следующих метафорических проекциях:

1) 孔穴 kǒngxué обозначена как «колодец» (jǐng), и то, что подобно роднику;

2) 荣 yíng подобно тонкой струе воды, выходящей из источника; 输 shū подобны стекающей вместе воде и могут перемещаться и циркулировать;

3) 经 jīng описана как поток воды образовал канал и канальная ци в изобильном состоянии (旺盛);

4) 合 hé подобно сотням рек, впадающих в море, метафорически номинируется как устье реки.

Метафорическая проекция природного объекта «река» многослойна. Это и пространственные ассоциации (исток – устье, направление водотока, особенности циркуляции, точки соединения с другими реками и т. п.), и ассоциации в отношении таких ее признаков, как интенсивность потока в зависимости от параметров русла, полноводность / пересыхание, консистенции вод и речных протоков как физических характеристик их состава и т. п. При этом метафоры «колодец», «родник», «море», «канал как рукотворная река», представляя собой самостоятельные метафорические проекции, участвуют в создании сложно организованной предикации признаков природных и артефактных объектов, позволяющих интерпретировать закономерности и особенности физиологических процессов.

В «Хуан Ди Нэй Цзин Линшу» также широко представлена модель метафоризации различных частей человеческого тела и изменений тела как соответствие годовому циклу в общем и конкретике его видовых параметров, законам «неба и земли» (天地). Так, например, пот, производимый человеком, в варианте оппозиции «небо – земля» трактуется как дождь, возникающий между небом и землей. Ци человека подобна ветру, опять же между небом и землей. Человеческий гнев, оказывающих негативное действие на весь организм человека, подобен грому, предвестнику грозы как опасной природной стихии. Такие симптомы, как отдышка, рвота, икота и т. д., подобны длительной засухе без дождя. При этом подчеркивается, что, если поддержание здоровья не соответствует законам неба и земли, возникнет болезнь.

Метафорическая модель природы представлена и зооморфной метафорой. Предикация признаков животных, их действий, образа жизни и т. п. как национально специфического фрейма характерна для обозначения частей человеческого тела или заболеваний и их симптомов. Подчеркнем, что «представленные признаки могут восприниматься фактически или метафорически (некоторые изначально ассоциативны), более того, через их призму могут «пропускаться» признаки других объектов, т. е. каждый из них способен участвовать в метафорических проекциях между доменами» [Кивилина, 2019, с. 59]. Ср., например, описания симптомов, диагностики и лечения «癰疽» (yōng jū – *нарыв, гнойная язва*). Среди них, как правило, метафорический перенос посредством зооморфной метафоры осуществляется описание такого заболевания, как 癰疽: 发于胫, 名曰兔啮, 其状赤至骨, 急治之, 不治害人也. Здесь 兔啮 (tù niè – *следы от грызения растения кроликом*) означает 兔啮疽 tù niè jū – *нарыв либо гнойная язва*, а 啮 niè означает *кусать, грызть*). Заболевание получило название

兔啮疽 (*укус кролика*), поскольку его внешний вид напоминает раны, нанесенные укусом кролика.

Описание заболевания 狐疝 (hú shàn – *грыжа*) основано на зооморфной метафоре поведения лисы. В китайской культуре концепт «лиса» включает знания и представление о ней как очень хитром, непредсказуемом по своим действиям животном, а местонахождение лисы трудно определяемо и нет никакой закономерности в ее появлении, что дает основание для метафорического объяснения появления и исчезновения какого-либо органа брюшной полости.

В главе об акупунктуре есть описание методов на основе антропоморфной и зоонимической метафоры. Ср., например: метод – 半刺 (bàn cì – *поверхностное укалывание*), который как выщипывание волос с тела. Метод иглоукалывания – 豹文刺 (bào wén cì – *леопардовые пятна*, т. е. в результате его применения следы множественных кровотокающих пятен напоминают леопардовые пятна.

Описание методик определения 脉象 (mài xiàng – *состояние пульса*) также метафорично. Например, нормальный пульс селезенки (здоровая селезенка), должен быть непринужденным и умеренным, таким как «медленно приземляющаяся птичка на свои лапки». Если пульс подобен торопливо бегущей птице, то это ненормальный (больной) пульс селезенки. Если пульс подобен птице, которая клует корм, или тикающему звуку, как будто в доме протекает вода или на водной струе, убегающую и никогда не возвращающуюся, то это мертвый пульс селезенки, т. е. состояние заболевания на критической стадии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что метаязык традиционной китайской медицины детерминирован конвенциональными ценностями культуры Китая, мировоззренческими установками в рамках натурфилософских учений, обладает всеми признаками актуализации ассоциативно-образного способа познавательной деятельности и ее результатов.

Концептуальные метафоры являются доминантным способом репрезентации предметного знания, его интерпретации и развития, а их описание позволяет выявить национальную специфику метаязыка с точки зрения вербальной реализации базовых концептов профессиональной деятельности, формирующих соответствующий сегмент научной и языковой картин мира специалиста.

Репрезентация в трактате предметных знаний о физиологии человека, симптоматике заболеваний, методах лечения и профилактики представлена многомерной системой видовых вариантов

природоморфной метафоры, которая, как правило, имеет корреляцию с таким типом концептуальных метафор, как артефактная и пространственная.

Описание метафорического фрагмента понятийно-категориальной системы традиционной китайской медицины на основе анализа трактата «Хуан Ди Нэй Цзин» позволяет дифференцировать частотные модели концептуальной метафоры,

выявить масштабность «задействования» понятийных сфер-источников, охарактеризовать самобытность и уникальность когнитивной и языковой картин медицинской школы Китая. Перспективы дальнейшего исследования определяются проблематикой сопоставительного изучения медицинских концептов ТКМ, прагматикой перевода метафорических номинаций на русский язык.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гвишиани Н. Б. Язык научного общения. Вопросы методологии. М.: Высшая школа, 1986.
2. Ускова О. А. Становление метаязыка бизнеса в русском языковом пространстве: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008.
3. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press, 1980.
4. 田代华整理. 黄帝内经素问. 北京: 人民卫生出版社, 2005 = Тянь Дайхуа составил и обработал. Хуан Ди Нэй Цзин Сувэнь. Пекин: Народное медицинское издательство, 2005.
5. 田代华. 刘更生整理. 灵枢经. 北京: 人民卫生出版社, 2005 = Тянь Дайхуа, Лю Гэншэнь составили и обработали. Линшу Цзин. Пекин: Народное медицинское издательство, 2005.
6. Ван Хайянь. Философия даосизма и традиционная китайская медицина // Вестник калмыцкого университета. 2019. № 1 (41). С. 126–132.
7. Пушкарская Н. В. Традиционная медицина как пример китайской эпистемической культуры // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 1. С. 50–67.
8. Макаренко Е. Д. Когнитивно-деривационный потенциал хирургической терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008.
9. Порохницкая Л. В., Седова Н. К. Специфика актуализации концептуальной метафоры в спортивном дискурсе: перспективы исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2020. Вып. 6 (835). С. 119–126.
10. 姚春鹏译注. 黄帝内经素问. 北京: 中华书局, 2022 = Яо Чуньпэн перевод с комментарием. Хуан Ди Нэй Цзин Сувэнь. Пекин: Книжная компания Чжунхуа, 2022.
11. 吴少祯译注. 黄帝内经灵枢. 北京: 中国医药科技出版社, 2022 = У Шаочжэнь перевод с комментарием. Хуан Ди Нэй Цзин Линшу. Пекин: Китайское научно-техническое фармацевтическое издательство, 2022.
12. Кивилина Е. Б. Когнитивный механизм анимализации в метафорической номинации (на примере именованных кораблей американского и британского флотов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2019. Вып. 6 (822). С. 56–65.

REFERENCES

1. Gvishiani, N. B. (1986). *The language of scientific communication. Questions of methodology*. Moscow: Higher School.
2. Uskova, O. A. (2008). *Stanovlenie metayazyka biznesa v russkom yazykovom prostranstve: abstract of PhD thesis*. Moscow. (In Russ).
3. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press.
4. 田代华整理. (2005). *黄帝内经素问*. 北京. 人民卫生出版社 = Tian Daihua collated. *Huang Di Nei Jing Suwen*. Beijing: People's Medical Publishing House. (In Chinese.)
5. 田代华. 刘更生整理. (2005). *灵枢经*. 北京. 人民卫生出版社 = Tian Daihua, Liu Gengsheng collated. *Linshu Jing*. Beijing: People's Medical Publishing House. (In Chinese.)
6. Wang Haiyan, (2019). The philosophy of Taoism and Chinese traditional medicine. *Bulletin of the Kalmyk University*, 1(41), 126–132.
7. Pushkarskaya, N. V. (2022). Traditional medicine as an example of Chinese epistemic culture. *Ideas and Ideals*, 14, 50–67.
8. Makarenko, E. D. (2008). Cognitive-derivational potential of surgical terminology: abstract of PhD in Philology. Krasnodar. (In Russ).

9. Porokhnitskaya, L. V., Sedova, N. K. The particularities of conceptual metaphor actualization in sports discourse: research prospects. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(835), 119–126.
10. 姚春鹏译注. (2022). 黄帝内经素问. 北京. 中华书局 = Yao Chunpeng translation with commentary. Huang Di Nei Jing Suwen. Beijing: Zhonghua Book Company. (In Chinese.)
11. 吴少祯译注. (2022). 黄帝内经灵枢. 北京. 中国医药科技出版社 = Wu Shaozhen translation with commentary. Huang Di Nei Jing Lingshu. Beijing: China Medical Science and Technology Press. (In Chinese.)
12. Kivileva, E. B. The cognitive mechanism of animalisation in metaphorical nomination illustrated by broths and American naval names. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(822), 56–65.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чжао Ханьцин

магистр Синьцзянского университета

Тянь Айся

магистр Синьцзянского университета

Шаталова Наталья Станиславовна

доктор педагогических наук, профессор
профессор кафедры русского языка как иностранного
Института международных образовательных программ
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhao Hanqing

Master of Xinjiang University

Tian Ayixia

Master of Xinjiang University

Shatalova Natalia Stanislavovna

Doctor of Pedagogy (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of Russian as a Foreign Language
Institute of International Programs
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

04.07.2024
29.07.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Идеологический компонент в общественно-политическом дискурсе современной Германии

Е. А. Юкляева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
e.yuklyaeva@linguanet.ru

Аннотация. Целью нашего исследования является анализ происхождения и современной парадигмы наиболее часто используемых лозунгов с национал-социалистической коннотацией в общественно-политическом дискурсе Германии. В ходе исследования наряду с методом дискурсивного анализа использовался метод лингвокультурологического анализа. Материалами для исследования послужили работы российских и немецких лингвистов, занимавшихся изучением природы и функционирования лозунгов и языка Третьего рейха, а также публикации на сайтах немецкоязычных СМИ (2023–2024). В результате исследования делается вывод об устойчивости существования законодательно запрещенных лозунгов в публичных дебатах и социальных сетях, отмечаются случаи расширения функционального диапазона подобных лозунгов и проникновения их в рекламный жанр.

Ключевые слова: идеологический компонент, лозунг, национал-социалистическая коннотация, идентификационный знак, рекламный жанр

Для цитирования: Юкляева Е. А. Идеологический компонент в общественно-политическом дискурсе современной Германии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 127–133.

Original article

Ideological Component in Socio-Political Discourse of Modern Germany

Elena A. Yuklyaeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e.yuklyaeva@linguanet.ru

Abstract. The objective of the research presented in the article was to analyze provenance and modern paradigm of slogans bearing national-socialist connotation and most frequently used in German socio-political discourse. Within the course of the research discourse analysis method along with linguocultural analysis method have been applied. Scientific works of Russian and German linguists dealing with nature and performance of slogans and the Third Reich language as well as publications on German mass media websites for the period 2023–2024 served as research materials. As a result of the research the conclusion about the existence stability of slogans prohibited by law in public debate and social networks is drawn; cases of functional range expansion of the above mentioned slogans along with their infiltration into advertising genre are pointed out.

Keywords: ideological component, slogan, national-socialist connotation, identification mark, advertising genre

For citation: Yuklyaeva, E. A. (2024). Ideological component in socio-political discourse of modern Germany. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 127–133. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время некоторые праворадикальные партии ФРГ, среди них «Свободные саксонцы» («Freie Sachsen»), «Третий путь» («Der dritte Weg») и даже гораздо более умеренная «Альтернатива для Германии» (АдГ) («Alternative für Deutschland») (AfD) тестируют границы дозволенного в публичных дебатах, открыто используя риторику, обладающую национал-социалистической коннотацией. Несмотря на существующие запреты в законодательстве, ксенофобские и антисемитские лозунги времен Третьего рейха начали проникать в основной общественно-политический дискурс.

Очевидно, что национал-социалистическая лексика обладает определенной живучестью в современном немецком языке; формы же проявления подобной лексики могут быть неявными, «замаскированными» для восприятия даже профессиональных германистов.

Целью исследования является анализ некоторых характеристик идеологического компонента актуального общественно-политического дискурса Германии, а именно: происхождения и современной парадигмы наиболее часто используемых лозунгов с национал-социалистической коннотацией. Методика проведения анализа включает решение следующих задач:

- 1) выявить лозунги с потенциальной национал-социалистической коннотацией, используемые правыми и праворадикальными партиями Германии;
- 2) кратко проследить происхождение и возможные семантические трансформации указанных лозунгов; выяснить, использование каких именно выражений и лозунгов запрещено уголовным законодательством Германии;
- 3) рассмотреть возможные случаи расширения функционального диапазона подобных лозунгов, например проникновение в рекламный жанр.

Для решения вышеперечисленных задач возникает необходимость в междисциплинарном подходе: привлечение сведений не только из области лингвистики, но и из лингвокультурологии и новейшей истории. Поэтому в ходе исследования наряду с *методом дискурсивного анализа* использовался *метод лингвокультурологического*.

Междисциплинарный контекст анализа происхождения и современной парадигмы лозунгов с национал-социалистической коннотацией в общественно-политическом дискурсе Германии обусловил новизну статьи. В практическом отношении полученные результаты могут быть использованы при профессиональной подготовке устных и письменных переводчиков.

Материалом исследования послужили работы А. П. Чудинова, Ю. И. Левина, В. Клемперера,

Х. Вальтера и др., официальные материалы Министерства иностранных дел Российской Федерации¹, а также публикации на сайтах крупнейших немецкоязычных СМИ² за период 2023–2024 годы.

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОНЯТИЯ «ЛОЗУНГ»

В современной лингвистике отсутствует унифицированное определение понятия «идеологический компонент». По мнению И. А. Гусейновой и А. И. Горожанова, подобная размытость соответствующей терминологии является свидетельством того, что идеологический компонент в одних лингвокультурах приобретает черты мировоззренческих ценностей их носителей, а в других – становится своеобразной системой идейно-политических взглядов, активно используемых в общественно-политическом дискурсе. Иными словами, идеологический компонент, особенно в медийном ресурсе, способен формировать общественное мнение и определенное отношение к конкретным событиям или явлениям [Гусейнова, Горожанов, 2023].

Исследуя феномен так называемого тоталитарного языка, некоторые лингвисты делают вывод о том, что лозунги способствуют формированию идеологически заданного мышления [Klemperer, 1996; Левин, 1998]. В дискурсивном пространстве лозунги, функционируя в роли кратчайших, обращенных к максимально широкой аудитории текстов, являются предельно концентрированными и предельно редуцированными выразителями той или иной идеологии [Левин, 1998]. Похожее определение лозунга сформулировал А. П. Чудинов; согласно этому определению: «лозунг представляет собой фразу ... которая в краткой и яркой форме передает руководящую идею, актуальную задачу или требование» [Чудинов, 2012, с. 38].

Как утверждают некоторые исследователи, основными характеристиками лозунгов являются наряду с аттрактивностью (способностью привлечения внимания и меморизации информации) и фасцинацией (эффектом, вызываемым специально организованным вербальным воздействием, предназначенным для уменьшения потерь семантически значимой информации при восприятии сообщения реципиентами) также способность служить своеобразным идентификационным знаком, паролем того или иного общественного движения или определенной социальной группы [Шейгал, 2000; Вальтер, 2016]. Принимая и используя лозунг, индивидуум демонстрирует свою причастность к партии

¹URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1918450/

²Доклад «О ситуации с героизацией нацизма...».

URL: www.spiegel.de, www.zeit.de, www.sz.de

или социальной группе – создателю данного лозунга. В современном немецком языке продолжают существовать обе семы существительного *Losung*: сема *призыв, лозунг* (политическая) и сема идентификации *пароль, пропуск* (военная), причем вторая сема употребляется чаще первой [Вальтер, 2016].

Перечисленные характеристики лозунгов объясняют интенсивность их использования политиками, партиями или другими социальными группами; часто меткие и удачные лозунги выступают как лингвистические критерии успешности имиджа современных политиков.

За последние десятилетия функциональный диапазон лозунгов значительно расширился, и речь здесь идет не только о политике. Современные лозунги и по форме, и по содержанию всё больше приближаются к рекламным роликам, а иногда и полностью сливаются с ними, образуя своеобразный языковой симбиоз пропагандистского и рекламного жанров [Вальтер, 2016].

Что касается морфологической характеристики лозунгов, то в их структуре присутствуют синтаксические предикативные модели с преобладанием глаголов активного действия в инфинитивной форме или в форме повелительного наклонения, а также отвлеченных существительных.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ФРГ И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ЛОЗУНГИ

Власти Федеративной Республики Германия рассматривают идеологию правого экстремизма и неонацизма в качестве ключевой угрозы внутренней безопасности страны. Любые попытки выставить в положительном свете элементы национал-социалистической идеологии и связанных с ней лиц уголовно наказуемы. В Уголовном кодексе ФРГ (*Strafgesetzbuch*) предусмотрена ответственность за *публичное* отрицание, оправдание или преуменьшение тяжести преступлений национал-социализма, *публичное* одобрение или прославление нацистской идеологии, распространение пропагандистских материалов и использование символики, униформы, лозунгов и форм приветствия антиконституционных организаций, к которым причисляются и нацистские, и неонацистские¹.

По данным Федерального ведомства по защите конституции ФРГ (*Bundesamt für Verfassungsschutz – BfV*), по состоянию на декабрь 2022 года в стране действовали несколько политических партий ультраправого толка. Это Национал-демократическая партия Германии (НДПГ, существует с 1964 года, ок. 3 тыс. членов); партии «Правая»

(«Die Rechte»), «Третий путь» («Der dritte Weg») и «Свободные саксонцы» («Freie Sachsen», особенно популярна в восточных землях) активно проводят массовые мероприятия, на которых заметны право-экстремистские лозунги, а также ведут агрессивную националистическую пропаганду в социальных сетях. Помимо политических партий, праворадикальные круги действуют также в рамках иных организаций и движений, зарегистрированных в качестве юридического лица, либо существующих на неформальной основе; сюда относятся, например, германские филиалы международных неонацистских группировок «Blood and Honour» и «Atomwaffen Division».

Многие средства массовой информации ФРГ отмечают нарастание тенденции публичного выражения праворадикальными германскими политиками своих националистических, а иногда и национал-социалистических взглядов. При этом праворадикальная идеология и используемые политиками лозунги через публичные дебаты проникают в общественно-политический дискурс, подпитываемый социальными сетями.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Немецкий филолог и писатель, исследователь тоталитарной идеологии и языка нацистской Германии Виктор Клемперер (Victor Klemperer) еще в 1947 году отметил, что национал-социалистические лозунги настолько глубоко въелись в немецкий язык, что они на долгое время могут стать его частью. По мнению В. Клемперера, язык национал-социализма трансформирует семантику лексических единиц и вводит в общественно-политический дискурс лексические и синтаксические единицы, которые раньше использовались отдельными личностями или социальными группами, и всё это – «слова, группы слов, конструкции фраз – пропитывают своим ядом, ставят на службу своей ужасной системе, превращая речь в мощнейшее, предельно открытое и предельно скрытое средство вербовки»² [Klemperer, 1996, с. 13]. Следует отметить, что отдельные национал-социалистические лозунги продолжают существовать в Германии и в менее очевидной форме, а отдельные понятия, обладающие национал-социалистической коннотацией, не всегда осознанно попадают в общественный дискурс.

Рассмотрим ниже подробно современную парадигму некоторых лозунгов с (часто скрытой) национал-социалистической коннотацией.

¹Strafgesetzbuch, §§ 86, 86a, 2024. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/>

²Зд. и далее перевод наш. – Е. Ю.

«Alles für Deutschland» («Всё для Германии»): являлся центральным лозунгом боевой парамилитаристской организации НСДАП – так называемых штурмовых отрядов СА (SA – Sturmabteilung). Лозунг был выгравирован на почетных кинжалах, вручаемым отличившимся штурмовикам. Использование этого лозунга на общественных мероприятиях уголовно наказуемо в Германии. Тем не менее лозунг продолжает жить в современном немецком языке, прежде всего в рамках политического дискурса. Так, например, лозунг несколько раз использовал во время своих выступлений в мае 2021 года в Мерзеберге (Саксония-Анхальт) и в декабре 2023 года в Гере (Тюрингия) Бьорн Хеке (Björn Höcke), руководитель отделения партии АдГ в Тюрингии. Полная версия использованного Б. Хеке лозунга звучала как «Alles für unsere Heimat, alles für Sachsen-Anhalt, alles für Deutschland» («Всё для нашей Родины, всё для Саксонии-Анхальт, всё для Германии»). Партия АдГ, пытаясь смягчить реакцию судебных органов и общества на выступления Б. Хеке, объяснила использование запрещенного лозунга его якобы «безобидным» происхождением еще в ходе революции 1848 года в Германии; в то время лозунг якобы звучал как «Einer für alle, alle für Einen und alles für Deutschland» («Один за всех, все за одного, и всё для Германии»).

«Arbeit macht frei» («Труд освобождает»): этот циничный лозунг использовался нацистами прежде всего в концентрационных лагерях. Впервые лозунг появился над воротами открытого вскоре после прихода нацистов к власти, уже в марте 1933 года, концентрационного лагеря Дахау под Мюнхеном, положившего начало дальнейшему национал-социалистическому террору. Позднее лозунг был размещен нацистами над воротами концентрационных лагерей Освенцим I, Терезиенштадт, Заксенхаузен и Флоссенбюрг.

Своим происхождением этот зловеющий лозунг обязан немецкому писателю-националисту Лоренцу Дифенбаху, который в 1873 году опубликовал роман «Труд освобождает» («Arbeit macht frei»), повествующий о пути прозрения и исправления трудом неисправимого игрока и мошенника.

В современной Германии использование лозунга как таковое законодательно не запрещено. Тем не менее случаи его публичного использования сурово наказываются: так, например, модератор ток-шоу «Night-Loft» на телевизионном канале «ProSieben» была незамедлительно уволена после того, как в январе 2008 года она произнесла этот лозунг, подбадривая участников. В 2023 году Баварский верховный суд признал виновным в разжигании ненависти гражданина,

разместившего в фейсбуке по следам пандемии фотографию концентрационного лагеря, сопровождаемую надписью «Impfen macht frei» («Вакцинация освобождает»).

«Meine / unsere Ehre heißt Treue» («Моя / наша честь – это верность»): происхождение этого запрещенного в современной Германии лозунга так называемых «отрядов охраны» («Schutzstaffeln») СС (SS) приписывается непосредственно Адольфу Гитлеру [Salzborn, 2015]. По одной из версий, которая опровергается некоторыми современными немецкими историками, выражение «SS-Mann, Deine Ehre heißt Treue» («Эсэсовец, твоя честь называется верностью») упомянуто в письме главы НСДАП от апреля 1931 года, переданном руководителю берлинского отделения СС К. Далюге. Эти слова были выгравированы на кинжалах и элементах формы войск СС. Есть версия, что это выражение существовало в немецком языке с начала XX века и явилось вариантом достаточно нейтрального выражения «Честь слуги состоит в верности хозяину» [Salzborn, 2015].

В Германии указанный лозунг запрещен уголовным кодексом. Тем не менее иногда правые радикалы меняют его отдельные компоненты либо осуществляют синтаксические трансформации, переставляя порядок слов, пытаясь избежать преследования судебных органов.

«Deutschland, erwache» («Германия, пробудись»): эта фраза из так называемой «Штурмовой песни» («Sturmlied»), стихотворения, написанного национал-социалистом антисемитского толка Дитрихом Эккартом в 1920 году, также запрещена в современной Германии. После того, как в 1922 году Ханс Ганссер положил текст на музыку, антисемитская «Штурмовая песня» («Sturmlied») стала, наряду с «Песней Хорста Весселя» («Horst-Wessel-Lied») главным гимном штурмовиков СА.

Иначе обстоит дело с двумя лозунгами из национал-социалистических гимнов «Klagt nicht, kämpft» («Не жалуйтесь, боритесь») и «Hier marschieret der Widerstand» («Здесь марширует сопротивление»): так как случаи их использования зафиксированы не только в правозэкстремистской среде, указанные лозунги не запрещены.

«Blut und Ehre» («Кровь и честь») имеет отношение к нацистской молодежной организации Гитлерюгенд (Hitlerjugend, 1926–1945). В 1935 году в Германии был принят даже специальный «Закон о защите немецкой крови и немецкой чести» как часть Нюрнбергских расовых законов (Nürnberger Rassengesetze) [Pätzold, Weißdecker, 2002]. Использование лозунга в своей первоначальной форме запрещено законодательством ФРГ.

Указанный лозунг, правда, переведенный на английский язык («Blood & Honour») использовала

для своего названия запрещенная в настоящее время в Германии германская ячейка международной правозащитной группировки и создала юридический прецедент: в 2009 году Федеральный конституционный суд в Карлсруэ вынес в этой связи принципиальное решение, смысл которого заключался в том, что использование подобных лозунгов в оригинальной редакции на немецком языке уголовно наказуемо, однако использование эквивалентов таких лозунгов на других языках законом не преследуется. Свое решение Федеральный конституционный суд аргументировал тем, что нацистские лозунги характеризуются как таковые не только на основе своего содержания, но и из-за формы воплощения – немецкого языка. Поэтому перевод лозунгов на другой язык представляет собой принципиальное острашение, не подпадающее под уголовно-правовую норму ФРГ¹.

«Rotfront verrecke» («Ротфронт, сдохни») – лозунг, который национал-социалисты использовали по отношению к коммунистическому Союзу красных фронтовиков (Roter Frontkämpferbund) во времена Веймарской республики, также законодательно запрещен в настоящее время в ФРГ. Союз красных фронтовиков, основанный в Галле-на-Заале в 1924 году, представлял собой военизированную оборонительную организацию Коммунистической партии Германии. В 1929 году Союз красных фронтовиков был запрещен, но вооруженные стычки нелегально действовавших бойцов Ротфронта и штурмовиков СА происходили повсюду до окончательного разгрома организации после прихода к власти национал-социалистов в 1933 году.

«Jedem das Seine» («Каждому свое») – этот лозунг был размещен нацистами над воротами концентрационного лагеря Бухенвальд, в котором погибли 56 тысяч узников. В 1943 году поэт Карл Шног (Karl Schnog), заключенный концлагеря Бухенвальд, написал следующие строки: «Die Herren haben wirklich Humor / In diesen bitteren Zeiten: / »JEDEM DAS SEINE« steht höhnisch am Tor / Durch das die Häftlinge schreiten». («У господ действительно есть чувство юмора / в эти горькие времена / «КАЖДОМУ СВОЕ» цинично написано на воротах / через которые идут узники»)² [Schnog, 1947].

Происхождение этого лозунга уходит корнями в Античность; выражение «Каждому свое» использовали античные философы Платон в своем

главном произведении «Государство» (370 год до н. э.) и Марк Туллий Цицерон в своих философских трактатах «Об обязанностях» (44 год до н. э.). В XVIII веке лозунг становится очень популярным в Пруссии в своей латинской форме «suum cuique». Лозунг также использовал Й.-С. Бах для названия своей кантаты «Nur jedem das Seine» («Только каждому свое») (1715); кроме того, он встречается в тексте «Метафизики нравов» И. Канта (1785).

В современной Германии использование лозунга «Jedem das Seine» может быть уголовно наказуемо. Так, например, в 1998 году за разжигание ненависти был осужден автор романа «Jedem das Seine» Трутц Хардо (Trutz Harde); в 2018 году 8-месячный тюремный срок получил член неонацистской Национал-демократической партии Германии (НДПГ) за публичную демонстрацию своей татуировки, мотивом которой как раз был выбран вышеуказанный лозунг.

Однако несмотря на подобные запреты, в 90-е годы XX века некоторые фирмы, среди них «Nokia», «Rewe» и «Burger King» использовали лозунг «Jedem das Seine» в своих рекламных компаниях. Ожесточенную дискуссию в обществе вызвала совместная рекламная кампания сети автозаправочных станций «Esso» и производителя кофе «Tschibo» в 2008 году: на 700 заправках по всей стране различные сорта кофе рекламировали с помощью слегка трансформированного нацистского лозунга, звучащего в рекламе как «Jedem den Seinen» («Каждому свой (кофе)»). Спустя 10 лет, в 2018 году гамбургская торговая сеть «Peek & Cloppenburg» пошла еще дальше, используя лозунг в первоначальной редакции для рекламы белья. После поднявшейся волны общественного возмущения «Tschibo» и «Esso» остановили свою рекламную кампанию, публично заявив, что у концернов не было намерения оскорбить чьи-либо чувства, а рекламное агентство, готовившее рекламную кампанию, скорее всего не учло историческое значение используемого лозунга. Сеть «Peek & Cloppenburg» публично извинилась, назвав свою рекламу «вербальной неловкостью» («verbale Ungeschicklichkeit»). В свою очередь, Центральный совет евреев в Германии охарактеризовал использование нацистских лозунгов в рекламе как пошлость и свидетельство полного отсутствия исторических знаний.

Обзор парадигмы идеологического компонента в общественно-политическом дискурсе современной Германии подтвердил положение В. Клемперера о том, что «невидимые языковые поводки могут повести людей, не защищенных критическим сознанием и самостоятельным взглядом на вещи, в любом направлении» [Klemperer, 1996, с. 24]. И этим пользуются, к сожалению, не только

¹URL https://www.google.com/url?q=https://www.verfassungsschutz-mv.de/static/VERF/Dateien/Broschueren/Rituale_und_Symbole_der_rechtsextremistischen_Szene_2016.pdf&sa=U&ved=2ahUKEwj48qr5oKuHAXWAKBAIHQMGGd8QFnoECAEQAg&usq=AOvVaw2ZgRkXlhdTGtUKgpji4L

²Зд. и далее перевод наш. – Е. Ю.

идеологические манипуляторы. Ведь реклама с ее лозунгами, или «слоганами» представляет собой еще одну систему управления людьми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый нами обзор некоторых характеристик идеологического компонента актуального общественно-политического дискурса Германии позволяет сделать следующие выводы:

- несмотря на законодательные запреты лозунги с национал-социалистической коннотацией продолжают существовать в публичных дебатах и социальных сетях Германии;
- во избежание уголовной ответственности неонацистские и праворадикальные организации

Германии при использовании оригинальных нацистских лозунгов применяют различные лексические и синтаксические трансформации, а также переводы лозунгов на другие языки;

- лозунги с национал-социалистической коннотацией выходят за пределы общественно-политического дискурса и в слегка измененной форме могут использоваться в рекламе;
- аспектам происхождения подобных лозунгов и выявления соответствующей национал-социалистической коннотации обязательно должно уделяться определенное внимание в ходе подготовки переводчиков устной и письменной речи при формировании профессиональных компетенций в языковой паре «немецкий – русский».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22. № 3. С. 67–76.
2. Klemperer V. Notizbuch eines Philologen. Leipzig: Reclam, 1996.
3. Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998.
4. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2012.
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
6. Вальтер Х. Лозунг как речевой жанр публицистического дискурса // Медиалингвистика. Типология медиаречи. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. 2016. № 3(13). С. 33–45.
7. Salzborn S. Rechtsextremismus. Erscheinungsformen und Erklärungsansätze. 2. aktualisierte und erweiterte Auflage. Baden-Baden: Nomos, 2015.
8. Pätzold K., Weißdecker M. (red.). Schlagwörter und Schlachtrufe. Aus zwei Jahrhunderten deutscher Geschichte. Bd. 2. Leipzig: Miltitzke, 2006.
9. Schnog K. Jedem das Seine. Satirische Gedichte. Berlin: Ulenspiegel-Verlag, 1947.

REFERENCES

1. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Ideology as a factor of translation: Traditions in innovation. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 22(3), 67–76. (In Russ.)
2. Klemperer, V. (1996). Notizbuch eines Philologen. Leipzig: Reclam.
3. Levin, Y. I. (1998). Isbrannyi trudy. Poetika. Semiotika = Selected works. Poetics. Semiotics. Moscow: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.)
4. Chudinov, A. P. (2012). Politicheskaya linguistika = Political linguistics. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
5. Sheigal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse: abstract of Senior Doctorate in Philology. Volgograd State Pedagogical University. (In Russ.)
6. Walter, H. (2016). Slogans as a speech genre of mass media discourse. Media Linguistics, 3(13), 33–45. (In Russ.)
7. Salzborn, S. (2015). Rechtsextremismus. Erscheinungsformen und Erklärungsansätze. 2. aktualisierte und erweiterte Auflage. Baden-Baden: Nomos.
8. Pätzold, K., Weißdecker, M. (Red.). (2006). Schlagwörter und Schlachtrufe. Aus zwei Jahrhunderten deutscher Geschichte. Bd. 2. Leipzig: Miltitzke.
9. Schnog, K. (1947). Jedem das Seine. Satirische Gedichte. Berlin: Ulenspiegel-Verlag.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юкляева Елена Александровна
кандидат педагогических наук
и. о. заведующего кафедрой немецкого языка и перевода
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuklyeva Elena Aleksandrovna
PhD (Pedagogy)
Acting Head of the Department of the German Language and Translation
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	06.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	03.08.2024	
	06.08.2024	

Научная статья
УДК 821.163.3

Оппозиция мужского и женского начал в романе П. М. Андреевского «Пырей» (1980)

П. Д. Гаврилова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
kampin1997@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется авторское понимание своеобразия «мужского» и «женского» видения жизни, что влияет на проблематику, сюжетно-композиционную структуру, мотивы, отражающие мироощущение мужчины и женщины на примере главных героев романа П. М. Андреевского «Пырей» (1980). Автор сталкивает «мужской» и «женский» мир, выделяя последний, поскольку в его понимании женщина является носительницей традиции, а также может быть сильнее мужчины в тяжелых жизненных обстоятельствах.

Ключевые слова: гендер, македонская литература, П. М. Андреевский, мужское начало, женское начало, образ, национальная традиция

Для цитирования: Гаврилова П. Д. Оппозиция мужского и женского начал в романе П. М. Андреевского «Пырей» (1980) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 133–140.

Original article

The Opposites of Masculine and Feminine Principles in the Novel by P. M. Andreevsky "Wheatgrass" (1980)

Polina D. Gavrilova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
kampin1997@gmail.com

Abstract. The article analyzes the author's understanding of the uniqueness of the "male" and "female" vision of life, which affects the problems, plot-compositional structure, motives reflecting the worldview of a man and a woman using the example of the main characters of the work. The author deliberately brings together the "male" and "female" worlds, clearly highlighting the latter, since in his understanding it is the woman who is the bearer of true knowledge, who allows her to preserve national identity, and can also be stronger than men in difficult life circumstances.

Keywords: gender, Macedonian literature, P.M. Andreevsky, masculine, feminine, image, national tradition

For citation: Gavrilova, P. D. (2024). The opposites of masculine and feminine principles in the novel by P. M. Andreevsky «Wheatgrass» (1980). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 134–140. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В ряде гуманитарных наук, таких как философия, культурология, социология, политология и др., вопрос об оппозиции мужского и женского начал является актуальным. Гендерный подход к анализу художественного произведения открывает новые возможности его прочтения на многих уровнях: проблемно-тематическом, сюжетно-композиционном, на уровне системы персонажей, хронотопа, картины мира автора и т. д. [Большакова, 2004]. Мужское начало, как правило, ассоциируется с активным, социальным, творческим, а женское – с пассивным и природным. Традиционное общество строится на гендерной иерархии, так как она основывается на «половом символизме культуры», что находит отражение и в литературе.

Гендерный стереотип предполагал в качестве положительных примеров сильного мужчину, который выполнял господствующую функцию, и слабую, зависимую от него, женщину. Женщина, согласно этому, должна обладать определенным набором качеств: верность, терпение, покорность и т. п. Они считались ее главными добродетелями. Если женщина занимала господствующее, авторитарное положение в семье, а мужчина ей уступал, показывая тем свою слабость, то это осуждалось. Такой мужчина в обществе считался несостоятельным, раз даже дома он не мог навести порядок и взять на себя ответственность за принимаемые решения. Женщина ассоциировалась с домашней работой и всегда должна была быть готова выполнять распоряжения мужчины.

В славянской культуре испокон веков женщина и женственность ассоциировались с материнством, любовью к детям. Женщина брала на себя роль хранительницы очага и традиций, она была опорой семьи, поддержкой и помощью мужчине, была сострадательна и милосердна. Роль матери считалась основной, она поощрялась в обществе и надолго закрепилась за женщиной. Материнство у славян, как и в других культурах, считалось основной женской ипостасью. Женщина являлась центром семьи. Именно от нее зависело настоящее и будущее домочадцев. Если женщина отступает от предписанных ей правил поведения, «ломается», то ломается точка опоры, нарушается равновесие в доме. Именно поэтому вдумчивыми хранителями и бережными носителями фольклора, как правило, являются женщины.

Какие бы темы ни поднимались в произведениях славянских, и особенно южнославянских писателей, какое бы ни было их общественно-идеологическое содержание, женские персонажи в ходе повествования всегда были ведомыми, в то время как герои-мужчины выдвигались на первый

план. Такая ситуация в значительной мере объясняется тем, что южнославянские народы долгое время находились под иноземным гнетом и боролись за свою свободу. Мужчина был защитником, в нем ценились храбрость и воинская доблесть, а в женщине восхвалялись такие качества, как домовитость, хозяйственность, любовь к детям. Женщина должна исполнять роль хранительницы домашнего очага, именно эта форма ее традиционного поведения доминировала на страницах произведений славянских писателей, у которых, однако, встречается и более глубокий взгляд на женский характер.

Одним из таких примеров является трактовка роли женщины современным македонским писателем П. М. Андреевским (1934–2006), в связи с чем тема данной работы является актуальной, особенно в свете возросшего интереса литературоведения к гендерной проблематике. Предложенная трактовка одного из самых значительных произведений македонской прозы XX века является новаторской как для отечественного, так и македонского литературоведения.

Цель и задача исследования – анализ романа «Пырей» (1986) Петре М. Андреевского¹, в котором через истории главных героев изображаются две картины македонского мира – мужская и женская. Особый акцент писатель делает на последней, поскольку его видение роли женщины не ограничивается материнством. Андреевский считает, что женщина должна передавать особые знания, традиции и обряды, чтобы сохранить национальную идентичность, не сдаваться и сохранять в своей душе положительные качества.

«ЖЕНСКАЯ ТЕМА» В МАКЕДОНИИ

Македонская культура и литература преимущественно считались «мужскими», так как исторически македонцы должны были сражаться за свободу, противостоять многолетнему османскому владычеству. В македонском обществе долго сохранялись патриархальные отношения и традиционное разделение общественных ролей: мужчина – защитник и кормилец, женщина – мать и хранительница очага, кладезь традиций, мудрости и богатства языка. Именно она передает их из поколения в поколение.

В македонской литературе «женская тема» представлена достаточно широко, при этом вплоть до начала XXI века сама литература оставалась в значительной степени мужской, т. е. представленной авторами-мужчинами. Среди македонских

¹Андреевский П. М. Пирей. Скопје: Наша книга, 1986.

писателей «певцами женской доли», создавшими яркие женские характеры, были В. Малеский («Ткацкий станок» / «Разбој»), Ж. Чинго («Серебряные снега» / «Сребрените снегови»), Л. Старова («Эврехе» / «Ервехе»), П. М. Андреевский.

П. М. Андреевский был крупным поэтом, прозаиком, новеллистом, драматургом, литературным критиком и оставил после себя бесценное литературное наследие. Его сборник стихов «Дениция» («Дениција», 1968) и роман «Пырей» («Пиреј», 1980) считаются вершиной не только его творчества, но и относятся к высшим достижениям македонской литературы второй половины XX века. Писатель обогатил македонскую литературу яркими образами, характерами героев, расширил выразительные возможности родного языка.

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА П. М. АНДРЕЕВСКОГО

Петре М. Андреевский – один из тех художников слова XX века, в творчестве которого сочетается интеллектуализм европейского типа с архаическими фольклорно-мифологическими традициями, он объединяет их в образе женщины-матери, которая является стержнем, хранительницей всех традиций и обычаев, и именно она предназначена передавать знания о жизни из поколения в поколение. Это сочетание, присущее Андреевскому как писателю, отражающему балканскую модель мира, проявляется в его новеллистике и романах, оказывая большое влияние на выбор сюжетов и мотивов, трактовку персонажей, богатство стиля.

В его творчестве чаще всего именно женщина становится протагонистом и приковывает к себе основное внимание читателя (романы «Пырей» (1980), «Небеска Тимьяновна» (1988), «Туннель» (2003), «Беженцы» (посмертно)). Особое внимание автор уделяет внутреннему миру своих героинь: описанию их характера и формированию сильной личности [Шешкен, 2022]. Его женщины самостоятельны и способны принимать сложные решения в эпоху глобальных катаклизмов и перемен, которые переживала Македония и македонский народ. Нельзя исключать, что трактовка женских образов отражает мужской взгляд и самого Андреевского на женщин: писатель создает их идеализированные портреты (особенно ярко проявляется в лирике), воспекает трудолюбие, нравственную чистоту и красоту души своих героинь. В то же время мужские характеры выглядят не такими объемными. Они у писателя являются прямым воплощением физической (нередко грубой) силы. В большинстве случаев они более рациональны и прямолинейны. Мужчина и женщина – две стороны национального характера, две

интерпретации истории македонского народа, которую Андреевский раскрывает на протяжении всего своего творчества.

ВЕЛИКА КАК ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ЖЕНСКОГО НАЧАЛА

Роман «Пырей» повествует о полной драматизма жизни македонского села в период Балканских войн и Первой мировой войны. Повествование ведется от лица мужа и жены Йона и Велики Мегленских. Писатель начинает свое повествование с похорон Велики, он настраивает читателя на повествование «подведения итогов», но особого, эпического уровня, соединяющего ход большой истории и частную семейную жизнь героев. Эпическое выступает в двух содержательно-поэтических функциях. Сюжетно-композиционная база романа подчеркивает роль главной героини, пытающейся сохранить единство семьи, ее цельность и ценности.

В романе герои поочередно рассказывают о своей жизни. Так постепенно формируется оппозиция мужского и женского начал и складывается структура романа. Йон наделен более рациональной натурой, он описывает события своей жизни, участие в боевых действиях подчас скупое, хотя и с пониманием трагизма и безысходности ситуации, в которой находится он сам и весь народ, оказавшийся в рядах враждующих армий:

На ден свети Илија се даде примирје. Да не се задеваме. Такви примирија се правеа и за Нова Година (Андреевский, 1986). – В день Святого Илии объявили перемирие. И мы его не нарушали. Такие перемирия и на Новый год объявляли¹.

Велика же в своем рассказе очень эмоциональна, она говорит о своих чувствах и страхах, о том, как пыталась найти выход из трагических ситуаций с опорой на народные традиции, обряды, веру. Героине свойственно то, что называется мифопоэтическим сознанием. Ее «голос» звучит в романе громче и четче, чем остальные голоса. Драматизм событий самой эпохи, подчеркивается именно мироощущением женщины, что нашло отражение в стиле повествования. Ее речь проникнута лиризмом, наполнена эпитетами и метафорами. Вот как она рассказывает о смерти сына:

...И таму, во ливадата, го наоѓам Ангелета, ангелот мој златен, со потсечени крилја... Децата се разбегале, ама Ангеле мој не добегал. Еден куршум беше го втасал. Ангеле, Ангеле, му викале децата,

¹Зд. и далее перевод наш. – П. Г.

не преправај се, му викале, а тој ни да мрдне ни да претне (Андреевский. Пиреј, 1986). – ...И там, в поле, нахожу я Ангеле, ангела моего золотого, с подрезанными крыльями... Дети разбежались, а Ангеле не успел убежать. Догнала его пуля. Ангеле, Ангеле, кричали ему дети, вставай, не притворяйся, а он не двигается, не шевелится.

Она совершает священнодействия и обряды, языческие по своему характеру, посредством которых по языческим повериям можно защититься от темных сил, требующих жертв и крови. При этом героиня не теряет человечность, когда народ в страхе готов на всё, чтобы защититься от страшной болезни, она не следует слепо суевериям и не поддается панике толпы, а готова идти против нее:

Маса Кулумоска вели дека за голема болест, треба уште поголема смрдеа ... Некој спомнадека некогаш пред илјада години за таква болест гореле живи кучиња (Андреевский. Пиреј, 1986). – Маса Кулумоская говорит, что от болезни страшной и вонь страшная нужна... И вспомнил кто-то, что когда-то, может, лет тысячу тому назад, спасением от чумы было сожжение собак. Все в селе приносят своих собак в жертву, Велика же прячет своего верного пса.

Радость при рождении последнего сына сквозит в каждом слове:

Го гледам над мене, ко цут од јабољкница го гледам. <...> Тоа плаче, и јас мислам дека гугутка ми гуга, ми пее (Андреевский. Пиреј, 1986). – И смотрю я на него, как на яблоневый цвет смотрю. <...> Он плачет, а я думаю, как его плач похож на песню.

Вместе с тем «Пирей» демонстрирует традиционные представления о женском предназначении, которые характерны для македонского общества начала XX века.

ЖЕНЩИНА В ПАТРИАРХАЛЬНОМ МАКЕДОНСКОМ МИРЕ

В романе изображен патриархальный мир македонской деревни. Велика следует принятым в нем законам, однако она не готова слепо им покоряться. Когда ей необходимо защитить себя, она бунтует. Велика отличается от других женщин чувством собственного достоинства. Ее подруга после замужества просит называть ее *Вельяницей*, т. е. принадлежащей мужу Вельяну. Велика считала себя женой, но не собственностью Йона. Она осознает себя как Велика Мегленоская, но не *Йоницей*:

...не сум Стојна Ресулска <...> туку сега ме викаат Велјаница Пармакоска. По мажот ми <...> по мажењето ни се брише името, ни се заборава (Андреевский. Пиреј, 1986). – ...я не Стойна Ресулска <...> теперь меня Вельяницей Пармаковской зовут. По мужу моему <...> а то, что имя наше после свадьбы стирается, – как-то мы забыли про это.

Воспитанная патриархально, Велика знает свое предназначение: она должна вести хозяйство и рожать детей:

...жената по мажењето станува нива (Андреевский. Пиреј, 1986). – ...женщина после замужества становится полем.

В этом она видит свое счастье. Однако судьбой ей уготованы страдания: Йона забирают на войну, она останется в родном селе с детьми, но они все пятеро умирают, кто от случайной пули, кто от болезней и голода. Когда храбрый солдат Йон возвращается с войны, достойно выполнив свою «мужскую роль» (он награжден за подвиги медалями), он считает, что жена со своей «женской ролью» не справилась, не смогла сохранить детей, что как бы дает ему право спрашивать с нее за это и наказывать.

Велика позволяет Йону издеваться над собой, понимая его горе. Она его жалеет, вспоминает, каким ударом было для него узнать, что его дети умерли (сразу поседел и осел на землю), неоднократно корит себя за то, что не смогла сохранить их. Она считает, что как женщина, она должна была это сделать. При этом следует отметить, что хоть по мере развития сюжета страдания главной героини только усиливаются, она оказывается способной сохранить в себе человечность и великодушие. Велика всегда готова помочь соседям и подругам. В образе Велики сплелись воедино рациональное и иррациональное: женщина живет в ежедневном труде, с опорой на народную мудрость, совершает ритуалы и учит обрядам более молодых девушек. Без этого Велика не мыслит себя. После всех своих злоключений Велика обретает счастье в своем последнем ребенке. И когда ее последний сын Роден рождается, дом, хранилищем которого она была, снова обретает прочность.

В начале повествования говорится, что Велика и ее муж Йон находились в ссоре и что она не хотела рассказывать своему единственному оставшемуся в живых сыну об отце, который умер перед его рождением. Роман начинается с похорон главной героини и разговоров соседей, которые освещают несколько интересных фактов из ее жизни. Она бунтует даже перед смертью, идет против

традиции, символизирующей святость и нерушимость брачных уз, так как она выразила желание упокоиться рядом со своими детьми, которых хоронила одна, а не с мужем. Поступая так, Велика обрекает своего мужа на полное забвение: она как бы хочет стереть память о нем. Велика бунтует против традиционной балканской модели женского поведения, которую можно выразить фразой «терпи и молчи». Велика терпит, но не молчит. Она наравне с супругом говорит в романе в полный голос, что подчеркивает сосед Мегленоских старый Дуко Вендия:

Ќе ти кажам како што ми кажуваше мајка ти, Велика, и како што ми кажуваше татко ти, Јон (*Андреевский. Пиреј, 1986*). – Я расскажу тебе так, как мне рассказывала твоя мать Велика и отец твой Йон.

Пожалуй, впервые в македонской литературе автор позволяет так выразительно звучать женскому голосу.

Образ Велики вырастает в символ хранительницы семьи, рода и всего народа. Именно женщина взяла на себя роль сохранения нации в годы лихолетья, а не мужчина, так как во время Балканских войн и Первой мировой войны македонцы не отстаивали свою землю, не воевали за свои интересы, а оказались по разные стороны фронта. Этим как бы обесценивается героизм Йона. А стойкость характера Велики, наоборот, приобретает героические черты. При этом Петре Андреевский опирается на собственное знание народной жизни, на семейные предания и на национальную традицию, подлинным хранителем которых в его произведении становится именно женщина. В посвящении к роману он говорит следующее:

На моите баби: Велика, Милка и Севда, наместо запалена свеќа на нивниот гроб, иако знам дека ова е мало пламенче за да ја угрее нивната бескраино испустена душа (*Андреевский. Пиреј, 1986*). – Моим бабушкам: Велике, Милке и Севде, вместо свечи, горящей на их могиле, хотя я знаю, что слишком мал этот огонек, чтобы согреть их бесконечно израненные души.

ЙОН КАК ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ МУЖСКОГО НАЧАЛА

В отличие от Велики, с которой связан мотив дома, в образе Йона, отправляющегося на войну, заключен другой эпический мотив – мотив странствования. Он воин, участник кровопролитных сражений. Именно его глазами описывается мир за пределами родного села. Йона Мегленоского нельзя

назвать эмоциональным человеком. Но когда в его жизни случается настоящее горе – смерть детей – мужчина не может справиться с собой, он вымещает свое горе на своей жене Велике, издеваясь над ней. Возможно, считает македонская исследовательница Л. Георгиева-Яковлевская, подсознательно он ощущал, что смерть детей уничтожает его право на «бессмертие семени» [Георгиевская-Яковлева, 2013, с. 131], соответственно он не может продолжить свой род. Получается, что женщина в этой картине мира – та, кому мужчина доверяет роль хранительницы своего бессмертия (т. е. семени), которое она должна выносить и в свое время «вернуть» мужу [там же]. Раз Велика не справляется с этой обязанностью, в глазах мужа и всего села она утрачивает ценность как женщина. Порицает ее, однако, только Йон, а соседи выражают сочувствие. Поведение Йона обусловлено патриархальным складом его сознания: в Велике он видит прежде всего продолжательницу своего рода и только потом работницу и жену. Для него наказать Велику – это естественно, поскольку он защищает не только свой дом и родину, но и свое имя [там же].

ИЗОБРАЖЕНИЕ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО НАЧАЛ В РОМАНЕ «ПЫРЕЙ»

В романе «Пырей» Петре Андреевский уделил достаточно внимания раскрытию характера Йона, хотя в сравнении со своей женой мужчина кажется проще, его внутренний мир не так богат. Мы знакомимся с ним, когда он был еще ребенком, лишенным тепла в семье. Его отец был суров и даже груб и с детьми, и с женой, и с другими людьми. Возможно, из-за того, что перед глазами Йона был такой пример, он неосознанно повторяет своего отца: тот часто отправлялся на заработки, Йон тоже исчезает – уходит на войну. Однако важное отличие Йона от отца – осознание им ценности семьи (отец отдал его и брата Мирче в монастырь, а после пропал). Йон постоянно думает о Велике и детях, он представляет послевоенное будущее в кругу родных людей. Но его иллюзии разбиваются о реальность: дома его встречает только Велика. Мужественный в бою, Йон не может этого выдержать, поэтому он выплескивает свои эмоции и боль на «виновницу» Велику. Его психологическое состояние настолько подорвано, что он не знает, как из этого выбраться. Он дичится соседей, его не радует новость о новой беременности Велики. Йон добровольно сживает себя со света, заливая боль алкоголем. Однако именно в момент его смерти происходит «увековечивание» его имени: у Велики рождается сын Роден. Пожалуй, в этом

заключается главное отличие Йона от его жены: Велика черпает силы из доброго отношения к людям и традициям, именно с ней соотносится главный символ романа – трава пырей, которую ничто не может уничтожить. Можно сделать вывод, что одна из задач романа – показать силу характера героини и ее внутреннюю эволюцию, как из женщины без права голоса она превращается в личность и говорит наравне со своим мужем Йоном, а затем звучит всё более выразительно и сильно.

В романе «Пырей» на оппозиции мужского и женского начал строится композиция произведения, а образы мужа и жены находятся в центре повествования. Однако, помимо главных героев, носителями этих начал являются и другие персонажи. Мирче, младший брат Йона, женился, но никак не мог зачать ребенка. Поэтому он обращается к сельской знахарке Маса Кулюмовской, чтобы она вылечила его от недуга, помогла обрести мужскую силу. Мирче, равно как и Йон, хочет передать свое имя потомству. Эта пара как бы повторяет главных героев по разделению своих ролей. Один из колоритных персонажей – Маса Кулюмовская, старая знахарка. К ней обращается за помощью всё село, поскольку она знает все традиции и обряды, может ответить на все вопросы. Ее все уважают и даже боятся, потому что она является в глазах крестьян носительницей тайных знаний. В романе много эпизодов, описывающих ее действия при совершении ритуалов, помогающих (пусть не всегда) сохранить дом, детей, отогнать болезни и несчастья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В романе «Пырей» Петре Андреевский убедительно и ярко изобразил две картины мира – мужскую и женскую. Именно женский характер вырастает в символ жизнестойкости народа, превращается в мощный художественный тип [Шешкен, 2022]. Велика, а не Йон, является примером героического характера, нравственным идеалом, подлинной

носителем самых важных жизненных ценностей. В изображении этого образа писатель «поднимается до высокого трагизма» [Проскурнина, 2003]. Другие персонажи, пусть не так ярко, но тоже являются собой оппозицию мужского и женского начал. Андреевский намеренно сталкивает их во внешних и внутренних проявлениях. Однако эта оппозиция трактуется Андреевским двояко: он позволяет Велике обрести свой голос, который крепнет по мере развития сюжета, а голос мужской постепенно затихает. Писатель позволил увидеть, к каким решениям может прийти женщина, вопреки агрессивной мужской логике, особенно когда она руководствуется милосердием, любовью и народной мудростью.

Вместе с тем роман «Пырей» демонстрирует традиционные представления о женской идентичности, характерные в той или иной форме и для части современного македонского общества.

Петре Андреевский тонко чувствовал женскую психологию и передавал ее, выстраивая образ своей героини. Он использовал форму повествования от первого лица. История Велики звучит как взволнованный монолог, раскрывающий тяжелые переживания и потрясения. Она говорит от своего «я», что помимо лиризации изображения действительности, показывает, что она – это не тень своего мужчины, не та, кто постоянно следует его воле и подчиняется. Женщина – это личность, которая может оказаться намного сильнее своего мужчины. Особенно тогда, когда есть, ради чего и кого жить.

В новейшей македонской литературе, наряду с таким подходом, всё заметнее изменение в изображении образа женщины. В первую очередь, это связано с тем, что в последние два десятилетия в литературу всё чаще приходят женщины-писательницы (Т. Урошевич, О. Николова, Л. Пандева, В. Мойсова-Чепишевска и др.), которые предлагают свой «женский» взгляд на мир, на историю своей страны и ее настоящее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Большакова А. Ю. Гендер // Западное литературоведение XX века: энциклопедия / гл. ред. Е. А. Цурганова. М.: Intrada, 2004.
2. Георгиевская-Яковлева Л. Нарративные модели феминности на примере романов «Пырей» Петре М. Андреевского и «Эрвехе» Луана Старковы // Гендер и литература в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Институт славяноведения Российской академии наук, 2013. С. 131–147.
3. Проскурнина М. Б. Проблема национального характера в македонской литературе: проза П. М. Андреевского // Центральная и Юго-Восточная Европа: литературные итоги XX века. М.: Индрик, 2003. С. 1–12.
4. Шешкен А. Г. Македонская литература XX – начала XXI века. Очерки истории. М.: Индрик, 2022.

REFERENCES

1. Bolshakova, A. Yu. (2004). Gender. In Curganova, E. A. (Ed.), *Zapadnoje literarurovedenije XX veka: Encyclopedia*. Moscow: Intrada. (In Russ.)
2. Georgievskaya-Yakovleva, L. (2013). Narrative models of femininity on the example of the novels "Wheatgrass" by Petre M. Andreevsky and "Ervehe" by Luan Starkova. In *Gender i literatura v stranah Central'noj i Jugo-Vostochnoj Evropy* (pp. 131–147). Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
3. Proskurnina, M. B. (2003). Problema nacional'nogo haraktera v makedonskoj literature: proza P. M. Andreevskogo = The problem of national character in Macedonian literature: the prose of P. M. Andreevsky. In *Central'naya i Jugo-Vostochnaya Evropa: literaturnye itogi XX veka* (pp. 261–273). Moscow: Indrik. (In Russ.)
4. Sheshken, A. G. (2022). *Makedonskaja literatura XX – nachala XXI veka. Ocherki istorii* = Macedonian literature of the 20th and early 21st centuries. Essays on history. Moscow: Indrik. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаврилова Полина Данииловна

аспирант кафедры славянской филологии

филологического факультета

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gavrilova Polina Daniilovna

PhD Student

Department of Slavic Philology

Faculty of Philology

Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

03.07.2024
05.08.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

От литературы травмы к хилинг-романам

Д. В. Мавлеева¹, Е. А. Похолкова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹selezneva_dv@mail.ru

²pokholkova@gmail.ru

Аннотация. Целью данного исследования является изучение южнокорейской хилинг-литературы. Хилинг-романы, или хюгге по-корейски, — это книги о жизни в комфорте и исцелении души, литература психологического исцеления и утешения, пришедшая на смену литературе травмы. В ходе работы были проанализированы три известных хилинг-романа: «Добро пожаловать в книжный в Хюнам-доне» Хван Порым (2022), «Магазин шаговой недоступности» Ким Хоёна (2021), «Прачечная души Мэриголд» Юн Чонын (2023). В результате исследования мы пришли к выводу, что психологический эскапизм, выступающий как продуктивная стратегия адаптации, помогает героям, а вместе с ними и читателям, найти утешение и отвлечься от волнующих их проблем или оценить их с другой точки зрения.

Ключевые слова: литература травмы, хилинг-романы, хюгге, эскапизм, современная южнокорейская литература

Для цитирования: Мавлеева Д. В., Похолкова Е. А. От литературы травмы к хилинг-романам // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 141–146.

Original article

From Trauma Literature to Healing Novels

Darya Mavleeva¹, Ekaterina Pokholkova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹selezneva_dv@mail.ru

²pokholkova@gmail.ru

Abstract. The purpose of this study is to examine South Korean healing literature. Healing novels, or Korean-style hygge, are books about living in comfort and healing the soul, a literature of psychological healing and consolation that has replaced the literature of trauma. In the course of the work, three of the most famous healing novels were analyzed: “Welcome to the Hyunamdong Bookshop” by Hwang Boreum (2022), “Uncanny Convenience Store” by Kim Hoyeon (2021), and “Marigold Mind Laundry” by Yoon Jeongeun (2023). As a result of the study, we came to the conclusion that psychological escapism, acting as a productive adaptation strategy, helps the characters, and with them the readers, to find solace and escape from the problems that concern them or look at them from a new angle.

Keywords: trauma literature, healing novel, escapism, modern South Korean literature, Korean-style hygge

For citation: Mavleeva, D. V., Pokholkova, E. A. (2024). From trauma literature to healing novels. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 141–146. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

За последние годы в южнокорейской литературе наметилась тенденция к поиску и созданию новых жанров, а также синтезу уже известных. В обществе, на фоне глубоких трансформационных процессов в обществе, которые продолжаются уже несколько десятилетий, размываются границы между элитарной и массовой литературой. В процессе этого возникают новые жанры, в которых именно корейские авторы задают тренды. Одним из таких жанров является хилинг-литература, популярность которой растет с каждым годом, в том числе на российском рынке, что объясняет актуальность проведенного исследования. Хилинг-романы, или хюгге по-корейски, — это книги о жизни в комфорте, литература психологического исцеления и утешения, пришедшая на смену литературе травмы. В своих произведениях писатели, экспериментируя с приемами и техниками, размышляют на общечеловеческие темы в контексте самобытной корейской культуры.

Задачей данного исследования является изучить предпосылки и причины появления хилинг-литературы в Республике Корея, а также общие черты и характерные мотивы произведений, написанных в этом новом жанре.

Проводя периодизацию южнокорейской литературы, И. В. Цой выделяет в ней три основных тематических периода:

- «1) становление новых тем и вопросов в литературе (1945–1951);
- 2) травма Корейской войны и попытки ее преодоления (1951 — вторая половина 1960-х годов);
- 3) постепенное уменьшение роли политических и идеологических тем, рост внимания к частному и индивидуально в художественных произведениях (1970-е годы — настоящее время)» [Цой, 2018, с. 317].

В третий тематический период на первый план выходят личные переживания героев, семейные проблемы, бытовые неурядицы, а политические процессы и пертурбации остаются в тени, выступая лишь социальным фоном рефлексии персонажей.

Как пишет Л. Е. Муравьева, нарратив о травме можно рассматривать как «наджанровую модель», парадоксальным образом совмещающую в себе рассказывание о травматическом опыте с элементами вымышленной наррации. Особую роль в ней играют авторефлексивные приемы, которые используются как средство передачи припоминаний, воспоминаний, неуверенности и неопределенности, «переключения» режимов рассказывания и рассказа, а также (ре)конструирования собственной идентичности по отношению к рассказываемым событиям [Муравьева, 2019]. В конце XX века историческая травма

в южнокорейских художественных произведениях постепенно уступает место индивидуальной, личной травме, которую переживают герои произведений. Вместе с этим меняется и формат репрезентации индивидуальной травмы. В последние несколько лет на первый план выходит ее терапевтический, целительный эффект, знаменуя собой появление хилинг-литературы.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ ХИЛИНГ-РОМАНОВ

К началу 1990-х южнокорейские авторы, устав от политической повестки, обратили свое внимание на простого человека, его внутренний мир, любовь и одиночество в большом городе. Отражая общественный фон, писатели рефлексиируют на личные темы, которые зачастую оказываются общечеловеческими. На материале корейской культуры и корейских реалий они вписывают себя в глобальный контекст. Присущий, как известно, корейцам коллективизм уступает место закапсулированности человека и общественному прессингу.

Культура исцеления стала широко практиковаться в Южной Корее в начале 2010-х годов на фоне многочисленных социальных проблем, среди которых непростая экономическая ситуация, общественное расслоение, растущие цены на жилье, трудности с устройством на работу. В этот период появились различные передачи, лекции, книги, программы медитации и другие различные «исцеляющие» мероприятия. Однако подобного рода контент подвергался и значительной критике за свою чрезмерную навязчивость, прямолинейность или нравоучительный характер, что создавало людям лишь дополнительный стресс, при этом все ключевые социальные проблемы так и оставались нерешенными.

Среди предпосылок появления интереса к хилинг-литературе стоит отметить и эпоху пандемии, когда отчужденность, одиночество и закапсулированность приобрели гиперболизированный характер в виду того, что человек оказался наедине со своими травмами и проблемами, которые ранее могли нивелироваться социальной жизнью. Литература, будучи тесно связанной с обществом, мгновенно отреагировала на новую действительность появлением произведений, посвященных эпохе пандемии, среди которых стоит отметить рассказ Чхве Ынми «Лицом к лицу». Южнокорейские писатели стали искать пути канализации страхов и тревог, что наметило путь к появлению хилинг-романов, оценивающих проблемы в другом ракурсе, но, в отличие от всевозможных психологических книг, посвященных

личностному росту, они исцеляли не путем прямых нравоучений, а косвенно, через наблюдение и сопереживание персонажам романа.

Успех популярности хилинг-литературы в том, что авторы обращаются к общечеловеческим темам, а предпосылки ее появления так или иначе актуальны и для других стран. Как пишет М. В. Солдатова, «между культурами Запада и Востока — пропасть, и реально быть понятыми за пределами национального “культурного поля” могут авторы, которые хотят быть поняты максимальным количеством читателей и предпринимающие для этого усилия, т. е. сознательно играющие на глобальном “культурном поле”» [Солдатова, 2018, с. 160].

Среди причин появления хилинг-литературы стоит отметить и усталость от общества «палли-палли», под которым понимается сверхстремительный темп жизни, что, в свою очередь, неизменно влечет за собой усиление общественного прессинга.

В 2021 году в Республике Корея начинал выходить журнал «Хилинг-литература», который выпускается раз в полгода. Его главный редактор Ли Инсон отмечает, что основная цель художественной литературы — исцелять человеческую душу, а основная функция — терапевтическая.

Схожие тенденции наблюдаются не только в Южной Корее. Так, например, в скандинавской культуре в конце 2010-х годов особую популярность приобрела так называемая философия уютного счастья, или хюгге, основная идея которой заключается в поиске комфорта и удовольствия в повседневных вещах. Важную роль при этом имеет и пространство, в котором находится человек. И если мы рассмотрим названия южнокорейских хилинг-романов, то заметим схожие мотивы: Хван Порым «Добро пожаловать в книжный в Хюнам-доне» (2022), роман «Магазин шаговой недоступности» Ким Хоёна, «Прачечная души Мэриголд» Юн Чонин. На первый план выходит достаточно универсальный хроно-топ — простое по организации пространство (прачечная, круглосуточный или книжный магазин), нахождение в котором становится способом решения проблем и работы с душевными травмами. Таким образом, место, где происходит действие, становится одним из главных персонажей хилинг-романов.

Е. В. Борода, изучая бегство современного героя от реальности в подростковой литературе, приходит к выводу, что психологический эскапизм «помогает отрефлексировать переживания», что позволяет говорить об эскапизме как о полноценном, обусловленном и рабочем методе взаимодействия с реальностью [Борода, 2020]. Часто связанный с жанром фэнтези, эскапизм в южнокорейской литературе тяготеет к реализму или даже гиперреализму.

Говоря о причинах появления хилинг-литературы стоит отметить и традиционные мотивы. В корейской культуре эскапизм или удаление от мира представлял собой классический способ проявления несогласия с политической ситуацией или социальной действительностью, который выражался в удалении от двора или уходе в монастырь или горы.

О популярности хилинг-литературы свидетельствует и то, что на известном южнокорейском книжном сайте yes24.com появился одноименный хештег, который позволяет читателем быстрее ознакомиться со списком произведений, написанных в данной стилистике. Рассмотрим подробнее самые известные южнокорейские хилинг-романы.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КНИЖНЫЙ В ХЮНАМДОНЕ» ХВАН ПОРЫМ

«Добро пожаловать в книжный в Хюнамдоне» — первый роман писательницы Хван Порым. Впервые был опубликован на писательской платформе «Brunch» в 2019 году, а затем в формате электронной книги на сайте «Миллиэ сочжэ». Впоследствии, по многочисленным просьбам читателей, произведение было издано в виде бумажной книги.

Действие разворачивается в укромном сеульском районе, под названием Хюнамдон, где главная героиня романа по имени Ёнчжу открывает книжную лавку. По мере развития повествования там собираются разные люди, делятся своими переживаниями и находят успокоение. Через своих героев Хван Порым рефлексировала на тему трудоустройства, изменения структуры семьи и института брака, отношений с родителями, доверия и дружбы. Многие из проблем решаются на протяжении романа, а многие — нет, потому что не решаемы по своей природе, всегда были и будут существовать. Автор призывает своего читателя искать иные способы бороться с травмами — находить счастье в другом, избегая прямой конфронтации, но при этом делает это не манифестно, а тонко и изысканно.

Район Хюнамдон — вымышленный, первый иероглиф в названии 휴 [хю] означает «отдых», «перерыв». Таким образом автор намекает на то, что для каждого есть свое место силы, где ему будет комфортно как наедине, так и среди других. Что интересно, даже южнокорейские читатели в комментариях долго обсуждали, существует ли такой район на самом деле.

Хван Порым детально описывает организацию работы книжного магазина: расположение стеллажей, ассортимент книг, общение с покупателями. Кроме того, в нем располагается и небольшая кофейня, и приготовлению этого напитка автор тоже уделяет пристальное внимание. Автор

добилась такой детальности, так как сама долгое время посещала книжный клуб, и даже мечтала открыть свой книжный магазин. В университете Хван Порым специализировалась на компьютерной инженерии и семь лет работала разработчиком программного обеспечения в LG Electronics, найдя в себе смелость уйти из крупной компании, гарантирующей стабильную жизнь, чтобы стать писателем. Таким образом, мы можем наблюдать еще одну общую черту хилинг-романов – элементы автофикшна. Как пишет А. Д. Белогорцев, «автофикшн стал набирать обороты популярности в последние годы, однако его появление относят еще к семидесятым годам прошлого столетия. Принято считать, что термин «автофикшн» (autofiction) был предложен в 1977 году французским писателем Сержем Дабровским» [Белогорцев, 2023, с. 25]. Личный опыт в романах, написанных в жанре автофикшн, преломляясь через призму художественного текста, становится общим [там же].

Таким образом, хилинг-романы предназначены для медленного чтения, написаны без эмоционального надрыва и обладают терапевтическим воздействием на читателя.

«МАГАЗИН ШАГОВОЙ НЕДОСТУПНОСТИ» КИМ ХОЁН

Один из самых известных хилинг-романов в современной южнокорейской литературе – «Магазин шаговой недоступности» Ким Хоёна, который уже несколько лет подряд занимает верхние строчки в рейтингах читателей. Издательский рынок 2022 года называли «магазином шаговой доступности». К концу 2023 года было продано около 1,4 млн экземпляров романа. В 2022 году Kyobo и yes24.com признавали его самой продаваемой книгой года.

Действие разворачивается в одном из старых районов Сеула – Чхонпха-доне. История начинается с того, что мужчина по имени Токко, бездомный, который живет на Сеульском вокзале, находит сумочку пожилой женщины и начинает работать неполный день в ее круглосуточном магазине. В магазине, который называют «магазином шаговой недоступности» за различные неудобства, такие как маленький ассортимент, неработающая микроволновка, люди находят психологическое успокоение, выход из ситуации, которая казалась им ранее безвыходной, а кто-то даже творческое вдохновение, после этого все они возвращаются в реальность и исчезают из повествования. Таким образом мы видим пространство, где люди находят утешение друг в друге, исцеляются от ран, прежде чем вернуться в социум.

В романе в деталях описываются и внутренний мир героев, и их взаимоотношение. Ким Хоён

обращается к теме маленького человека, который не вписывается в общепризнанные каноны. Мы видим очень разных, изолированных от общества людей, – алкоголиков, игроманов, вчерашних выпускников, которые никак не могут устроиться на работу, потерявших вдохновение театральными сценаристов, но постепенно автор вместе со своим читателем приходит к выводу о том, что быть другим не значит быть лишним.

В романе «Магазин шаговой недоступности» также присутствуют элементы гиперреализма и автофикшна. Ким Хоён окончил факультет корейского языка и литературы Университета Корё в 2001 году, после чего работал сценаристом кинокомпании, а затем в издательстве. В 33 года он решил полноценно посвятить себя писательскому делу. Но за этим последовали долгие годы безвестности. В 2019 году очередное его произведение потерпело неудачу, и он собирался оставить писательство, но в конце концов решил попытаться счастья с реальной историей о старшекурснике с его факультета, который открыл свой круглосуточный магазин.

«Главные темы гиперреализма – окружающий мир в его предметной данности и современный человек... у гиперреализма обостренное, сконцентрированное внимание к повседневности, явлениям действительности» [Борисова, Юхнина, 2016, с. 26]. Как нам кажется, столь детальное описание привычных нам предметов окружающего мира также обладает терапевтическим воздействием на читателя, позволяя сделать передышку от быстрого темпа жизни. Помимо внимания к деталям работы круглосуточного магазина Ким Хоён детально описывает Сеул, его районы, мосты, вокзалы и кварталы.

«ПРАЧЕЧНАЯ ДУШИ МЭРИГОЛД» ЮН ЧОНЫН

В названии книги писательницы используется слово 마음, которое в корейском языке имеет несколько близких значений – «душа», «сердце», а также «мысли». Роман «Прачечная души Мэриголд» несколько отличается от описываемых выше хилинг-романов. На наш взгляд это своего рода синтез жанров – очень тонкая грань между нон-фикшн и фикшн, безусловно, с преобладанием последнего. Роман тяготеет к литературе личностного роста, потому что идеи героини, повторяющиеся на протяжении всего повествования, как мантра, призывают нас не заикливаться на проблемах, избавляться от дурных мыслей, от дурных чувств. Для восточного текста характерен циклический дискурс, постоянное возвращение в определенные точку повествования. Благодаря этому книгу

можно читать с любой главы, определяющую роль приобретает пространство, где разворачивается действие.

Среди общих черт хилинг-романов стоит также отметить и идеи света и тьмы, которые пронизывают всё повествование. Герои произведений часто, уходя вечером из прачечной, книжного или круглосуточного магазина, оборачиваются и видят свет, как символ исцеления и уюта. Юн Чонин призывает читателя задуматься над тем, что иногда тьма ночи светлее и ярче дня. Не всё то, что кажется нам очевидным, таковым является. Стоит также обратить внимание и на оригинальную обложку «Прачечной души Мэриголд», где мы видим солнце и луну, день и ночь как единство двух противоположностей. Подобные идеи отсылают нас как к традиционным корейским мотивам, так и к произведениям художника Р. Магритта, который изобразил целый цикл картин ночного пейзажа под дневным небом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние десятилетия размываются границы между элитарной и массовой литературой и возникают новые жанры или их синтез, в которых именно корейские авторы задают тон. Одним из таких направлений является хилинг-литература, которая пришла на смену литературе травмы и за последние несколько лет приобрела широкую популярность. Психологический эскапизм, пронизывающий повествование, выступает как продуктивная стратегия адаптации и помогает найти утешение, отвлечься от волнующих проблем или посмотреть на них под другим углом. Важное место в структуре таких произведений отведено исцеляющему пространству, которое выступает в качестве одного из главных героев. Среди характерных черт хилинг-романов можно выделить идеи положительного эскапизма, гиперреализм, элементы автофикшна и литературы личностного роста, а также цикличность повествования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цой И. В. Эволюция тем художественной литературы Республики Корея (1948–2018) // КНДР и РК – 70 лет: коллективная монография / отв. ред. А. З. Жебин. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2018. С. 317–328.
2. Муравьева Л. Е. Авторефлексивные стратегии репрезентации травмы в художественном нарративе (на материале современной французской литературы) // Поэтика и прагматика нарративных практик / А. Е. Агратин и др. ; отв. ред. В. И. Тюпа. Екатеринбург: ИНТМЕДИА, 2019. С. 104–125.
3. Солдатова М. В. Проблемы популяризации корейской литературы в мире: к вопросу о специфичности национального культурного кода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 3 (792). С. 158–166.
4. Борода Е. В. «Честное бегство» современного героя: проблема эскапизма в подростковой литературе XXI века // Неофилология. 2020. Т. 6. № 23. С. 599–607. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-599-607.
5. Белогорцев А. Д. Автофикшн, или псевдоавтобиография: особенности жанра в современной русской литературе // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 3. С. 23–33. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-23-599-607.
6. Борисова А. Г., Юхнина О. Ю. Гиперреализм как творческий метод и художественное направление искусства второй половины XX века // Вопросы теории и практики. 2016. № 7(69). Ч. 2. С. 25–29.

REFERENCES

1. Tsoy, I. V. (2018). Evolution of main themes in South Korean fiction (1948–2018). In Zhebin, A. Z. (Ed.), KNDR i RK – 70 let (pp. 317–328): collective monograph. Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
2. Muravieva, L. E. (2019). Avtorefleksivny`e strategii reprezentacii travmy` v xudozhestvennom narrative (na materiale sovremennoj francuzskoj literatury) = Auto-reflexive strategies for representing trauma in artistic narrative (based on the material of modern French literature. In Agratin, A. E. et al., Poe`tika i pragmatika narrativny`x praktik (pp. 104–125): collective monograph. Ed. by V. I. Tyupa. Ekaterinburg: INTMEDIA. (In Russ.)
3. Soldatova, M. V. (2018). Problems of popularization of korean literature In the world: to the specificity of national cultural code. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(792), 158–166. (In Russ.)
4. Boroda, E. V. (2020). "Chestnoe begstvo" sovremennogo geroya: problema e`skapizma v podrostkovoj literature XXI veka = "An honest escape" of a modern character: escapism problem in young adult fiction in the 21st century. Neophilology, 6(23), 599–607. 10.20310/2587-6953-2020-6-23-599-607. (In Russ.)

5. Belogorcev, A. D. (2023). Autofiction or Pseudo-Autobiography. Genre Specifics in Modern Russian Literature. RGGU Bulletin. Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies Seriya, 3, 23–33. 1028995/2686-7249-2023-3-23–33. (In Russ.)
6. Borisova, A. G., Yukhnina, O. Y. (2016). Hyperrealism as a Creative Method and Artistic Direction of the Second Half of the XX Century. Scientific-Theoretical and Applied Journal, 7–2(69), 25–29. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мавлеева Дарья Владимировна

кандидат филологических наук
доцент кафедры восточных языков
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Похолкова Екатерина Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент
декан переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mavleeva Darya Vladimirovna

PhD in Philology
Associate Professor at the Department of Oriental Languages
of the Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Pokholkova Ekaterina Anatolievna

PhD (Philology), Associate Professor
Dean of the Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	03.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	05.08.2024	
	06.08.2024	

Вавилонская башня vs розовый домик: проблема аутентичности в лингвофилософском пространстве романов Л. А. Юзефовича «Клуб “Эсперо”» (1990) и «Казароза» (2002)

Му Чунхуай¹, Н. В. Николаева²

¹Ляонинский университет, Шень Ян, Китай, muchonghuai@126.com

²Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, nikolaeva63@mail.ru

Аннотация. Цель данного исследования – выявить проблему аутентичности в лингвофилософском пространстве романов Л.А. Юзефовича «Клуб “Эсперо”» (1990) и «Казароза» (2002). Композиция и система раскрытия образов свидетельствуют о важности проблематики аутентичности в художественной ткани текстов, несмотря ее завуалированность, что обусловлено прежде всего детективным жанром, а также историко-культурным фоном, на котором разворачивается сюжет и лингвофилософскими дискуссиями, широко представленными в художественном пространстве романов. Отталкиваясь от хайдеггеровского понимания аутентичности, авторы исследуют такие характеристики героев, как онтологическая чуткость и способность принимать условия бытия.

Ключевые слова: Л. А. Юзефович, «Клуб “Эсперо”», «Казароза», эсперанто, аутентичность

Для цитирования: Му Чунхуай, Николаева Н. В. Вавилонская башня vs розовый домик: проблема аутентичности в лингвофилософском пространстве романов Л. А. Юзефовича «Клуб “Эсперо”» (1990) и «Казароза» (2002) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 147–153.

Original article

Tower of Babel vs pink house: the problem of authenticity in the linguo-philosophical space of L.A. Yuzefovich's novels "Espero Club" (1990) and "Casaroza" (2002)

Mu Chonghuai¹, Natalya V. Nikolaeva²

¹Liaoning University, Shenyang, China, muchonghuai@126.com

²Moscow Normal State University, Moscow, Russia, nikolaeva63@mail.ru

Abstract. The aim of this study is to reveal the problem of authenticity in the linguo-philosophical space of novels. L. A. Yuzefovich, "Espero Club" (1990) and "Casaroza" (2002). The composition and the system of disclosure of images testify to the importance of authenticity in the artistic fabric of the texts, despite the fact that its presentation in a complex historical and cultural context, language-philosophical discussions and detective genre may make this problem not quite obvious. Starting

from Heidegger's understanding of authenticity, the authors pay attention to such properties as attitudinal sensitivity and the ability to accept the conditions of being.

Keywords: L. A. Yuzefovich, "Espero Club", "Casaroz", Esperanto, authenticity

For citation: Mu Chonghuai, Nikolaeva, N. V. (2024). Tower of Babel vs pink house: the problem of authenticity in the linguophilosophical space of L. A. Yuzefovich's novels "Espero Club" (1990) and "Casaroz" (2002). Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 147–153. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XIX–XX веков умы человечества все-рез волновали идеи изменения фундаментальных основ мира. Острое ощущение некоего несовершенства, необходимости обновления социальной структуры и этических основ мира, эстетического и интеллектуального проявления, языковой репрезентации. беспокоило многих людей того времени. Однако, несмотря на кажущиеся многообразие предлагаемых путей, по сути, всё можно свести к двум стратегиям: трансформации и преобразению. С первой стратегией связаны изменения внешние, касающиеся среды, обусловленные онтологическим неприятием существующего мира, а со второй – изменения внутри себя, направленные на понимание онтологии. В детективных романах Л. А. Юзефовича «Клуб “Эсперо”» (1990) и «Казароза» (2002) представлена эта напряженная эпоха столкновения дух экзистенциальных стратегий и двух типов бытия, детерминированных той или иной стратегией. Эти типы бытия представленные через два архитектурных образа Вавилонской башни и розового домика, с нашей точки зрения, являющиеся основой архитектоники текстов Л. Юзефовича.

Актуальность исследования обусловлена недостаточным количеством работ, посвященных творчеству Л. Юзефовича, в частности, отсутствием работ анализирующих проблему аутентичности в лингвофилософской проблематике рассматриваемых текстов. На данный момент нами обнаружено только одно научное исследование, в котором, однако, сопоставляется реализация образа автора в романах «Клуб “Эсперо”» и «Казароза»¹.

Задачами исследования являются: описание лингвофилософского пространства романов Л. А. Юзефовича; анализ архитектоники и системы образов текстов в свете проблемы аутентичности.

Методология и материал исследования. Материалом исследования послужили тексты романов

¹URL: <https://md-eksperiment.org/ru/post/20220122-o-svoeobrazii-avtorskogo-nachala-v-proizve-deniyah-l-yuzefovich>

Л. А. Юзефовича «Клуб “Эсперо”» (1990) и «Казароза» (2002). Для достижения поставленной цели были использованы методы герменевтического и аксиологического анализа.

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ НЕАУТЕНТИЧНОСТИ

Действия романов происходит в Перми, в двух временных пластах (20-е и 70-е годы XX века), прочно стыкующихся в рефлексии и экзистенции героев Семченко, Кабакова из «Клуба “Эсперо”» и, соответственно, Свечникова, Вагина из «Казарозы». «События 1920 г. видятся поэтому в двойном преломлении, как уже давние воспоминания, практически история» [Бабичева, 2021, с. 90]. Благодаря такой темпоральности создается стереоскопический эффект².

Социокультурная, историософская и экзистенциальная проблематика с первых страниц обоих романов переплетается с лингвофилософской. Через отношение к эсперанто, которым увлекаются некоторые персонажи, разворачивается не только сюжетный, но и концептуальный уровень романов. В разговорах, спорах, рассуждениях о детище Л. Заменгофа, представлена проблема аутентичности / неаутентичности бытия, выраженная через образы Вавилонской башни и розового домика.

Роман «Казароза» был написан через двенадцать лет после публикации «Клуба “Эсперо”» и является переработкой первого романа. «В «Казарозе» писатель увеличивает спектр явлений политической, интеллектуальной, психологической, нравственно-философской сфер»³. То, что в новой версии романа автор убирает из названия эсперантскую тему и смещает фокус на образ

²URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2003/7/vse-svyazano-so-vsem.html>

³URL: <https://md-eksperiment.org/ru/post/20220122-o-svoeobrazii-avtorskogo-nachala-v-proizve-deniyah-l-yuzefovich>

эстрадной певицы Зинаиды Казарозы, ставшей случайной жертвой мести подростка Геньки Ходырева, является, с нашей точки зрения, концептуальным для раскрытия проблемы аутентичности, или подлинности.

Для детективов (детектив только по форме: случайности сплетаются так, что приходит смерть)¹ Л. Юзефовича характерно наличие «приключения более захватывающего, чем поиск убийцы, приключения интеллектуального» [Абашева, 2004]. Поэтому детективный сюжет романа разворачивается на фоне острого противостояния, связанного с осмыслением языка как важнейшего феномена человеческой жизни: как фактора социокультурной и экзистенциальной трансформации, с одной стороны, и как тайны, связанной с экзистенцией и целого народа, и одного человека – с другой.

Пространство романов пронизано лингвофило-софским противостоянием и противоборством двух типов бытия. Первый бытийный тип представлен эсперантистами разных толков, озабоченных построением Вавилонской башни разума, любви и надежды. Библейский образ является вербальным символом их деятельности и жизненной позиции. Этот тип бытия, используя терминологию М. Хайдеггера, назовем неаутентичным [Хайдеггер, 2003]. Второй, соответственно, аутентичный – преимущественно представлен образом актрисы Зинаиды Георгиевны Шеншевой / Шершневой, выступавшей под сценическим псевдонимом Казароза (розовый дом/-ик).

Все эсперантисты заряжены идеей решить глобальные проблемы человечества, главная из которых разобщенность, неспособность понимать друг друга, обусловленная полилингвальностью, возникшей, согласно библейскому повествованию, в человеческом сообществе в XXVIII веке до н. э. и приведшей его к экзистированию в узких «клетках» своих этнокультурных миров. Эсперантисты уверены, что ключ от «клеток» уже в руках у них – единомышленниках и последователях Заменгофа. Однако, несмотря на декларируемое стремление к объединению, эсперантисты на самом деле в борьбе за сакрализацию / десакрализацию, Л. Заменгофа – «ниа Майстро» и его детища отчаянно враждуют друг с другом.

Так, подход к эсперанто у Семченко / Свечникова функционален и классово детерминирован; для него, прагматика, эсперанто – «боевое и грозное оружие в мозолистых руках пролетариата» («Казароза»). Для обольстительной Левиной Иды Лазаревны («Казарозы») / Альбины Ивановны («Клуб “Эсперо”»), ставшей наставницей и любовницей Свечникова, эсперанто – средство объединения

представителей разных наций, решивших «стать братьями и сестрами» («Казароза»). Линев / Варанкин видит в эсперанто инструмент решения «проклятого еврейского вопроса», мечтая с помощью эсперанто уничтожить «ложно-национальную каменную скорлупу», живя в которой «мумифицированный трупный остаток жившего в отдаленной древности народа» обречен «быть навеки чужим, проклинаемым ... инородным телом в живом организме всех народов и стран» («Казароза»). Кроме этих членов клуба «Эсперо» есть еще и эсперантисты-оппозиционеры – идисты, неписты... Идист Даневич уверен, что эсперанто не что иное, как попытка реализации еврейского мессианского проекта («Казароза»). Неписты горячо спорят с идистами, однако их сближает «страстное желание расплываться со своим общим прародителем» («Казароза»). Автор показывает неаутентичность эсперантистов, с одной стороны, мечтающих преодолеть последствия вавилонского проклятия человечества, а с другой – действующих в вавилонской матрице онтологического протеста и самоутверждения: они спорят, подозревают друг друга в оппортунизме, убийстве, пишут доносы. А рядом с этими строителями новой Вавилонской башни, существует другой мир, в котором, приняв условия бытия, живут, умирают, страдают, любят, надеются...

РОЗОВЫЙ ДОМИК КАК СИМВОЛ ПОДЛИННОСТИ

Главным образом этого неавилонского мира является Зинаида Казароза. Отметим, что «физически» образ этой героини присутствует в тексте обоих романов всего в нескольких эпизодах. Однако он, безусловно, скрепляет и сюжетно-композиционный, и концептуальный уровни, пронизывает ткань романов, занимая «ментальное» пространство текста – воспоминания, разговоры, размышления, сны, видения в основном Николая Семченко / Свечникова. Образ этой ничем особо не примечательной subtilной актрисы является камертоном подлинности, аутентичности бытия.

О Казарозе известно совсем немного. Некоторые подробности ее жизни известны от близко знавшей ее актрисы Ирины Милашевской. Кое-что о Казарозе известно из воспоминаний Семченко / Свечникова (об этом ниже). Но самое главное о ней читатель узнает из некролога, присланного Милашевской Семченко / Свечникову, который он хранил всю жизнь: «...Среди Содомы и Гоморры ... она была одной из тех редчайших праведниц, кому это нужно не по условностям общепития, а из потребности сердца...» (Юзефович Л. А. Казароза. Клуб «Эсперо»).

¹URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2003/7/vse-svyazano-so-vsem.html>

Отметим интересное колористическое решение этого образа, обозначенное колоронимом «розовый» и его дериватами: «розоватый», «розовеющий», «розоветь» в различных сочетаниях, чаще всего со словами, в семантической структуре которых есть семы, со значением «свет», «воздух»: луч, свет, закат, туман, рассвет, дым... В артистическом имени певицы тоже есть этот колороним, символизирующий аутентичность. Неслучайно автор описывает некоторые инсайты Семченко / Свечникова, его встречи с Бытием, используя это цветообозначение. Так, в эпизоде романа «Эсперо», где описывается сон Семченко в тюрьме, колороним встречается трижды. Розовый цвет как растворение белого в красном достаточное тонкое, как нам кажется, колористическое отражение мерцания вот-Бытия в человеческой жизни, полной напряженной динамики неаутентичности.

Зинаида Казароза, которую пригласили петь романс на стихи М. Лермонтова на эсперанто, совершенно не увлечена ни эсперанто, ни идеями эсперантистов, но жизнь, проявляя «свой вечно непредсказуемый, неосмысленно и ненамеренно жестокий, как у ребенка, характер» [Абашева, 2004], каким-то необъяснимым образом связала ее жизнь и смерть с этим искусственным языком и его апологетами, мечтающими соорудить новую Вавилонскую башню ради блага всего человечества. Тайна жизни, по Юзефовичу, несомненно, прекрасная и простая, хотя и страшная [там же], и этой тайной Зинаида Казарозе было определено умереть, чтобы Жил и Был другой – тот, кто стал невольным виновником ее смерти и всю свою жизнь пытался разгадать тайну розового домика – Зинаиды Казарозы.

ОБРАЗ НИКОЛАЯ СЕМЧЕНКО / СВЕЧНИКОВА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ АУТЕНТИЧНОСТИ

Все мотивы и сюжетные развертки романа, в том числе и детективная линия сходятся в образе Николая Семченко / Свечникова, бывшего красноармейца, в 1920-е годы активного члена пермского клуба «Эсперо» и заместителя редактора губернской газеты «Власть труда». Это он видит розовый свет, когда думает о Казарозе, это ему благодаря этой женщине с псевдонимом «розовый домик» впервые становится стыдно за свою вавилонскую жесткость и непреклонность.

Семченко / Свечников видел Казарозу всего несколько раз в своей жизни. Он познакомился с ней в 1918 году, совершенно случайно оказавшись на спектакле в Петербурге, где она танцевала. Его потрясла хрупкая плясунья, выступавшая босяком в

какой-то рваной тунике и певшая незатейливые песенки, аккомпанируя себе на бубне или гитаре. А потом была последняя встреча в Перми. Казароза была приглашена им, чтобы спеть романс на эсперанто. Несмотря на то что Семченко / Свечников был практически незнаком с Казарозой, ей суждено было стать главной женщиной в его жизни. Конечно, в его жизни были и другие женщины, но к ним он никогда не испытывал того чувства, которое пробудила в нем Казароза и которое он сохранил всю жизнь. «Он никогда не сравнивал ее с женой, с другими женщинами. Он помнил ее так, как помнят лишь детство и самую первую юность» («Клуб “Эсперо”»). Нежность, священный трепет, восторг, которые испытывал Семченко / Свечников в присутствии Казарозы и думая о ней, стали для него опытом подлинного, аутентичного бытия.

Расследуя убийство, Семченко / Свечников отбрасывает одну за другой различные версии совершенного преступления: политическую, мистическую, конспирологическую [Абашева, 2004]. Политическая версия, которую разрабатывали сотрудники ЧК, была основана на подозрении к причастности в убийстве эсера и эсперантиста Алферьева, гражданского мужа певицы; мистически-конспирологическая – была связана с загадочной гипсовой ручкой младенца, найденной в сумочке Зинаиды Казарозы, и загадочными ритуалами, на которые намекалось в текстах эсперантистов. Однако всё оказывается, с одной стороны, гораздо проще и гораздо сложнее – с другой.

Поймав убийцу Казарозы и держа в руках браунинг, из которого она была убита, он с ужасом обнаруживает свою неаутентичность. Он впервые задает себе вопрос, почему он сам и Генька (и другие) непоколебимо убеждены «в собственном праве решать чужую судьбу» и «почему за всё ей отвечать – Казарозе?» («Клуб “Эсперо”»). Мстить за Казарозу было невозможно: аутентичность не может возникнуть из неаутентичности, и розовый домик невозможно построить из кирпичей Вавилонской башни. Поэтому Семченко / Свечников дал Геньке час на то, чтобы он исчез из города, посоветовав мальчишке отравиться на юг в Красную Армию. Ответом на это действие Свечникову стал розовый свет над Камой.

Поняв, что причиной смерти Казарозы был он сам, Свечников вдруг увидел роковой узел переплетающихся нитей человеческих судеб. Это открытие так потрясло его, что он лежал в своей комнате «в темноте, пьяный, с мокрым от слез лицом», понимая, что новая Вавилонская башня, воздвигнутая из Надежды и Разума, рухнула точно так же, как первая («Казароза»).

Хотя этот герой чаще делает выбор в сторону неаутентичности, подлинное Бытие напоминает ему о себе, раскрывая перед ним иллюзорность вавилонских проектов, в которых он участвует. Поэтому неудивительно, что, несмотря на свое увлечение эсперанто, Семченко / Свечников стал догадываться в какой-то момент, что проблемы человечества не решатся путем создания единого языка, но просто «на чужом языке, полупонятном, любая мысль весомее кажется, чем на своем, родном, ведь ее через труд понимаешь, через усилие, и относишься к ней серьезнее» («Клуб “Эсперо”»).

Семченко / Свечников прожил долгую жизнь, он не однажды менял привычки, сбрасывая кожу («Клуб “Эсперо”»), но через всю жизнь он пронес образ «плясуны с голосом райской птицы» («Казароза»). Фотографию ее портрета, написанного художников Яковлевым, и некролог он хранил всю жизнь. Казароза вроде бы «ничего не объясняла», она просто была... была для него явлением аутентичного бытия.

Оказавшись в 1970-е годы в Перми, из которой Семченко / Свечников уехал, очевидно, вскоре после гибели Казарозы, он понял, что благодаря этой маленькой женщине, которую он видел несколько раз в своей жизни, он всё-таки не растворился «в переменах жизни» и научился различать ничтожность великого и значимость малого и «судьбу в том, что казалось не более чем переменной жизни» («Клуб “Эсперо”»).

Казароза своим бытием открыла Семченко / Свечникову понимание того, борьба за счастье человечества, если в этой борьбе надо уничтожить человечество, бессмысленна, и те, кто строят величественное здание Вавилонской башни, разрушая розовые домики простых человеческих судеб, неизбежно погибнут под обломками своего Babilono. В ночь обнаружения несостоявшегося своего убийцы Свечников был настолько аутентичен, что хозяйка, которая принесла Свечникову «поганое ведро», когда его начало тошнить, смотрела на него так, «словно впервые увидела в нем человека» («Казароза»).

ОПЫТ АУТЕНТИЧНОСТИ В НАРРАТИВЕ РОМАНОВ О КАЗАРОЗЕ

Глас Бытия через голос Казарозы слышит не только Семченко / Свечников, но даже Осипов – пьяница, циник и конформист, жизненное которого кредо обусловлено вроде бы исключительно витальными потребностями. Тем не менее именно Осипов, от которого всегда нестерпимо разило кумышкой («Клуб “Эсперо”»), дает деньги на похороны Казарозы. Через этот образ – «провинциального интеллигента» в романах представлено «смеховое» решение проблемы экзистенциальной пропасти

между отдельными людьми и целыми народами, которой обеспокоены эсперантисты, грезящие о глобальном изменении человеческой жизни, но погрязшие в мелочных спорах, доносах, любовных интрижках. Грубое карнавальное раблезианство развенчивает напыщенный эзотеризм эсперантистов: «Все пьяницы говорят на одном языке. Мычат, молчат, а друг друга понимают, потому что из них общечеловеческая сущность вопиет» («Клуб “Эсперо”») – однако не отвечает на вопрос, в чем состоит человеческая сущность, проявляющаяся при потере способности говорить на человеческом языке. Поэтому неслучайно авторское ироничное замечание, относительно происхождения денег, которые Осипов принес на похороны Казарозы: «Из украденных им у жены денег кое-что, похоже, осело в его кармане и потрачено было не зря» («Казароза»).

Опыт аутентичности доступен каждому и ограниченность ментальных возможностей не является препятствием. В этом отношении интересен эпизод прихода Свечникова к Сикорскому, у которого был больной сын – «чудовищный мальчик лет восьми, отечный, в закапанной слюнями жеваной рубашке...и огромной головой идиота» («Казароза»). Когда Свечников дунул в свистульку, принесенную мальчику в подарок отцом, и из нее послышался «неожиданно нежный переливчатый звук», напоминающий голос Казарозы, мальчик перестал бессмысленно качаться и его лицо его разгладилось («Казароза»).

Еще одним героем, которому доступен опыт аутентичности, является Вадим Кабаков / Вагин. Он во многом противоположен Семченко / Свечникову. В отличие от активного члена пермского клуба «Эсперо» он скептически относится к идее эсперантистов построить храм «любви и разума». Эсперантисты его раздражали и прежде всего тем, что «при всяком удобном случае выставляли напоказ жизненную необходимость своего эсперанто, необыкновенную его важность», представляя себя провидцами, мечтающими осчастливить человечество, которое не понимает их великой жертвы («Клуб “Эсперо”»). Наряду с эсперантистами его раздражают и идисты, и прочие изобретатели языков «своим нежеланием видеть нормальную человеческую жизнь» («Клуб “Эсперо”»). В деятельности эсперантистов и их противников он не видит ни любви, ни разума, о которых они постоянно говорят. Неприятие грандиозных мироустроительных проектов эсперантистов, их идеократического накала, обусловлено отвращением Вагина к их неподлинности. Он остро чувствует нечто ужасное в людях «вавилонского» мира, тех, кто одержим ненавистью ко всем, кто стоит на пути воплощения их мечты, а не заряжен любовью к

миру и ближнему. Наблюдая постоянные споры эсперантистов с идистами, Вадим представлял не единый мир, о котором эсперантисты много говорили, а безнадежно-непримиримый раздвоенный мир, в котором «храмы человечеству, воздвигнутые по обе стороны границы, постепенно превращались в новые Вавилонские башни, откуда денно и нощно ведется наблюдение за противником» («Клуб “Эсперо”»), мир умозрительных идей, мир неаутентичности, в котором нет места «розовым домикам».

Вадим Кабаков / Вагин в значительно большей мере, чем Семченко / Свечников способен к переживанию аутентичности, однако не потому, что это его сознательный выбор. О своей аутентичности он, так же как Семченко / Свечников, начинает догадываться только к концу жизни: «к старости стал замечать, как в его жизни все отчетливее проступает первоначальный замысел, прежде неразличимый. Хаос обретал форму, пустота – смысл» («Казароза»). Стоит обратить внимание на то, что через этого героя автор выражает иронию как в адрес искусственного языка («пошловато-певучий язык», в котором слышалась «жидкая самоварная медь провизорской латыни») («Казароза»), так и в адрес самих эсперантистов, провозглашавших великие цели, но не гнушавшихся незатейливыми эротическими приемами при агитации новых членов в свой клуб: «Эсперантисты разобрали барышень, что-то нашептывали, склоняясь к ним под медленную, тягуче-порочную музыку. Вагин понял, что начинается сеанс агитации. Барышни помалкивали, но их млеющие лица говорили о том, что скоро клуб “Эсперо” пополнится новыми членами» («Казароза»).

Аутентичность Вагина, неочевидная для него самого, проявляется наиболее зримо, когда при изменении положения политического флюгера в отношении международного языка, он, «всегда на дух не выносивший» эсперантистов, отказался писать про них в местную газету «разгромную статью», хотя ему было обещано за представление их «в нужном освещении и под должным углом» повышение по службе. И даже «вздохнул с облегчением» («Клуб “Эсперо”»), когда это сделали другие, возможно, из числа бывших эсперантистов. Выбор Кабакова / Вагина завуалирован под невыбор (он ведь просто «нарочно медлил, тянул»), однако в его невыборе и проявляется его аутентичность.

Семченко / Свечников в аналогичной ситуации оказался, напротив, неаутентичен. Когда в январе 1938 года ему позвонили и «вежливо, но настойчиво посоветовали выступить с речью на закрытии московского эсперанто-клуба “Салютон”» («Казароза»), сделал то, о чем его попросили, и произнес речь, хорошо отредактированную женой, откровенная неаутентичность которой его всегда раздражала.

Вадим в отличие от Семченко / Свечникова не сделал никакой карьеры; он социальный неудачник: все «им помыкали и цукали как мальчишку» («Клуб “Эсперо”»). Однако ему, всю жизнь жившему «как придется, как бог на душу положит», хотелось понять, а не поменять таинственный порядок мироздания, некий замысел, и к концу жизни он стал различать «строгий узор, который прежде был не замечен, а теперь давал радостное и спокойное ощущение какого-то всеобщего порядка» («Клуб “Эсперо”»), частью которого был он, его жена Надя, Свечников, эсперантисты, Казароза, ее случайный убийца Генька Ходырев.

В обоих текстах Л. Юзефовича последовательно развивается идея о том, что аутентичное / подлинное незаметно, как легкое дуновение ветерка, и не каждый способен его обнаружить; и аутентичным может быть не тот, кто одержим великими трансформациями, но тот, кому важен голос Другого, кто слышит глас Бытия, кто экзистировал в парадигме преобразования, приятия онтологии. Не случайной в этой связи, как нам кажется, в тексте является топонимическая деталь, многократно встречающаяся в тексте, – часовня Стефана Великопермского, о котором автор вскользь говорит всего лишь несколько слов: «В здешней тайге он когда-то крестил зырянских язычников, сочинял для них азбуку...» («Казароза») – не трансформировал существующий язык коми-пермяков, но преобразил его, найдя для звуков графические знаки, чтобы у зырянских язычников была благая весть Христа, зовущего человечество к преобразению себя, а не к трансформации мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье рассмотрена проблематика аутентичности в романах Л. А. Юзефовича «Клуб “Эсперо”» и «Казароза», проанализирована система образов и архитектоника тестов. Сделаны следующие выводы:

1) архитектоника романов строится на противостоянии двух типов бытия, реализованном в лингвофилософском контексте идей эсперантистов;

2) неаутентичное бытие эсперантистов, видящих причину разобщенности человечества в полилингвальности, обусловлено противоречием между мечтой преодолеть последствия вавилонского проклятия человечества и стратегией онтологического протеста и самоутверждения;

3) аутентичность, или подлинность, экзистировал в парадигме преобразования, а не трансформации;

4) опыт «мерцательных» прорывов в аутентичность представлен образами Николая Семченко / Свечникова; а также образом Вадима Кабакова / Вагина.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабичева М. Е. Дважды венчанный (Л. А. Юзефович – лауреат «Большой книги») // Stephanos. 2021. № 3 (47). С. 86–97. DOI: 10.24249/2309-9917-2021-47-3-86-97. EDN PDKVFR.
2. Абашева М. Тайны Леонида Юзефовича // Новый Мир. 2004. № 5. С. 166–170.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003.

REFERENCES

1. Babicheva, M. E. (2021). Dvazhdy venchannyj = Married twice, 3(47), 86–97. 10.24249/2309-9917-2021-47-3-86-97. EDN PDKVFR. (In Russ.)
2. Abasheva, M. (2004). Tajny Leonida Yuzefovicha = Secrets of Leonid Yuzefovich. New world, 5, 166–170. (In Russ.)
3. Heidegger, M. (2003). Bytie i vremya = Being and Time. Transl. from German by V. V. Bibikhin. Kharkov: Folio. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Му Чунхуай

кандидат филологических наук
профессор факультета русского языка Института иностранных языков
Ляонинского университета, Шень Ян

Николаева Наталья Владимировна

кандидат культурологии
доцент кафедры русского языка как иностранного в профессиональном обучении
Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mu Chonghuai

PhD
Professor at the Faculty of Russian
Institute of foreign languages, Liao Ning University in China

Nikolaeva Natalya Vladimirovna

PhD in Culturology
Associate Professor of Department of Russian as a Foreign Language in Vocational Education
Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.07.2024
05.08.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК [811.133.1+342.228]+796.032

Валоризация республиканских символов Франции на Олимпийских играх 2024 года

М. Ю. Авдонина¹, Н. И. Жабо², Е. С. Шафикова³

^{1,3}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия,

¹mavdonina@yandex.ru

²lys11@yandex.ru

³elena.s.kudinova@yandex.ru

Аннотация. Цель работы – выявление в оформлении Олимпийских игр в Париже 2024 года символов, характерных для французской культуры. Материалами исследования послужили государственные интернет-ресурсы и СМИ, раскрывающие идеи Пьера де Кубертена, остающегося и в XXI веке противоречивой фигурой, образы Сеятельницы, галльского петуха, фригийского колпака, эмблематичный для французского флота парусник «Белем», а также внесение в символику наград изображения Эйфелевой башни на лицевой стороне медали, симметрично с античным храмом, и шестиугольника из железа башни 1889 года на оборотной стороне. В статье показано, как власти Франции обеспечивают понимание и валоризацию республиканских идей на новом витке истории.

Ключевые слова: символ, французский язык, история Франции, Олимпийские игры, эстетика, интерпретация образа, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Авдонина М. Ю., Жабо Н. И., Шафикова Е. С. Валоризация республиканских символов Франции на Олимпийских играх 2024 года // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 154–160.

Original article

Valorization of Republican Symbols of France at the Olympic Games Paris 2024

Marina Avdonina¹, Natallia Zhabo², Elena Shafikova³

^{1,3}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

¹mavdonina@yandex.ru

²lys11@yandex.ru

³elena.s.kudinova@yandex.ru

Abstract. The aim of the study is to identify symbols characteristic of French culture in the design of the Paris 2024 Olympic Games. The materials of the study are state Internet resources and mass media, revealing the ideas of Pierre de Coubertin who still remains a controversial figure in the XXI century, images of the Sower, the Gallic rooster, the Phrygian cap, the Belem sail boat emblematic for the French Navy. The article explains the meaning behind featuring the Eiffel Tower on the obverse side of the medal, placed symmetrically with the ancient temple, and the hexagon-shaped piece of iron extracted from the 1889 original Tower embedded in the center of Olympic medals on the reverse side. The article shows how the French authorities provide understanding and valorization of republican ideas at a new turn of history.

Keywords: symbol, French language, French history, Olympic Games, aesthetics, image interpretation, intercultural communication

For citation: Avdonina, M. Yu., Zhabo, N. I. Shafikova, E. S. (2024). Valorization of Republican Symbols of France at the Olympic Games of 2024. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 154–160. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Международное событие самого высокого уровня – Олимпийские игры – осуществляет связь культур и поколений. *Цель* исследования – выявление прагматического плана использования в оформлении Олимпийских игр в Париже 2024 года образов, характерных для французской культуры.

В рамках исследования были поставлены следующие задачи:

1) познакомиться со взглядами на спорт французского педагога и спортсмена Пьера де Кубертена, основателя современного олимпийского движения;

2) рассмотреть идеологические основы олимпийского движения;

3) провести сбор медиаданных и выделить в оформлении игр 2024 года наиболее значимые единицы национальной символики Франции;

4) провести анализ приемов валоризации культуры Франции в контексте Олимпийских игр в Париже 2024 года.

Новизна работы состоит в том, что впервые проведен анализ взаимосвязи концепта большого спорта и принципов и основ государственности на примере Олимпийских игр и национальных символов Франции как организатора всего комплекса мероприятий, стремящегося повысить значимость национальной культуры на национальном и мировом уровнях. Актуальность исследования состоит в выявлении значимых для всей французской нации средств воздействия на сознание граждан с целью формирования патриотических чувств.

Практическая ценность заключается в использовании результатов исследования в лекционных и практических занятиях по межкультурной коммуникации, истории страны изучаемого языка, формирования языковой и лингвострановедческой компетенций.

Материалами послужили интернет-ресурсы¹: образовательные порталы²; статьи в центральной прессе Франции 2023–2024 годов; словари³; мемуары⁴ и архивы исторических обществ⁵.

ПЬЕР ДЕ КУБЕРТЕН

Пьер де Фреды, барон де Кубертен (Charles Pierre Frédy de Coubertin, 1863, Париж – 1937, Женева) в русской культуре воспринимается именно как

реноватор Олимпийских игр, однако его образ во французской культуре более сложен. Биографы выделяют несколько основных характеристик: историк, педагог, исследователь английской культуры, реформатор школьной программы, борющийся за введение спорта во французских школах, основатель современных Олимпийских игр [Durry, 1997].

Род Фреды имел владения в Риме, расположенные на месте античных садов Нерона. В 1506 году там была найдена скульптурная группа Лаокоона, признанная тем самым произведением искусства, которое Плиний Старший считал одним из прекраснейших творений древности. Имя нашедшего статую – Феличе де Фреды – записано в официальном документе, в котором папа Юлий II в обмен на статую пожаловал ему доход от платы за проезд через ворота Сан-Джованни. В ту же эпоху была основана и французская ветвь семьи Фреды.

П. де Кубертен в 1894 году основал Международный олимпийский комитет, президентом которого он был с 1896 по 1925 год. Он разработал дизайн олимпийских колец и предложил проводить зимние Олимпийские игры, первые из которых состоялись в Шамони в 1924 году [Clastres, 2024].

Коренной парижанин, маленького роста (162 см), Кубертен три года изучал систему образования Англии, он считал спорт одной из причин могущества этой нации. Он занимался всеми англосаксонскими видами спорта (гребля, бокс, верховая езда и фехтование). Вернувшись во Францию, он начал проводить линию на внедрение спорта в систему среднего образования. Многократно он становится чемпионом Франции по стрельбе из пистолета. Жак Тибо цитирует его строки: «возрождение французской расы посредством физического и морального перевоспитания будущих элит страны, пережившей поражение 1870-х годов»⁶ [Thibault, 1987, с. 45]. Барон присоединился к Республике, ее ценностям. Он посещает Либеральную школу политических наук (*ныне* Сьянс По) в качестве слушателя, приобретает свой интернационализм, этику «gentlemen républicains», которую эта школа стремилась привить будущим лидерам новой Франции [Carpentier, 2004]. И в наше время студенты Сьянс По под знаком Кубертена участвуют во всех межвузовских соревнованиях по футболу, волейболу, гандболу, теннису, плаванию, верховой езде и легкой атлетике⁷.

В 1937 году Пьер де Кубертен умер от сердечного приступа. Его тело похоронено в Лозанне на кладбище Буа-де-Во, а сердце – возле святилища

¹URL: <https://www.elysee.fr/>, <https://www.gouvernement.fr/>; Gallica

²URL: <https://www.tv5monde.com/>, <https://www.arte.tv/>,

³URL: www.larousse.fr/; Centre National de Recherches Textuelles et Lexicales (CNRTL).

⁴URL: <https://www.cheminsdememoire.gouv.fr/>

⁵URL: <http://www.gaullistelibre.com>

⁶Зд. и далее перевод наш. – Авт.

⁷Un corps sain dans un esprit sain. SciencesPo. 29.07.2021. URL: <https://www.sciencespo.fr/fr/actualites/corps-sain-dans-esprit-sain/>

Олимпиады в Греции. Его двое сыновей умерли бездетными, оба племянника погибли на фронтах Первой мировой войны. С 2007 года род Фреды продолжается через двоюродную ветвь Куберте-нов, живущих в Бретани [Valette, 2007].

В XXI веке Кубертен остается спорной и противоречивой фигурой. В 2024 году многие наде-ялись на положительное решение о его пере-захоронении в Пантеоне. Проект существовал, два года назад его инициаторами выступили Ги Дрют, олимпийский чемпион в беге на 110 метров с барьерами, и Эрик Орсенна, писатель, лауреат Гонкуровской премии, член Французской ака-демии. Как писал Ги Дрют, работающий в МОК с 1996 года, он «предоставил проект во время олимпийской сессии, все члены МОК были в вос-торге» [Hube, 2024]. Но никакого ответа на запрос не последовало. Мы видим ключ к пониманию этой ситуации с точки зрения морали нашего времени в самой личности Пьера де Кубертена. Он был убежденным сторонником колониализма, исповедовал расизм и женоненавистничество.

CITIUS, ALTIUS, FORTIUS!

Традиционно человечество считает Кубертена автором олимпийского девиза «Быстрее, выше, сильнее» (*Citius, Altius, Fortius*). Однако автором, указанным сразу в 1894 году на Олимпийском конгрессе, был его соратник, французский монах-доминиканец Анри Дидон (1840–1900).

Кубертен действительно произнес «l'important, c'est de participer» (в русской трактовке: «Глав-ное – не победа, главное – участие»), фразу, кото-рая также легла в основу Олимпийского движения [Charpentier, Boissonnade, 1997]. Однако эту мысль он взял из проповеди епископа Пенсильвании Этельберта Талбота (1848–1928) в соборе Свято-го Павла по случаю Олимпийских игр в Лондоне 1908 года.

ТРАКТОВКА СООТНОШЕНИЯ ТЕЛА И ДУХА

Большинство людей цитируют латинское выраже-ние «Mens sana in corpore sano» ошибочно, трактуя его так, будто бы здоровье тела само по себе ведет к душевному здоровью. Неверное цитирование, искажения смысла в массовой культуре связаны с широким включением элементов «высокой куль-туры» в тексты постмодернизма, где цитирование становится повседневной практикой [Krivosheeva at al., с. 83]. Ювенал (Децим Юний Ювенал, ок. 60 – после 127) не собирался выявлять причинно-след-ственной связи между двумя частями предложе-ния. Вот как он писал (Сатира X, 356):

Orandum est ut sit mens sana in corpore sano. Fortem p[ro]sc(e) animu[m], mortis terr[or]e car[er]em... – Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом. Бодрого духа проси, что не знает страха пред смер-тью... (пер. Ф. А. Петровского).

Традиционное понимание этого крылатого вы-ражения является полной противоположностью изначально вкладываемого в него смысла.

СИМВОЛИКА ЭСТАФЕТЫ ОЛИМПИЙСКОГО ОГНЯ 2024 ГОДА

Эстафета олимпийского огня стартовала в Олим-пии 16 апреля 2024 года. Первым факелоносцем стал олимпийский чемпион по гребле С. Дускос, передавший огонь французской пловчихе Л. Ма-ноту. В Марсель огонь приплыл на корабле «Бе-лем». В этом акте символично всё: корабль был построен в Нанте в 1896 году, в год первой Олим-пиады в Афинах; его девиз: «Favet Neptunus eunti» («Нептун благоволит к путешествующим»); он при-нимал участие в праздновании столетия статуи Свободы (1987), 400-летия города Квебек (2008), в юбилее королевы Елизаветы II и Олимпийских играх в Лондоне (2012).

Далее олимпийский огонь пронесли через 67 городов Франции и пять заморских территорий: Французскую Гвиану в Атлантическом океане, Но-вую Каледонию в Тихом океане, Реюньон в Индий-ском океане, Французскую Полинезию, Гваделупу и Мартинику в Атлантическом океане. 14 июля огонь был на национальном празднике Франции в Париже. Эта эстафета была названа *Le parcours du relais*¹. Маршрут огня 2024 года был подчинен символике четырех направлений: история Фран-ции, природное наследие, творческие достижения, эмоции. Были перекинута мосты между эпохами: от пещеры Ласко (палеолитического памятника с наскальными рисунками), монастырь Мон-Сен-Мишель, замки долины Луары, Версаль до пляжей высадки союзников. Весь мир увидел передачу эстафеты в местах, связанных с именами Жанны д'Арк, Шарля де Голля и др. Экологи выбрали луч-шие национальные парки и гору Мон-Блан. Твор-ческий прорыв воплотили Гвианский космический центр (фр. Centre spatial de Kourou), виноградни-ки, музеи. Сопереживание в эстафетах серфинга в Биаррица и Теахупо'o, в подъеме велосипедистов на гору Монт-Венту, являющейся частью маршрута велогонки «Тур де Франс».

¹Le parcours du relais de la flame olympique. <https://olympics.com/fr/paris2024/relais-de-la-flame-olympique/>

СИМВОЛИКА НАГРАД

Оргкомитет Игр представил медали, изготовленные фирмой «Шоме» (Chaumet), самой по себе являющейся символом эстетических достижений Франции. Основатель этой ювелирной фирмы спас однажды молодого Наполеона, когда его лошадь понесла по Вандомской площади. В каждую из 5 084 медалей был вставлен подлинный фрагмент Эйфелевой башни, откованный в форме шестиугольника, отражая форму Франции, которая часто так и называется «l'Hexagone». На строго кодифицированной лицевой стороне медали, в правом углу была добавлена Эйфелева башня. Именно это сооружение стало самым главным символом Игр в 2024 году. Школьникам были розданы, например, коллекционные памятные монеты достоинством в два евро с веселым карикатурным изображением Эйфелевой башни.

РЕСПУБЛИКАНСКИЕ СИМВОЛЫ ФРАНЦИИ

Портал правительства Франции «Символы Французской Республики»¹, который мы отслеживаем в течение многих лет, беспрестанно меняется, в соответствии с изменением политической картины современного мира [Авдонина, 2024a]. К тому же стройной структуры в нем не наблюдается [Pinoteau, 1998]. Творческие послетекстовые задания нашего пособия «La France dans le monde moderne» позволяют обучающимся обсуждать эти семантические изменения [Авдонина, 2024b].

Трехцветный флаг

Цвета флага (синий, белый, красный) – национальной эмблемы Пятой республики переосмыслены. Прежде всего, приобрел новую интерпретацию синий цвет, получивший новое название – *Bleu France*². В практике модной одежды или цвета автомобилей, духов «Bleu Roi Thary» 2020 года он продолжает называться королевским синим (*bleu roi*)³. На Олимпийских играх это цвет национальной футбольной команды Франции (с галльским петухом на левой части груди).

Марианна

Первая аллегория Французской республики в виде женщины во фригийском колпаке⁴ относит-

ся к эпохе Французской революции [Rouge-Ducos, 2008]. В этом образе, как значится на портале, подчеркивается человечность власти.

Фригийский колпак

Фригийский колпак, символ Революции и Французской Республики, символизирует свободу на флагах Сальвадора, Никарагуа, Боливии, Парагвая, Кубы и на флаге штата Нью-Йорк.

На рисунке 1 на карикатуре Марианна – веселая, сильная и немолодая в отличие от образа Эжена Делакруа («Свобода, ведущая народ», 1830, Лувр). На голове у нее уже не фригийский колпак как символ свободы, а фриж – талисман Олимпийских игр 2024 года (см. рис. 2).

Рис. 1. Символы власти, ведущие команду Франции к победе (верхняя часть карикатуры, автор Р. Катлен5)

Рис. 2. Фриж – талисман XXXIII летних Олимпийских игр 2024

Название талисмана – *Phryge* – является укороченной формой второго слова словосочетания *bonnet phrygien*, «фригийский колпак», символ Революции и Французской Республики.

Фрижу придана антропоморфность. Для каждого вида спорта придумана соответствующая эмблема: фриж на старте забега, на серфе на волне, на коне, с клюшкой для гольфа, с баскетбольным или футбольным мячом, в костюме единоборца, с одной ногой и протезом вместо второй (для паралимпийских игр) и др.⁶

¹Les symboles de la République Française. <https://www.gouvernement.fr/charte/charte-graphique-les-fondamentaux/les-symboles-de-la-republique-francaise>

²Le drapeau français, sur le site officiel de la présidence de la République française. <https://www.elysee.fr/la-presidence/le-drapeau-francais>

³URL: <https://www.fragrantica.ru/html>

⁴Marianne. <https://www.elysee.fr/en/french-presidency/marianne>

⁵Cattelain R. pour Urtican.net. 2024. URL: <https://www.urtican.net/dessin-du-jour/paris-2024-les-phryges-en-forme-de-bonnet-phrygien-sont-les-mascottes-des-jeux-olympiques/>

⁶Paris 2024 : et voici la tribu des Phryges, mascottes des Jeux olympiques. (2022). URL: <https://www.leparisien.fr/sports/JO/paris-2024/paris-2024-et-voici-la-tribu-des-phryges-mascottes-des-jeux-olympiques-14-11-2022-AAL6L3JHP5GRRCL5W6JXDEERM4.ph>

Свобода, равенство, братство

Разнообразны и способы валоризации великих республиканских ценностей «Свобода, равенство, братство» («Liberté, égalité, fraternité»), воплощенных в монументе на площади Республики в Париже. Понятия свободы, равенства и братства были введены до Революции 1789 года. Понятия свободы и равенства часто объединялись в эпоху Просвещения, например, Руссо и Локком. Однако только во время Французской революции к этим понятиям присоединили братство, и они были объединены в триединство¹. Братство понимается неоднозначно, это понятие на портале объясняют как нечто, объединяющее членов любого сообщества, даже кружка по вышиванию, но именно олимпийское движение прославляет братство спортсменов всех стран.

Петух, солнечный и боевой

Петух несет в себе два мощных символа: встречу солнца на рассвете и храбрость. Стремительная походка, надутая грудь, плюмаж хвоста и острые когти придают петуху воинственный вид. В Галлии латинское слово *gallus* означало одновременно «галльский» и «петух». Для римлян эта омонимия стала предметом насмешек по отношению к галлам. Во время Французской революции петух заменил королевскую лилию. Во времена Третьей Республики (1870–1940) изображения петуха чеканили на печатях, золотых монетах, пуговицах различных ведомств, петух был водружен на ворота Елисейского дворца. На плакатах Первой мировой войны петушок противостоял немецкому орлу. На стеллах мемориалов погибшим скульптура петуха – это символ воинской доблести. Петух, установленный на шпилье собора Парижской Богоматери хранит реликвии, в том числе фрагмент тернового венца.

Петуха это эмблема французской олимпийской сборной. В 2024 году образ был изменен: это уже не изображение фигуры в профиль, а атакующая голова в фас, его гребень уподоблен олимпийскому пламени.

Ликторский жезл

В Древнем Риме ликторский жезл, или фасции (*лат. Fasces*), – это пучок прутьев-розог, перевязанных красным шнуром или связанных ремнями, символизирующий право ликтора (магистрата) давать приказы и наказывать (высекать этими розгами) за их неисполнение. Видео 2023 года

¹Gallica – BnF.fr. URL: <https://gallica.bnf.fr/>.

«Explique-moi: le faisceau de licteur»² в живой форме дает историческую справку о том, что означали компоненты этого символа в Римской Республике, как он был переосмыслен во время Великой Французской Революции: розги и топор стали интерпретироваться как символ объединения для защиты свободы; показывает, на каких документах используется ныне этот сложный символ.

Лотарингский крест

В 2018 году президент Эммануэль Макрон произнес речь, стоя за кафедрой, на которой была закреплена табличка с неофициальной эмблемой президентской власти – ликторским жезлом, неожиданно дополненным лотарингским крестом (Croix de Lorraine) наверху щита. Генерал Де Голль принял лекторский жезл в качестве эмблемы движения Сопротивления. В 1990 году 18-метровый крест установлен на том пляже Нормандии, где высадились войска Де Голля 14 июня 1944 года.

Древо свободы

Древо свободы на фоне шестиугольника, обрамленное девизом «Свобода, Равенство, Братство» изображено на аверсе монет евро Франции.

Сеятельница

Картина «Сеятельница» (La Semeuse³), написанная Оскаром Роти (Louis Oscar Roty, 1846–1911) в 1887 году, стала одной из знаковых фигур национальной мифологии и самым распространенным образом Республики. Картина воспроизведена на марках Франции и на монетах, начиная с 50 сантимов 1897 года. Это один из трех символов, выбранных Францией для аверса евро. Это аллегория республиканских идей, духа и свободы. Семена, которые сильная молодая женщина щедро бросает в землю, «представляют собой бесчисленные идеи, которые, возможно, однажды прорастут и прорастут, когда нас уже не будет»⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Символика в современном обществе осуществляет связь культур и поколений.

²«Explique-moi : le faisceau de licteur» : Video. URL: https://www.youtube.com/watch?v=lvEFovg_O18

³ La Semeuse. Musée d'Orsay. URL: <https://www.musee-orsay.fr/en/artworks/la-semeuse-55299>

⁴Les symboles de la République Française. URL: <https://www.gouvernement.fr/charte/charte-graphique-les-fondamentaux/les-symboles-de-la-republique-francaise>

Включая в оформление Олимпийских игр в Париже 2024 года образы своей национальной культуры (галльский петух, Сеятельница, Марианна, фригийский колпак, триединство ценностей «Свобода, равенство, братство» и др.), власти Франции имеют целью воздействовать на чувства спортсменов и зрителей; создавать и менять их отношение к действительности; обеспечивать понимание республиканских идей на новом

витке истории. Предложенные формы действительно привлекательны и отражают творческий порыв современных французских культурологов, историков, лингвистов. Создается сложная интертекстуальность в рамках межкультурной коммуникации. Наше исследование показывает, что власти Франции проводят осознанную политику по актуализации и валоризации символов Французской Республики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Durry J. Le vrai Pierre de Coubertin. Préf. J. A. Samaranch. Paris: UP Productions, 1997.
2. Clastres P. Pierre de Coubertin ou la paix par le sport. Poche. Broché: Presses universitaires de Rennes, 2024.
3. Thibault J. Sport et éducation physique 1870–1970: l'influence du mouvement sportif sur l'évolution de l'éducation physique dans l'enseignement secondaire Français, étude historique et critique. Paris: Vrin, 1987.
4. Carpentier F. Le sport est-il éducatif? Rouen: Presses universitaires de Rouen et du Havre, 2004.
5. Valette R. Catalogue de la noblesse française / éd. R. Laffont, 2007.
6. Hube V. Pierre de Coubertin, personnage controversé et grand absent des JO de Paris 2024 // L'équipe. 29.02.2024. P. 4–5.
7. Charpentier H., Boissonnade E. 100 ans de Jeux olympiques : Athènes 1896 – Atlanta 1996. Préf. G. Drut. Paris: Éditions France-Empire, 1996.
8. Krivosheeva E. N. et al. Language Features in Modern Social and Cultural Space and Personal Dimension / E. N. Krivosheeva, N. I. Zhabo, M. Yu. Avdonina, A. S. Bobunova // Wisdom. 2023. Vol. 25(1). P. 78–84.
9. Авдонина М. Ю., Жабо Н. И., Чернышева И. Б. Система символов Французской республики как рабочий элемент политической картины современного мира // Россия и Запад: диалог культур: сборник материалов XXVI Международной конференции. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2024. С. 58–71.
10. Pinoteau H. Le chaos français et ses signes: Étude sur la symbolique de l'État français depuis la révolution de 1789. Paris: Editions PSR, 1998.
11. Авдонина М. Ю., Жабо Н. И. Франция в современном мире: учебное пособие. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024.
12. Rouge-Ducos I. L'Arc de triomphe de l'Étoile: panthéon de la France guerrière, art et histoire. Dijon: Editions Faton, 2008.

REFERENCES

1. Durry, J. (1997). Le vrai Pierre de Coubertin. Préf. Juan Antonio Samaranch. Paris: UP Productions.
2. Clastres, P. (2024). Pierre de Coubertin ou la paix par le sport. Poche. Broché: Presses universitaires de Rennes.
3. Thibault, J. (1987). Sport et éducation physique 1870–1970: l'influence du mouvement sportif sur l'évolution de l'éducation physique dans l'enseignement secondaire Français, étude historique et critique. Paris: Vrin.
4. Carpentier, F. (2004). Le sport est-il éducatif ? Rouen: Presses universitaires de Rouen et du Havre.
5. Valette, R. (2007). Catalogue de la noblesse française. Ed. by R. Laffont.
6. Hube, V. (2024). Pierre de Coubertin, personnage controversé et grand absent des JO de Paris 2024. L'équipe (4–5).
7. Charpentier, H., Boissonnade, E. (1996). 100 ans de Jeux olympiques : Athènes 1896 – Atlanta 1996. Préf. G. Drut. Paris: Éditions France-Empire.
8. Krivosheeva, E. N., Zhabo, N. I., Avdonina, M. Yu., Bobunova, M. Yu. (2023). Language Features in Modern Social and Cultural Space and Personal Dimension. Wisdom, 25(1), 78–84.
9. Avdonina, M. Yu., Zhabo, N. I., Chernysheva, I. B. (2024). The symbol system of the French Republic as a working element of the political picture of the modern world. In Russia and the West: Dialogue of Cultures (pp. 58–71): collection of articles of the XXVI International Conference. Moscow: Center for the Study of Interaction of Cultures.
10. Pinoteau, H. (1998). Le chaos français et ses signes : Étude sur la symbolique de l'État français depuis la révolution de 1789. Paris: Editions PSR.

11. Avdonina, M. Yu., Zhabo, N. I. (2024). France in the modern world: Textbook. Moscow: Moscow State Linguistic University.
12. Rouge-Ducos, I. (2008). L'Arc de triomphe de l'Étoile : panthéon de la France guerrière, art et histoire. Dijon, éditions Faton.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдони́на Мари́на Ю́рьевна

кандидат психологических наук, доцент
доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
факультета заочного обучения Московского государственного лингвистического университета

Жабо Ната́лья Ива́новна

кандидат филологических наук
доцент кафедры иностранных языков Медицинского института
Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Шафи́кова Еле́на Серге́евна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
факультета заочного обучения Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Avdonina Marina Yurievna

PhD (Psychology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of Linguistics and Intercultural Communication
Faculty of Distance Learning and Part-time Education
Moscow State Linguistic University

Zhabo Natallia Ivanovna

PhD (Philology)
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Medical Institute of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Shafikova Elena Sergeevna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of Linguistics and Intercultural Communication
Faculty of Distance Learning and Part-time Education, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.07.2024
01.08.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Подходы к охране нематериального культурного наследия в государственной политике России и в деятельности ЮНЕСКО: сходства и различия

В. А. Сазонова

*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
sazonovaveronika@yandex.ru*

Аннотация. В статье дается сравнительная характеристика деятельности России и ЮНЕСКО по охране нематериального культурного наследия. В рамках исследования анализируются подходы к определению сущности и структуры нематериального культурного наследия, критерии признания объекта нематериальным наследием, особенности формирования программ поддержки и методы оценки эффективности их реализации.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, охрана наследия, ЮНЕСКО, культурная политика России, этнокультурное достояние

Для цитирования: Сазонова В. А. Подходы к охране нематериального культурного наследия в государственной политике России и в деятельности ЮНЕСКО: сходства и различия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 161–167.

Original article

Approaches to the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage in Russian State Policy and Unesco Activities: Similarities and Differences

Veronika A. Sazonova

*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
sazonovaveronika@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of similarities and differences between the activities of Russia and UNESCO for the safeguarding of intangible cultural heritage. The research analyzes their approaches to determining the essence and structure of the phenomenon of intangible cultural heritage, criteria for recognizing cultural practice as an object of intangible heritage, features of the formation of programs to support it and methods for evaluating the effectiveness of implemented programs.

Keywords: intangible cultural heritage, heritage safeguarding, UNESCO, cultural policy of Russia, ethnocultural heritage

For citation: Sazonova, V. A. (2024). Approaches to the protection of intangible cultural heritage in Russian state policy and UNESCO activities: similarities and differences. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(892), 161–167. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Охрана нематериального культурного наследия человечества является одной из самых актуальных проблем культурной политики как на международном уровне, так и на уровне отдельных государств. Обострение социокультурного кризиса в 3-м десятилетии XXI века на фоне продолжающейся глобализации и ускорения темпов урбанизации перевело сохранение, поддержку воспроизводства, обеспечение передачи новым поколениям носителей и хранителей, актуализацию и популяризацию нематериального культурного наследия в перечень ключевых государственных задач в деятельности по предотвращению утраты самобытной культуры практически во всех странах мира. Для Российской Федерации эта проблема носит фундаментальный характер в связи с характерным для нее этнокультурным, языковым и конфессиональным многообразием.

Разработке трактовок сущности нематериального культурного наследия, формированию ответственных подходов к его сохранению и исследованию связанной с этим национальной проблематики посвящены труды Ю. Веденина (развивавшего идеи Д. Лихачева), А. Каргина и А. Костиной, М. Каулен, Т. Курьяновой, М. Логиновой, Ю. Лотмана и др. Изучению процессов формирования международной практики охраны нематериального наследия и ее сущностного содержания посвящены исследования Ю. Кавада, Ф. Лензерини, Л. Смит, Б. Хоффмана и др. Российские исследователи рассматривают сохранение «живого» наследия через призму содержательной [Каулен, 2009] и функциональной значимости [Лотман, 2001] его феноменов в воспроизводстве этнокультурной идентичности [Курьянова, 2012] и трансляции традиционной культуры [Каргин, Костина, 2008] в тесной взаимосвязи с материальным наследием [Логинова, 2021] и бытованием [Культурный ландшафт как объект наследия, 2004]. В работах зарубежных исследователей данная проблематика рассматривается с помощью содержательного подхода к определению сущности «живого наследия» [Hoffman, 2009] в контексте сохранения его ценностно-смысловых компонентов в меняющемся мире [Lenzerini, 2011], вариативности его трансляции [Кавада, 2000], а также его взаимосвязи с материальным наследием [Smith, 2008].

Комплексный подход ЮНЕСКО к охране «живого» наследия человечества получил международное признание в качестве унифицированной стратегии этой работы, Россия не стала страной – участницей Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия¹ (далее

¹URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132540_rus/PDF/132540rus.pdf.multi

Конвенция ЮНЕСКО) и идет по пути формирования собственного концептуально-стратегического подхода к данным вопросам.

Анализ сходств и различий этих практик в рамках культурологического подхода является актуальным направлением исследований в связи с завершением в России формирования нормативных основ данной системы. В рамках исследования применяется сравнительный подход и метод контент-анализа.

НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮНЕСКО И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И КРИТЕРИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ЭТИХ СИСТЕМ

Подход ЮНЕСКО к охране «живого» наследия был сформирован со второй половины 1970-х годов по 2005 год на основе принципов устойчивого развития ООН и ценностного подхода к сохранению такого наследия [Купцова, Сазонова, 2022]. Сегодня главным документом, регулирующим работу в этом направлении, является принятая в 2003 году Конвенция ЮНЕСКО², которая конкретизирует в практической плоскости общие положения документов ООН.

В России процесс формирования государственного концептуально-стратегического подхода к сохранению и использованию нематериального культурного наследия начался в то же время, что и в международной практике, но завершающий этап его становления пришелся на 2024 год. Сегодня эта деятельность реализуется на основе всего комплекса нормативно-правовых документов, концепций и документов стратегического планирования РФ всех уровней в области культуры, национальностей, образования, поддержки коренных народов, молодежи, творческих индустрий и национальной безопасности. Документами, непосредственно регулирующими работу по присвоению культурной практике статуса нематериального культурного наследия и по дальнейшему сохранению этих объектов, являются: Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации»³ (далее 402-ФЗ); Постановление Правительства Российской Федерации от 03.08.2023 № 1277 «Об утверждении Положения о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации»⁴ и Распоряжение Правительства Российской

²URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132540_rus/PDF/132540rus.pdf.multi

³URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210200005>

⁴URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308070002>

Федерации от 02.02.2024 № 206-р «Об утверждении Концепции сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на период до 2030 года» на период до 2030 года¹ (далее Концепция 2030).

Цель статьи – провести сравнительный анализ этих подходов по четырем ключевым позициям: определение сущности и структуры феномена нематериального культурного наследия; критерии ЮНЕСКО и Российской Федерации, используемые для признания культурной практики объектом нематериального наследия; особенности формирования программ его поддержки и методы оценки эффективности реализуемых программ.

ПОДХОДЫ ЮНЕСКО И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩНОСТИ И СТРУКТУРЫ ФЕНОМЕНА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Согласно Конвенции ЮНЕСКО, нематериальное культурное наследие представляет собой «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия»². Передаваемое носителями от поколения к поколению и внутри сообществ «живое» наследие поддерживает преемственность и отражает их самобытность.

Согласно 402-ФЗ, нематериальное культурное наследие народов РФ представляет собой «совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения»³.

Как видно из приведенных определений, подходы России и ЮНЕСКО к определению сущности феномена нематериального наследия похожи, однако в нашей стране рассмотренный в предыдущем абзаце термин конкретизируется в Основах законодательства Российской Федерации о культуре, где с помощью определения «культурные ценности» расширяется нормативный перечень культурных практик, которые по своей сути являются

нематериальным культурным наследием, но не описаны в определении в 402-ФЗ (добавляются «говоры <...> исторические топонимы <...> уникальные в историко-культурном отношении территории...»⁴), и обозначается тесная взаимосвязь такого наследия с культурными ландшафтами его бытования и связанными с ним объектами материального и природного наследия. Также данное в 402-ФЗ определение нематериального наследия еще больше конкретизируется в ст. 4 через определение этнической общности Российской Федерации, которое указывает на то, что нематериальным наследием России признаются только те культурные практики, которые характерны для исторически проживающих на территории нашей страны этносов⁵, таким образом отделяя этот институт от культурных практик мигрантов из других стран. Помимо этого, данным положением, в отличие от Конвенции ЮНЕСКО, российский закон устанавливает взаимосвязь этнической принадлежности носителя и его нематериального наследия, а все иные лица, не имеющие этой взаимосвязи, но занимающиеся вопросами сохранения, изучения, популяризации, актуализации и использования конкретного объекта наследия могут быть признаны его хранителями.

Подобное положение складывается и с перечнем форм выражения нематериального наследия:

– ЮНЕСКО предметно очерчивает круг форм выражения такого наследия («устные традиции и формы выражения <...> язык <...> исполнительские искусства; обычаи, обряды, празднества; знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами»⁶;

– в рамках российского подхода этот перечень предметно очерчивается (типологически схоже, однако несколько более конкретизировано, например, в нем помимо языков, отдельно записаны диалекты, перечисляются конкретные типы традиционных исполнительских искусств, в него входят исторически сложившиеся образно-символические категории, связанные с традиционным укладом жизни), но является, по сути, открытым, поскольку в нем есть пункт «иные объекты нематериального этнокультурного достояния»⁷. Это дает возможность охватывать большее количество культурных практик при ведении Федерального государственного реестра объектов нематериального

¹URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402100001>

²URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132540_rus/PDF/132540rus.pdf.multi

³URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210200005>.

⁴Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102018866&rdk=>

⁵URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210200005>.

⁶URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132540_rus/PDF/132540rus.pdf.multi

⁷URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210200005>

этнокультурного достояния Российской Федерации (далее федеральный реестр).

Таким образом, подход ЮНЕСКО к определению сущности нематериального культурного наследия, оперирующий более общими типологическими категориями позволяет унифицировать деятельность по его охране на международном уровне и повысить ее инклюзивность с точки зрения выравнивания отличий национальных подходов к этой работе, однако при строго формальном исполнении заявленных положений из фокуса международного внимания могут выпасть некоторые знаково-символические и ценностно-смысловые объекты, связанные с традиционным образом жизни, которые сложно отнести к заявленным категориям форм выражения. Российский подход, трактующий эти феномены несколько шире, позволяет более комплексно и вариативно подходить к деятельности по охране «живого» наследия во всех его проявлениях.

КРИТЕРИИ ЮНЕСКО И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ ОБЪЕКТОМ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

В рамках исполнения Конвенции ЮНЕСКО ведутся Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества и Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране.

Для включения в первый список номинированная с согласия носителей культурная практика должна соответствовать принятому в Конвенции ЮНЕСКО определению нематериального культурного наследия и состоять в национальном списке объектов нематериального наследия номинировавшего ее государства-участника, которое обязано разработать программу его охраны. Для включения во второй список культурная практика должна находиться под угрозой утраты и соответствовать описанным выше критериям. По согласованию сторон объекты нематериального наследия могут быть перемещены из одного списка в другой при соблюдении описанных критериев¹.

В рамках государственного концептуально-стратегического подхода Российской Федерации к выявлению, сохранению, использованию и мониторингу состояния объектов нематериального

наследия, характерных для культур традиционно населяющих ее народов, в цифровом виде производится наполнение и ведение федерального реестра². Включаемые в данную автоматизированную информационную систему культурные практики должны соответствовать приведенному в 402-ФЗ нормативному определению нематериального культурного наследия, отражать этнокультурную самобытность ее носителей, воспроизводиться в России не реже одного раза в год не менее, чем в двух субъектах РФ³ (если только в одном, то включается в соответствующий региональный реестр на основании критериев, установленных конкретным субъектом Федерации⁴, возникнуть более 40 лет назад и, соответственно, обладать исторической ценностью⁵. Таким образом, в федеральный реестр включаются только особо ценные объекты для всей страны. Отдельного реестра для нематериального культурного наследия, в приоритетном порядке нуждающегося в охране в связи с угрозой исчезновения, в России нет, эти объекты включаются в федеральный реестр на основании описанных выше критериев.

В Российской Федерации принятие решения о включении в реестр происходит в течение одного года после подачи заявки⁶, а в рамках деятельности ЮНЕСКО обновление списков без созыва внеочередного заседания Генеральной ассамблеи Конвенции возможно лишь один раз в два года⁷.

Таким образом, российский подход с одной стороны гораздо более гибко подходит к вопросу признания культурной практики объектом нематериального наследия и, в отличие от ЮНЕСКО, не требует на первоначальном этапе разработки специализированных программ для его охраны (допуская, при необходимости, включение подобных проектов в государственные программы поддержки культуры и искусства впоследствии), но с другой стороны в российской практике четко очерчивается историческая ценность феноменов, включаемых в федеральный реестр, для традиционных культур исконно проживающих в России этносов. В перспективе это должно позволить оградить охраняемое государством нематериальное наследие от искажения или замещения симулякрами под влиянием современных культурных практик и медиапроцессов.

²URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308070002>

³Там же.

⁴URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210200005>

⁵URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308070002>

⁶Там же.

⁷URL: https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts-_2022_version-RU.pdf.

¹Основные тексты Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. // Operational Directives for the implementation of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Heritage, UNESCO Intangible Cultural Heritage, 2022. С. 30-48. URL: https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts-_2022_version-RU.pdf.

ПОДХОДЫ ЮНЕСКО И РОССИИ К ФОРМИРОВАНИЮ ПРОГРАММ ПОДДЕРЖКИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В рамках исполнения Конвенции ЮНЕСКО деятельность по охране нематериального наследия реализуется на двух уровнях – национальном и международном. На национальном уровне страны – участницы Конвенции ЮНЕСКО обязаны действовать согласно предусмотренным в ней этическим принципам¹ и принципам устойчивого развития ООН, а также продолжать работу по формированию национальных перечней нематериального наследия, реализации программ его охраны и его использованию в образовательных процессах на местном и национальном уровне. Под эгидой ЮНЕСКО на международном уровне реализуются программы научных исследований, трансляции и популяризации нематериального наследия, а также подготовки кадров в этой области.

В отечественной практике охрана нематериального наследия на сегодняшний день осуществляется в целях сохранения культурного суверенитета России², этнокультурной самобытности, традиционного образа жизни, языкового многообразия и преемственности поколений ее народов³, формирования их общероссийской идентичности и укрепления духовного единства⁴, обеспечения межнационального и межконфессионального согласия, а также национальной безопасности нашей страны⁵. В перечни мер входят проекты и программы, направленные на решение как общих задач по выявлению, изучению, документированию, поддержке воспроизводства, сохранению, актуализации, популяризации и использованию нематериального наследия, так и на решение конкретных узкоспециализированных задач, связанных с инфраструктурным или нормативным обеспечением этой деятельности. В некоторых случаях эти программы пересекаются и координируются между собой.

Концепция 2030, принятая в 2024 году, является связующим звеном между концепциями и документами стратегического планирования

¹URL: https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts_-_2022_version-RU.pdf.

²Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=16&nd=102391450.

³URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402100001>

⁴Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102161949

⁵Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=1&nd=602263723

Российской Федерации, затрагивающими вопросы сохранения нематериального наследия, поскольку предполагает дальнейшее упорядочивание и методическое совершенствование мер поддержки для обеспечения системной взаимосвязанной работы в этой области. Важнейшими перспективными задачами этого документа являются разработка механизмов защиты нематериального культурного наследия России от деструктивного воздействия, механизмов поддержки носителей и хранителей, организация и реализация системной работы по выявлению и мониторингу состояния нематериального наследия, а также создание новых системных подходов к передаче нематериального наследия от поколения к поколению посредством образовательных, воспитательных, просветительских, творческих и иных проектов и программ⁶.

Таким образом, подход ЮНЕСКО к формированию программ поддержки нематериального культурного наследия в большей степени направлен на решение задач по его сохранению, популяризации и трансляции, а также использованию в целях локального устойчивого развития, в то время как в российском подходе долгое время преобладали практические задачи по его изучению, воспроизводству, возрождению, развитию, трансляции, популяризации и использованию в национальных интересах, а системная организация работы по его выявлению, изучению и сохранению долгое время находилась на этапе разработки ее нормативных, методологических и методических оснований. Реализация Концепции 2030 должна нивелировать этот перекос.

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗУЕМЫХ ПРОГРАММ ЮНЕСКО И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В рамках реализации Конвенции ЮНЕСКО разработана Общая система оценки ее результатов⁷, которая содержит в себе критерии оценки деятельности государств-участников в 8 тематических областях по 26 ключевым показателям и 86 качественным критериям, достижение которых позволит выполнить краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные задачи конвенции.

Целевые показатели Концепции 2030, а также государственных программ и проектов, включающих в себя меры, направленные на сохранение, актуализацию и популяризацию нематериального наследия российской культуры, в большей степени имеют количественный характер. При этом какая-либо единообразная и исчерпывающая

⁶URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402100001>

⁷https://ich.unesco.org/doc/src/2003_Convention_Basic_Texts_-_2022_version-RU.pdf

система оценки эффективности этой работы по качественным критериям аналогичная предложенной ЮНЕСКО в настоящий момент в нормативной базе на концептуальном уровне не сформирована. Во многом это является следствием исторически сложившегося разделения управления этим институтом между разными ведомствами и, соответственно, разными документами и программами поддержки. В то же время качественными критериями оценки этой работы могут стать положения, заявляемые как ожидаемые результаты реализации всех концепций и документов стратегического планирования Российской Федерации, затрагивающих вопросы сохранения, популяризации и использования нематериального наследия, при условии их систематизации и разработки единой методики оценивания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные нами отличия подходов обусловлены тем, что предлагаемый ЮНЕСКО подход изначально формировался как наднациональный, с задачей систематизировать и унифицировать на международном уровне деятельность по охране «живого» наследия человечества в тех объемах, в которых это возможно сделать во всех странах – членах ООН, имеющих разные формы государственности и разный уровень развития законодательства в области культуры. А российский подход формировался в условиях трансформации всей нормативной базы государства и необходимости решать практические задачи в области культуры под влиянием социально-экономических и политических факторов с учетом национальных особенностей. Подход ЮНЕСКО в его международном применении далеко не всегда позволяет учитывать ряд особенностей развития практических подходов к охране нематериального наследия, характерных для конкретных государств, переводя

эти вопросы на национальный уровень в рамках компетенций местных правительств¹. Российский подход гораздо более вариативен в вопросе признания культурной практики объектом нематериального наследия, но только в тех случаях, когда такие феномены имеют историческую ценность и принадлежат культуре исконно российских этносов. В подходе ЮНЕСКО с момента принятия соответствующей конвенции реализовывалась проработанная система признания культурных феноменов объектами нематериального наследия и их дальнейшего сохранения, в российском же подходе долгое время преобладали задачи практического характера по изучению, поддержке воспроизводства, возрождению и развитию такого наследия, а также его трансляции, популяризации и использованию в описанных выше целях.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в рамках деятельности ЮНЕСКО спецификация, подобная реализуемой в российской практике, не требуется из-за различий культур народов мира и сложившихся практик управления в этой области. Однако в России вследствие ее культурных особенностей для решения этой задачи требуется реализация взаимосвязанной и целостной системы охраны объектов нематериального культурного наследия, которая бы учитывала региональные и локальные особенности. С принятием Концепции 2030 российский подход к охране «живого» наследия приобрел необходимую целостность и в данный момент охватывает больший спектр практических вопросов, нежели подход, предложенный ЮНЕСКО. Дальнейшее развитие этой системы и обновление подходов к оценке эффективности принимаемых мер на основании качественных критериев имеет фундаментальное значение для сохранения культуры России.

¹URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000132540_rus/PDF/132540rus.pdf.multi

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каулен М. Е. Актуализация нематериального наследия: формы и методы // Фундаментальные проблемы культурологии. М. ; СПб.: Новый хронограф : Эйдос. 2009. Т. 6. С. 27–39.
2. Лотман Ю. М. Семиосфера. 2001. СПб.: Искусство.
3. Курьянова Т. С. Этнический аспект нематериального наследия: способы сохранения // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. № 1 (5). С. 37–42.
4. Каргин А. С., Костина А. В. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 59–71.
5. Логинова М. В. Актуализация культурного наследия в контексте задач современной культурной политики // Сфера культуры. 2021. № 4. С. 73–79.
6. Культурный ландшафт как объект наследия / Ю. А. Веденин и др. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Була-нин, 2004.
7. Hoffman B. T. Art and cultural heritage: law, policy, and practice. C.: Cambridge university press, 2009.

8. Lenzerini F. Intangible Cultural Heritage: The Living Culture of Peoples // The European Journal of International Law. 2011. Vol. 22. № 1. P. 101–120.
9. Кавада Ю. Инициативы по защите нематериальных объектов культурного наследия // Всемирный доклад по культуре 2000+: культурное многообразие, конфликт и плюрализм. М.: Магистр-пресс, 2000. С. 168–169.
10. Smith L., Akagawa N. Intangible Heritage. L.: Routledge, 2008.
11. Купцова И. А., Сазонова В. А. Нематериальное культурное наследие: концептуальные подходы к определению феномена // Обсерватория культуры. 2022. Т. 19. №1. С. 56–64.

REFERENCES

1. Kaulen, M. E. (2009) Actualization of intangible heritage: forms and methods. Fundamental problems of cultural studies, 6, 27–39. Moscow: New chronograph ; St.Petersburg: Eidos. (In Russ.)
2. Lotman, Yu. M. (2001) Semiosfera = The Semiosphere. St.Petersburg: Art. (In Russ.)
3. Kuryanova, T. S. (2012) Ethnic aspect of intangible heritage: ways of preserving. Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 1(5), 37–42. (In Russ.)
4. Kargin, A. S., Kostina, A. V. (2008) Preservation of Non-material Cultural Heritage of the Nations of the RF as a Priority of Cultural Policy of Russia in the XXI Century. Knowledge. Understanding. Ability, 3, 59–71. (In Russ.)
5. Loginova, M. V. (2021) Updating of cultural heritage in the context of contemporary cultural policy. Sphere of Culture, 4, 73–79. (In Russ.)
6. Vedenin, Yu. A. et al. (2004). Cultural Landscape as a Heritage Site. Moscow: Heritage Institute ; St.Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Russ.)
7. Hoffman, B. T. (2009). Art and cultural heritage: law, policy, and practice. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Lenzerini, F. (2011). Intangible Cultural Heritage: The Living Culture of Peoples. The European Journal of International Law, 22(1), 101–120.
9. Kawada, J. (2000). Initiatives for the protection of intangible cultural heritage. World Cultural Report 2000+: Cultural diversity, conflict and pluralism (pp. 168–169). Moscow: Magister-press. (In Russ.)
10. Smith, L., Akagawa, N. (2008). Intangible Heritage. London: Routledge.
11. Kuptsova, I. A., Sazonova, V. A. (2022). Intangible Cultural Heritage: Conceptual Approaches to the Phenomenon Definition. Observatory of Culture, 19(1), 56–65. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сазонова Вероника Александровна

аспирант кафедры культурологии

Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sazonova Veronika Aleksandrovna

Postgraduate Student at the Department of Cultural Studies

Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.08.2024
06.08.2024
06.08.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 11 (892)**

**VESTNIK
of Moscow State
Linguistic University
Humanities
Issue 11(892)**

Ответственные за выпуск:

Л. Ш. Рахимбекова
кандидат филологических наук, доцент
Т. С. Мозоль
кандидат педагогических наук, доцент

Executive editors:

Lola Sh. Rakhimbekova
PhD (Philology), Associate Professor
Tatiana S. Mozol
PhD (Pedagogy), Associate Professor

Редактор Н. Г. Павлова
Верстка: Г. П. Лопатина
Разработка макета: А. В. Алымов

Editor Natalia G. Pavlova
Layout: Galina P. Lopatina
Layout design: Andrey V. Alymov

Подписано в печать 13.12.2024
Усл. печ. л. 21,0
Формат 60х90/8
Заказ № 105/24

Signed for print: 13.12.2024
Conventional printed sheets: 21,0
Layout format 60x90/8
Order 105/24

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024

© FSBEI HE MSLU, 2024

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».